Человек Тусовки

Андрей Разин

SHOUT
SHARE
IT

- Андрей Разин
  - 1 Алексей Распутин
  - 2 Юрий Чикин
  - 3 Вика Ермолина
  - 4 Алексей Распутин
  - 5 Юрий Чикин
  - 6 Вика Ермолина
  - 7 Алексей Распутин
  - 8 Юрий Чикин
  - 9 Вика Ермолина
  - 10 Алексей Распутин
  - 11 Юрий Чикин
  - 12 Алексей Распутин

Андрей Разин
Человек Тусовки

1 Алексей Распутин

Началось это на прошлой неделе, — в среду. Я пел на стадионе под проливным летним дождем, мертвой хваткой вцепившись в микрофон, время от времени окидывая взглядом свою тусовку. Звукорежиссер Валерий весь в напряжении, в дождь можно ждать всего, охрана мокнет у кромки поля, вид у нее вполне воинственный, а вот музыканты на сцене, совсем скисли, едва шевелятся, да и сам я изо всех сил выдавливаю из себя улыбку; это был третий концерт, когда я закончил пятую песенку о бессмысленной любви к взбалмошной девчонке (оставалось еще три) и пацанки с центральной трибуны пытались прорваться к сцене через кордоны вымокших милиционеров, на беговую дорожку выкатил желтый, примятый со всех сторон «Запорожец», чтобы сделать круг почета. Урча, охая, едва не заглушая усилители мощностью в пятьсот ватт, он начал совершать круг почета по стадиону.

Он преспокойно подкатил к самой сцене, из него вышла дамочка средних лет с раскрашенной физиономией и прошествовала мимо зрителей. За ней семенил весь из себя модный фраер, запакованный в варенки. При этом он уверенными движениями разбрасывал вокруг семечную шелуху.

Я бы мог в это мгновение надуть жилы на шее, взмахнуть руками поверх головы и заорать на него что-то вроде «удав гнутый!», но я пел, я прыгал под восхищенными взорами по гаревой дорожке, а он все больше отдалялся от меня. Раздалось несколько свистков, прокатилась волна смеха. Попробуй докажи, что смеются над ними, а не надо мной… Я пел и пожирал глазами охрану. Раскормленные, груды мышц… Я с вами сегодня тоже как следует поговорю, вы наняты не только против рэкета и оголтелой толпы, надо хоть немного шевелить мозгами, если даже они полностью отсутствуют… Я пел и чувствовал, как кровь из артерий и вен перелилась в голову, что-то (я это явственно почувствовал) зашипело во мне, как раскаленная сковородка, на которую выкатили воду, и внезапно оборвалось. Я вздрогнул и невпопад открыл несколько раз рот — неужели разрыв сердца, неужели конец всему, я умираю?.. Я закрыл глаза, а в это время начиналась предпоследняя песня, я приблизил к себе микрофон. Ничего не произошло, даже наоборот, кровь также стремительно отхлынула от лица, я чуть приободрился, а когда понял окончательно, что никуда не отправился с этого света, снова запел, и более того — помчался от сцены к трибунам, насколько позволял микрофонный шнур… Все-таки эти идиоты доведут

меня когда-нибудь, это не работа, а черт знает что…

Дай бог дотянуть до конца, не рухнуть на этом поле, и я поговорю с ними…

Я и в самом деле благополучно дотянул последнюю песню, которую, как обычно, исполнил на «бис». Перед ней ведущий выдавал свою «коронку». Сперва он говорил, что время концерта подошло к концу, дожидался, пока по трибунам не пробежит вздох сожаления, и тогда призывал стадион: «Повторяйте вместе со мной: „Распутин! Распутин!“» Стадиону это только и надо было. Он принимался реветь что есть мочи, и в эту минуту на сцене появлялся я с вопросом: «Еще?» Они в ответ: «Еще, еще!» Я спрашивал: «Что вам спеть?» Они в ответ — название своей любимой песни «Утро», Так повторялось много раз и всякий раз беспроигрышно. В этот вечер тоже. Закончив песню, я через коридор охранников и милиции бросился в гримерную. Вот сейчас наступит миг расплаты… Сейчас!

— Кретины! Все уволены, все до единого.

Первым побледнел Автандил, мой главный администратор, которому обычно доставалось больше всех.

— В чем дело, Распутин? Концерт удался. Лучший концерт в этом городе.

— Идиот! Это по твоей просьбе на поле выехал «Запорожец»?! В честь лучшего концерта. А где охрана?! За что я плачу им такие деньги?.. Чтобы они набивали себе брюхо и таскали в номера девок?! Завтра же чтобы не было ни одного!!!

— Хорошо, я все сделаю, как ты скажешь, но только успокойся, я очень прошу, был один звонок, я волнуюсь… — почти спокойно отреагировал Автандил.

— Кто был на этом «Запорожце»?

— Сейчас узнаю, только успокойся. Он выбежал из гримерной.

Я ополоснул лицо холодной водой. Руки у меня дрожали, в ногах засела слабость. Я упал на диван, чуть отдышался и заметил, что нахожусь в комнате один. Быстро же их всех вымело. Сейчас ждут, пока я отойду. Опыт уже имеется. Но на этот раз черта с два. Запыхавшийся Автандил появился через минуту.

— Кто это был? — снова закричал я.

— Билитерша стадиона. Она до последнего продавала билеты.

— Так был же аншлаг!

— Оставалось несколько билетов. Я с ней разобрался. Подвел шофер, он по привычке въехал на дорожку…

Я несколько раз глубоко вздохнул.

— Ты мог оказаться на улице, Автандил, или в лучшем случае

в администраторах у какой-нибудь пятидесятилетней красотки.

— А что случилось?

— Я чуть не умер. Внутри шипел раскаленный металл… Автандил в ужасе посмотрел на меня.

— Я давно говорил, что три концерта в день много. Ты в самом деле начинаешь шипеть, как старая головешка…

Автандил налил мне горячего чая, добавил несколько капель коньяку. Я почувствовал, что отхожу.

— Дайте побыть одному, я устал, — сказал я вполне смирно, и Автандил чуть заметно улыбнулся. Но улыбка показалась мне какой-то странной.

— Что у тебя? — спросил я.

— Тебе кипеть бы в других случаях, когда вокруг собирается всякая шваль….

Он сейчас заведет свою старую пластинку насчет того, что народ в самую коммерческую в стране тусовку нужно подбирать тщательно, а не так, как я: возьму, мол, человека, а он через три дня заложит по-черному, или сбежит, или сотворит такое… Так и в самом деле бывало не раз, я сам себя часто проклинал за свою неосмотрительность и доверчивость, но иначе нельзя, как это ни странно звучит. Автандил не понимает, что в настоящей тусовке, где собираются не дряхлые солисты разлива семидесятых, а шестнадцати-семнадцатилетние пацаны, по-другому быть не может. Автандил (быть может, я тоже спешу с утверждением) отличный администратор, у него интеллигентный вид японского подданного, он может уговорить самую сумасбродную кассиршу в любом аэропорту Союза, у него богатый опыт. Еще совсем недавно Автандил был секретником у одного генерала-Героя, который до сих пор орет, что нельзя было выводить войска из Афганистана, но меня он никогда не поймет до конца. Генерал, кстати, иногда помогает Автандилу в тех случаях, когда на его пути являются самые твердокаменные администраторы гостиниц или продавцы авиабилетов. Автандил имеет для них коронный номер — он вышибает слезу рассказом о том, что все его родственники, включая любимую маму, давно: живут в Канаде, мама владеет там кинотеатром и рестораном с номерами (именно последнее ему нравится особо подчеркивать), а он из-за того, что служил секретчиком у известного и геройского генерала, еще десять лет не сможет увидеть дорогую мамочку и всю свою родню. Еще он добавляет, что ему негде жить, он болтается по знакомым и радуется, когда исчезает из Москвы, зная, что его ждет теплый и уютный номер в гостинице, и что вообще ему придет конец от Распутина, если он не сделает билеты или номера для группы. Когда и это не проходит, что бывает крайне

редко, Автандил вдруг обнаруживает в кармане груду телеграмм, к тому же заверенных, о смерти самых различных родственников. Оказывается, в один и тот же день (случаются же такие проклятия!) у каждого артиста группы умерло как минимум по одному родственнику…

При этом Автандил забывает сказать, что его азиатская, родня уже лет сто как живет в Москве, представляет из себя не последнюю мафию, которую возглавляет родной старший братик, вор в законе. Но Автандил с ними деловых связей не имеет, он может лишь пригрозить какому-нибудь должнику, что придет старший брат и выпотрошит не только, его долги, но и все остальное, что можно выпотрошить. Автандила после армии, потянуло вдруг на хлопотную администраторскую стезю, я подобрал его в одной группе, влачившей полуголодное существование, и сейчас Автандил вполне соответствует виду японского подданного.

Я лежу на диване и с радостью думаю, что завтра день переезда, ни одного концерта, можно будет выспаться всласть, Автандил сидит рядом, я делаю вид, что, не помню его слов о неприятном звонке, взволновавшем его, он не нарушает правил игры, знает, что я никогда ничего не забываю.

— В гостинице я все-таки не выдержал и первым спросил о звонке.

— Мои ребята… Они случайно встретили Мысленко. Настроен агрессивно. Мы, говорит, открутим ему голову, мальчик зазнался, забыл, кому он всем обязан и все прочее… Пообещал ославить на весь мир.

— Да пошел он знаешь куда, никто не захочет с ним связываться.

— Смотри, я бы кое-что предпринял…

Я больше не слушал Автандила. Уткнулся в экран телевизора, шла какая-то музыкальная передача. Смотри не смотри, а о нас ни слова. Для этой купленной с ног до головы банды не существует ни хит-парадов, в которых мы на самом верху больше года, ни миллионов магнитоальбомов.

Я отправил Автандила, выключил телевизор и позвонил, домой. Жена сказала, что звонил композитор, у него готовы две песни для Кречета, надо выбрать время, чтобы записать.

— Что еще? — спросил я.

— Какие-то странные звонки. Все время набирают, слушают и бросают трубку.

— Неужели ты не привыкла к фанаткам?

— Это не такие звонки…

— Молчание в трубке отличается? Не волнуйся, укладывайся

спать. Я тоже валюсь с ног…

Я проверил, закрыл ли дверь, завалился на кровать и словно отключил сознание. Ни единого сна за всю ночь. Такое случалось редко. Обычно одни кошмары, притом длинные, многосерийные.

Наутро в номер первым влетел Автандил.

— Распутин, выезд задерживается!

— Это почему?

— Умер администратор стадиона.

— Какой еще администратор, при чем здесь я… Нам пилить триста километров.

Он вздохнул:

— Ты все-таки неисправимый. Да это же администратор стадиона, на котором проходили концерты. Тот самый, который вышел из «Запорожца». Вчера вечером…

— Постой, постой, так он же совсем молодой, весь в варенках…

— Я чувствовал, что мне делается плохо. Я вспомнил непонятное шипение у себя в груди.

— Да, молодой, чуть больше тридцати… Вечером стало плохо с сердцем, вызвали врача, но уже было поздно. Никогда раньше не жаловался. Поехали за венками. Автобус чуть задержится.

Да, я смотрел на него и вспоминал — в тот самый момент, как послышалось это проклятое шипение, я думал, что умираю, а умер он, администратор, совершивший круг почета вокруг стадиона на своем добитом «Запорожце».

— Что с тобой, ты побледнел? — спросил Автандил. Его голос доносился до меня словно издалека.

— Ничего, все в порядке, — пробормотал я в ответ. — Зайди за мной, когда будет автобус. Пускай все.

Я вдруг вспомнил слова Джалилы. Нет, это было не тогда, не в тот вечер, когда я, бездомный администратор, подвизающийся на ниве сколачивания коммерческих групп, случайно попал к ней вместе с одним полупьяным композитором, подобравшим меня чуть ли не на улице. Композитор в те дни был одержим созданием своей фантастической фирмы, он пил, а в перерывах принимался фантазировать — да мы с тобой перевернем всю эстраду, я на верном пути, ты уж поверь мне.

Дом Джалилы находился на Арбате, огромные холлы, какие-то странные люди, охрана у входа.

— Заплетающимся языком композитор представил меня. Джалила долго и испытующе смотрела на меня, а затем внезапно сказала:

— Ты будешь моим братом, я чувствую в тебе то, что чувствую в себе. Когда тебе будет трудно, приходи. Мой дом с

этой! минуты становится твоим домом.

Мне стало не по себе, мурашки пробежали по коже, а композитор подтолкнул меня к ней, прошептав:

— Поцелуй руку, деревня…

Я притронулся губами к ее длинной, изящной ладони и почувствовал, как меня пронзило током. Может, это было от голода, несколько дней я почти ничего не ел, да и не спал на вокзале все время гонял милиционер, я показался ему подозрительным, а хозяйка квартиры, вернее, койки в какой-то кошмарной берлоге, выгнала за неуплату.

— Назови свое имя, — сказала всемогущая Джалила, о которой по Москве ходили невероятные слухи — это она привела в движение омертвевшие челюсти человека, который до встречи с ней только и мог, что мычать с высоких трибун, это она излечила сына западной суперзвезды от гангрены обеих ног, это она живет не одной жизнью, а сразу несколькими, для нее не существует временных границ.

Я не мог вымолвить ни слова. Композитор пришел мне на помощь, сказал, что я очень волнуюсь, да и как может не волноваться в доме самой Джалилы деревенский мальчишка, обладающий недюжинной, правда, наглостью, что уже помогло ему кое в чем проявить себя…

Она прервала композитора одним жестом, усадила меня рядом, пододвинула тарелку с яствами, которых я никогда в своей жизни не пробовал, и время от времени приговаривала:

— Не волнуйся, человек не должен волноваться в своем доме, а раз ты мой брат, значит это и твой дом…

Я с жадностью ел, стараясь поменьше набивать рот, что у меня не всегда получалось, маленькими глотками отпивал вино, чтобы с голодухи тут же не рухнуть под стол, а вокруг велись совершенно непонятные для меня разговоры. Известный поэт говорил, что в лице Джалилы мир найдет художника с необычайным видением. Это недостижимо для самых великих, но люди еще не совсем понимают, кто живет рядом с ними. В разговор то и дело встревал священник в рясе и со сверкающим крестом на груди, он был уверен, что все у Джалилы от Бога, на что она ответила, что религия в наш век стала менять свой облик, вера в Бога может принимать тысячи различных форм, иметь бесчисленные названия. Главное, что в центре вселенской мощи стоит человек, создание не слабое, а сильное, и, чтобы проявить свою силу, человеку необходимо установить связь с наивысшим, с космосом, перед которым и сам Бог — существо слабое, мятущееся… У Джалилы прямая связь с космосом, она в любой момент может войти с ним в контакт, получить от него

неограниченную, непонятную земным силу… При этих словах священник перекрестился, опрокинул стопку — и стал благодарить Джалилу за возвращенное ему здоровье…

Это длилось бесконечно, а я все ел и ел, пользуясь тем, что одни гости приходили, другие уходили. Парни в черных рубашках все время подносили еду. К полуночи я выглядел осоловевшим, композитор предложил мне остаться ночевать у Джалилы, но я гордо отказался. Когда мы уходили, Джалила произнесла фразу, которую повторила потом несколько раз:

— Ты мне брат, приходи в свой дом, приходи, когда захочешь, а сегодня оставайся, я знаю что тебе негде ночевать. Завтра я все скажу о твоей будущей жизни…

Я оказался в огромной спальне, утонул в перинах и чувствовал себя героем известного мультфильма — волком, вконец объевшимся на свадьбе. Не знаю, сколько прошло времени, когда в комнате появилась Джалила. Она стала на колени: передо мной, взяла мою руку в свою горячую дрожащую ладонь и прошептала:

— Я обещала сказать тебе все завтра, сегодня уже завтра — и я сдерживаю обещание. Ты человек, которого запомнят люди, ты проявишь себя во многом…

Я не мог понять, сплю я или нет, я пытался протереть глаза, но не было сил поднять руку, я был словно каменный, потерявший сознание.

— Иногда тебе будет очень тяжело, безысходность будет окружать тебя на каждом шагу, но это не страшно, это все уже было, ты все прошел и выдержал….

Она — или ее тень — продолжала стоять передо мной на коленях, я пытался подвинуться, но у меня не было сил.

— Такие люди рождаются не часто, они принадлежат космосу, их души существуют осознанно великое множество раз, они переселяются и не теряют при этом памяти, как это случается с душами других людей, поэтому мы можем пересекать любые временные барьеры и осознавать это… Но в тебе зачатки нашей силы, их нужно развивать…. Ты будешь чувствовать свою силу, но не всегда сможешь управлять ею, она в тебе стихийна, и это может оказаться страшным для других, более, слабых людей…

Она говорила, обволакивая меня непонятным жаром, мой мозг туманился в неясных видениях…

Я проснулся в холодном поту. Через тяжелую штору светила солнце. Сколько я проспал? Значит, это был сон или, скорее, бред какой-то, навеянный вчерашним вечером; она не приходила, не могла приходить, мне все это померещилось, но почему же моя рука помнит прикосновение ее ладони, почему в моем сознании

четко и явственно звучит ее голос? Я вскочил, натянул майку и джинсы (выдал композитор, чтобы я приобрел фирмовый вид) и вышел из спальни. Мне хотелось побыстрее убежать из этого дома. Я шел по каким-то коридорам, заглядывал в другие комнаты, набитые старинной мебелью, и внезапно оказался во вчерашней гостиной, где на меня с удивлением уставились несколько человек. Среди них была Джалила.

— А вот и наш молодой друг. Как спалось? — спросила она. Голос отличался от того, ночного.

— Спасибо, — пробормотал я и попытался подойти к противоположной двери. Я понимал — там выход.

— Посидите с нами, Алексей, — сказала Джалила, — сейчас подадут кофе. Кстати, фамилия у Алексея Распутин.

— Очень хорошая фамилия для раскрутки, — заметил известный поэт, потягивающий шампанское из узкого, длинного бокала. — Такую фамилию надо ценить…..

Двое парней принесли кофе, бутерброды и несколько бутылок марочного коньяка. Странно, но я не хотел есть. Видимо, перестарался… Я не хотел есть впервые за последние несколько лет.

— А чем занимается молодой Распутин? — спросил поэт. Я был в колхозе, потом пел, а теперь администратор в центре Журавского (фамилия моего опекуна-композитора).

Поэт так и рухнул от смеха, за ним вся компания. Только Джалила смотрела на меня внимательно.

— Ты помнишь вчерашний разговор? — неожиданно спросила она, пронзив меня своим взглядом.

— Помню, — ответил я, а сам подумал — какой разговор, вечерний или ночной. Значит, последний ночной не померещился? А может, все-таки вечерний?

— Так вот, все так и будет, как я сказала. Я изредка ошибаюсь.

Она говорила, а остальные, не обращая на нее внимания, принялись пить коньяк. Вскоре явился Журавский, его встретили как самого родного человека, угостили коньяком и шампанским, он повеселел, а затем вдруг нахмурился:

— Нам пора с господином Распутиным, нас ждут великие дела, мы задумали переворот… И он близится, поверьте мне.

— Сколько переворотов было на моей памяти…

— А теперь состоится, вот увидите — состоится, — торжественно произнес Журавский и опрокинул еще одну, рюмку.

Джалила пошла проводить нас, у порога протянула мне бумажку:

— Вадим говорил, что тебе негде жить… Здесь адрес. Живет

старушка, у нее свободная комната. Живи, пансион полный… За мой счет, пока у тебя ничего нет.

Ошеломленный, я вышел следом за Журавским на Арбат.

— Ничего не могу понять… Журавский рассмеялся:

— Ты еще многое для себя откроешь в этом городе…

— Она мне такое сказала, голова идет кругом. Он внимательно посмотрел на меня спросил:

— Предсказала твою будущую жизнь? — и, не дожидаясь ответа:- Так и есть. Значит, она переспала с тобой…

Ну и кретин! На него плохо действует коньяк с утра…

Я ехал в автобусе. Перед глазами стоял водитель истерзанного жизнью «Запорожца». Я словно слышал слова Джалилы: «…это может оказаться страшным для других, более слабых людей…»

Подозвал к себе, Автандила:

— Послушай, а что случилось с этим администратором? Ты мне о чем-то утром рассказывал.

Автандил как-то странно глянул на меня.

— Да ты что?! Ничего не помнишь? Он умер… Вечером стало плохо, вызвали врача, но поздно… Остановилось сердце. На этом автобусе возили венки, в том числе и от нас, еще я передал деньги для семьи, думаю, ты не против? Сумма небольшая, пятьсот рублей, но все же…

— Да, да, я все помню, — сказал я и закрыл глаза. Вокруг туман какой-то.

— Тебе надо передохнуть, Распутин, я давно говорил. Все куда-то несешься… Куда, зачем? Передохни, отоспись как следует.

Рядом раздался хохот Кречета: — Это не поможет, Автандил. Да он же вольтанутый, чокнутый на всю катушку. Я это давно знаю…

Я хотел ему что-то сказать в ответ на идиотскую шутку, но не стал.

2 Юрий Чикин

Я увидел их издалека. Ах да, мы вчера договаривались, они звонили далеко за полночь, поочередно тихими голосами говорили, что надо обязательно встретиться, есть срочный разговор. Я что-то мямлил в ответ. Был уже полный «готовкенс», мы уговорили с Жекой и его телкой почти две бутылки виски, Жека упросил меня обязательно написать про нее, такого голосища он давно не слыхивал, а какая манера держаться на сцене?! Сам он при этом посматривал во вторую комнату, где был свободный диван, и продолжал петь ерунду насчет новой королевы поп-музыки, в сравнении с которой все остальные — уроды и бездарные твари.

Я кивал головой, все-таки вот так сразу не откажешь, малышка приволокла с собой «вискарь», несколько блоков фирменных сигарет, закуски из «Березки», я понимал, кто она и чем занимается, не хуже Жеки, но поддакивал: да, конечно же, поможем, прослушаем, напишем, договоримся с телевидением, раскрутка пойдет такая, что ей и не снилось… Не успел я такое пробормотать, как она достала из своей маленькой крокодильей сумочки кассету, поставила ее, и я в самом деле услышал неплохую студийную запись, даже определил, где и кем она сделана. Да, там научат петь и немого, только башляй. Девочка и в самом деле может далеко пойти, если ей помочь на наших обычных условиях… Такса есть такса, и ничего не попишешь, или иди пой на танцплощадку, только тебя. там с твоей искусной «фанерой» погонят в шею и имени не спросят. Я ей об этом, конечно же, не сказал. И тут раздался их звонок.

Что ж, мы можем поговорить, но не так, как когда-то, времена изменились.

И вот они топчутся у входа в мою контору, а меня еще слегка водит из стороны в сторону, даже таксист глянул на меня вполне определенно, я прочел в его взгляде: «Тебе бы, парень, самое время уколоться» и тут же положил под язык таблетку валидола. Виски все-таки вещь непривычная, особенно когда в кармане давно уже не звенят не только «синенькие», но и «деревянные».

Девицу Жека уволок во вторую комнату, а я стал накручивать телефонный диск, но была ночь, и был полный разбор, меня никто давно уже не ждал. Я собирался было завалиться спать, как подошла будущая звезда и потащила меня, приговаривая, что все будет хорошо, нам втроем будет еще лучше, чем вдвоем, это ее забота. Она в самом деле оказалась мастерицей, расшевелила нас с Жекой так, что мы словно лет двадцать сбросили. Все-таки Жеке

надо отдать должное, контингент у него подобран с особой тщательностью, а девчонке мне придется помогать, ничего не поделаешь, мы назначили еще одну встречу, и таксу придется снизить…

Я еще раз глянул со стороны на, этих двоих. Кто их узнает сегодня? Несколько пенсионерок, да и то вряд ли… Двое монстров с почетными званиями, которых и знают разве что в высоких инстанциях, как людей, которых можно зазывать на ответственные концерты по круглым датам, и они ничего «такого» не споют, даже вызовут слезу умиления своим «настоящим искусством». Двадцать лет назад они начали пиликать свои «близкие народу» песенки, получали по 7.50 за концерт и были счастливы, они не вылизали из телевизионных «Огоньков», о них писали, что на «эстраде явилось русское чудо». Потом, когда все подобные команды пораспадались, что, впрочем, следовало сделать и им, пришли «металл» и настоящая попса, они вдруг заголосили псевдооперы на патриотические стихи. Всех ругали, а их хвалили, их снова везде приглашали, и в концертах они шли после залпа «Авроры», а теперь, чтобы вконец не пропасть, затянули под попсу, но с народным привкусом. Двадцать лет как они тянут свою лямку, катают по районным домам культуры, маленьким стадиончикам, собирают прапорщиков и их жен, а я должен отдуваться. Мы хорошо друг друга знаем, но времена, братцы, изменились.

Я подошел к ним и произнес в стиле их песен «Сколько лет, сколько зим». Затем провел без пропуска мимо места на входе, сыпанув ему горсть «Кэмэла». Мы поднялись на лифте в мою конуру, которую я делил с молодым стажером.

Я открыл бутылку минеральной, с жадностью выпил стакан. Старший, усатый, лысый, лет пятидесяти, понимающе хмыкнул, мол, это дело поправимое, все в наших руках, вот сейчас поговорим и пойдем куда следует, в Москве немало заветных мест, вспомним молодость. Но это, друзья, не та песня, это раньше можно было закатить шикарный обед, скажем, в домжуре, и все расходились счастливыми, сегодня я найду с кем пообедать в более приличной и приятной компании…

Каждый из нас был занят своими мыслями, допивал бутылку минеральной, и старший начал вещать, что я не постарел с тех пор, как мы виделись в послёдний раз, юноша да и только, а публикации мои, более того, помолодели, их ждут все, я остался смелым и принципиальным, несмотря на наше сложное время (последняя фраза мне явно не понравилась), четко расставляю акценты в запущенном эстрадном хозяйстве (похоже на последний доклад нового министра культуры), и хорошо, что еще

остались люди… Он вспомнил нашу последнюю встречу в Сочи, конкурс, где он и я были членами жюри, мои слова, с которыми он тогда не был согласен, а сегодня целиком солидарен. Слов своих я, естественно, не помнил, а вот то, что он тогда выручил несколькими сотнями рублей, запечатлел в памяти. Уж не вспоминает ли он все в деталях, чтобы заполучить обратно эти деньги? Нет, он помнит, что я критиковал их последний репертуар, они отказались от сложных форм, вернулись к народной песне, практически к лубку, на них снова повалили, притом, как ни странно, и пацаны, и старухи, и им снова поверили, и вот теперь накануне своего юбилея они почувствовали себя молодыми и окрыленными. Во всем этом было много вранья, но я поздравил их. В самом деле, не многим удалось уцелеть в штормовом эстрадном океане (люблю я все-таки цитировать пошлятину из газет), когда-нибудь любители истинного искусства на эстраде, именно истинного, я подчеркнул это, поставят им памятник, а пока надо продолжать не отступать от занятых позиций. Лица у них от моих слов повеселели. Младший сообщил, что они готовят юбилейный концерт, им обещали зал «Россия», но все еще под большим вопросом. Кто-кто, а я-то понимаю, как сложно что-нибудь пробить, не зря ведь говорят, что сегодня зрителей намного меньше, чем возникших групп, и им нелегко выдержать конкуренцию.

Директор зала до сих пор ничего определенного не сказал, словом, — нужна поддержка… Тут они оба замялись. Конечно, я все понимаю, им нужна поддержка, я поговорю с главным, чтобы дать юбилейную статью или нечто вроде этого, но в последнее время стало трудно с газетной площадью, идет борьба — за тиражи, растут, как грибы после дождя, всякие левые, из подворотен, издания, главный требует, чтобы каждый материал был сенсационным, иначе можно закрывать газету, ее просто перестанут читать: Поэтому переговоры у меня предстоят трудные и сложные, сперва с членами редколлегии, со своим непосредственным начальником, человеком, зацикленным на классике или на джазе, в крайнем случае он подпускает «металл» и попсу, но самую читабельную, потом с замами, а потом уже с главным. Придется доказывать, что когда-то мы вас открывали, все время поддерживали, и теперь не имеем права остаться в стороне. Они понимающе кивали головами, потом вдруг старший предложил: «Может, пообедаем где-нибудь вместё…» Ну, вот и договорились, нет; ребята, наша беседа происходит не двадцать лет назад, когда вы меня устраивали с большой котлетой и бутылкой коньяка на столе, сам могу вас накормить и неплохо, да еще в таком месте, куда вас близко не подпустят…

Я сослался на страшную занятость, надо сдавать полосу, принимать еще троих человек, которым, в отличие от них, придется отказывать, потом писать материал на радио, выступать на телевидении в молодежном канале. И тут младший быстренько встал со своего места: «Вспомнил, мне срочно нужно позвонить домой. Можно из соседней комнаты?» Что ж, немного в лоб, но и так сойдет. Я проводил его и вернулся к усатому народному артисту. Тот повел себя, — как и следовало ожидать, более решительно, наклонил сверкающую лысину, сказал, что мы давно друг друга знаем (молодчина!), он понимает, каких трудов будет стоить мне публикация, и желает их хоть немного компенсировать, Протянул мне небольшой, но довольно тугой сверточек, я небрежно бросил его в ящик стола. В самом деле, сказал я, мне придется хлопотать, да еще и не один раз, но все, надеюсь, будет в полном ажуре. К тому же, у главного день рождения, и я сделаю ему соответственный подарок, не преминув упомянуть при этом и о них. Еще я полистал календарь на столе, спросил, когда точная дата юбилея, и сказал, что материал появится именно в этот день.

Он вывалил на стол кучу фотографий, я выбрал несколько из тех, на которых они выглядели своими собственными сыновьями, и мы пожали друг другу руки. Кусочек сыра, ниспосланный мне, оказался не таким уж и плохим — две штуки. Часть пойдет на долги, остального хватит на несколько недель. Да, еще день рождения у моей бывшей тещи, я сделаю ей неплохой подарок, и пускай эта стерва, моя некогда возлюбленная жена, подавится. Я бросился к машинке, продиктовал три страницы бредятины о славном юбилее, подшил к тексту фотографию и отдал ответственному.

— Поставь на семнадцатое, очень нужно, — попросил я, и перед ответственным возникли две пачки все того же «Кэмэла» (спасибо девчонке, надо ей помочь).

— Ноу проблемз! — воскликнул ответственный. Он полгода назад оставил собкорство в туманном Альбионе, сохранил английские манеры. От отечественного дерьма у него начинался жуткий кашель, и врачи угрожали астмой.

— Семнадцатого перед вами появится бутылек «Наполеона», не югославского, с толкучки, а настоящего.

— Ловлю на слове, — ответил ответственный и открыл лачку сигарет.

Теперь я могу не беспокоиться, он человек железный, все из номера вышвырнет, а материал о юбилее любимых друзей поставит, он знает, что семнадцатого у него на столе будет стоять обещанное. Ни разу мы друг друга не подводили.

Я пришел к себе и сразу же позвонил Жеке, ему хорошо, он ещё только продрал глаза, спешить ему некуда, он числится в каком-то полуподпольном кооперативе, даже получает там какие-то копейки за мелкие услуги и занимается, по его собственному выражению, «свободным предпринимательством».

Жека бодрым голосом сказал, что звонила девочка, она в восторге от вчерашнего, готова все повторить в том же духе, уже затаилась как следует в «Березке» и ждет его команды. Я возразил ему, что впереди долгий день, страшно много забот (я люблю ему иногда пустить пыль в глаза), а сейчас у меня для него приятная новость — я готов сегодня же отдать ему штуку, которую должен уже несколько месяцев.

— А вы мне нравитесь, вы будете награждены за этот шаг вечерней программой. И вообще, вы работаете, пока я сплю и вижу во сне пиво, вы зарабатываете неплохие бабки…

— Да, кое-что удалось, — ответил я небрежно и пощупал в кармане тутой сверток.

— Тогда отбросьте все ваши планы. Я выставляю обед из суммы, которую вы мне вернете.

— Есть мне не очень хочется, вот бы немного…

— Поддерживаю вас. Выходи ровно через полчаса, я за тобой заеду. Обед будет не простым… Мне позвонили. Словом, этих девчонок мой человек убедил, что раскрутить их могу только я при твоей, конечно, помощи. Можем сегодня же изучить товар.

Я вздохнул, вспомнив прежнюю нашу проваленную операцию.

— Мы ничем не рискуем. Сегодня в Москве это самая отпадная группа. Ты бы посмотрел, что на концертах делается. Пацаны шалеют.

— Ладно, заезжай, — только и сказал я.

Как-то Жека вздумал раскрутить одну группу из Тамбова. Пацаны там подобрались неплохие, мы помогли сделать несколько записей. Накануне написал об этой группе как об очередном открытии. Но она, несмотря на рекламу, провалилась. Сборы были минимальные. Я не понимал, в чем дело. Жека, заранее подсчитавший наши будущие доходы (за концерт выходило минимум штук по пять), ходил как в воду опущенный и ни о каких раскрутках больше не заикался. И вот опять…

Меня вызвал к себе замглавного, сказал, что вид у меня довольно помятый, но, к сожалению, не от работы. Последняя музыкальная полоса ни к черту не годится, он не собирается показывать ее главному, потому что все напоминает подборку для газеты «Ветеран», и то они там вещи повеселее дают.

— Нужен скандальчик, только такой, чтобы все вздрогнули. Ты же мастер на разоблачения, ну задвинь что-нибудь этакое из

личной жизни какой-нибудь звезды.

— Все уже было, — вздохнул я, — и ты знаешь это не хуже меня. Где я наберусь этих скандалов и разоблачений? Все давным-давно разоблачены.

— Попей пивка, а через два дня материал положи на стол.

И тут я вспомнил об очередном «финансовом» предложении Жеки.

— В Москве появилась новая тусовка. В команде одни девчонки. Бывшие блатные. Все как одна состояли на учете в детской комнате милиции. Банда да и только… На них такой лом! — на ходу сочинял я легенду. Получалось в самом деле неплохо. Если так задвинуть, то на несколько концертов народ и правда сбежится.

— Если не врешь, то неплохо, тащи. Только чтобы все было покруче. Придумай из их жизни какие-нибудь пикантности… Ты же мастер на такие штуки.

Замглавного знает меня как облупленного. Мы вместе лет пятнадцать в одной конторе. Только он успел прокрутиться в комсомоле, а я чуток застрял, но его жизни я не завидую.

На улице у входа в контору уже метался Жека. Рядом стояло такси.

— Тебя только на собственные похороны приглашать, — прошипел Жека.

— Был у шефа. 0 твоей тусовке волновался, нарассказывал ему такого! Материал идет в следующей полосе.

— Дай почитать.

— Болван, да я еще твоих уродок не видел.

— Увидишь сегодня. После обеда заедем к ним на репетицию. Увидишь и услышишь сам, — А они не маменькины дочки?

— Да ты что, все как одна дворовые. Группа называется «Ах!».

— Неплохо. Заголовок такой и дадим. С тремя восклицательными знаками.

Мы поехали в ЦДЛ. Жеку там принимали за большого писателя, а меня за его друга. В предбаннике уже полоскали лица в тарелках несколько известных комментаторов телевидения, сидел перед бутылкой дешевого вина завсегдатай Варфоломеев из «Вечерки», с ним несколько ободранных кошек. Варфоломеев испытующе на нас посмотрел, обычно, когда было туговато с деньгами, мы здесь и ошивались — бутерброды, кислое вино, но мы сделали вид, что очень спешим, и пошли в бывшую масонскую ложу, где Жеку встречала администратор Сонечка.

— Нам столик на двоих, — попросил Жека. Он как впрочем, и я, знал, что через несколько минут в зале появится Варфоломеев, придется слушать его идиотские речи (пластинка одна и та же —

я надыбал одну фирму будет валюта, а уже «деревянных»!..) и наливать его до тех пор, пока он не окаменеет.

— Сонечка, у меня большой гонорар на киностудии, вы можете рассчитывать, — шепнул Жека толстухе, и та провела нас за столик у самого камина, к тому месту, где держал речь перед избранными пиитами Москвы Рейган.

Накрыли, нам мгновенно, официантка тоже была своя, и не успели мы пропустить по второй рюмке коньяку (перед этим я торжественно вручил Жеке долг), как появился Варфоломеев, конечно же, у него большие новости, он уходит в кооперативную газету, где башляют штук двести в месяц «деревянными» и восемьдесят долларов в неделю. Нас эта новость ничуть не смутила — чистейшей воды брехня. Варфоломеев торчал перед столом, но присесть было негде, столик-то двухместный. Жека поздравил Варфоломеева с удачным поворотом судьбы, налил ему полбокала коньяку, Варфоломеев его с жадностью опрокинул, сказал, что в помещении бывшего парткома открывается валютный бар, а поскольку у него с этим в ближайшее время все будет в порядке, он нас туда обязательно пригласит и устроит настоящий праздник, так что мы можем готовиться. Он все еще стоял, облокотившись на стол, пощипывая корку хлеба, пока я ему прямо не сказал, что у нас с Жекой есть разговор. Варфоломеев с сожалением глянул на оставшийся в бутылке коньяк и неровной походкой пошел в предбанник.

— Скоро ему перестанут здесь наливать даже такие старые знакомые, как мы с тобой, — сказал Жека.

— На трехрублевых информушках из суда не сильно разживешься. По нынешним временам на воду не хватит…

Жека тут же начал о том, что кому-кому, а нам с ним это не грозит, мы все-таки раскрутим этих девчонок, будь они неладны, тюка еще государство не добралось до шоу-бизнеса, надо спешить. Я попросил его об одном — заранее не считать деньги.

Жека засмеялся:

— Сегодня у тебя лежит неплохо. Вчера же имелось несколько потертых червонцев…

— Мелкие щипания. Надо что-то серьезное придумывать.

Меня приглашают в одну ассоциацию, с окладом пятьсот в месяц, плюс столько же премиальных. Но нагрузка там приличная….. Вовка из «Смены» зовет организовать музыкальную газету. Дело неплохое, но бумаги нет.

— Да брось ты, — лицо у Жеки раскраснелось, моя рожа тоже постепенно наливалась, — только шоу-бизнес. Девчонки нас вытащат из нищеты, я в этом уверен.

— Хорошо, давай посмотрим. Только я никаких усилий не

затрачу, пока ты меня как следует не убедишь, — сказал я, опять вспомнив провал с тамбовской группой.

Мы похлебали солянку и стали размышлять, брать ли вторую бутылку коньяка. Рядом наготове стояла официантка.

— Может, не стоит, — предложил я, — впереди большой день. В таком состоянии мы не поймем, что к чему с твоими певичками. А вечером большая работа.

И тут у нашего стола снова появился Варфоломеев, наклонился ко мне и засвистел в самое ухо:

— У меня неплохие девчонки, можно поехать. У них есть «хаза», только надо всего набрать с собой.

— Спасибо, у нас своя программа. И с этим делом все решено по высшему разряду, — небрежно отмахнулся от него я.

Но Варфоломеев не уходил, он наклонился теперь уже к Жеке:

— Подкинь червончик, Завтра верну.

Я кивнул Жеке: можешь дать. Жека достал перед взором изумленного Варфоломеева полученную от меня пачку красненьких, вытащил из нее хрустящий червонец и протянул Варфоломееву.

— Благодарю, — он проводил жадным взглядом пачку, исчезнувшую в кармане Жеки. — Завтра я в это время верну…

— Можешь не отдавать, — сказал я. — Это твой аванс… Надо будет тиснуть на днях одну информушку строк на сто. Пара коньяку в твоем резерве, — сказал я.

— Все будет исполнено в лучшем виде, — с готовностью ответил Варфоломеев.

— Ничего не надо исполнять, все напишу я, а ты поставишь свою подпись.

— Еще лучше. В вашем мастерстве, маэстро, я не сомневаюсь. Можете написать за меня даже книгу. Я согласен.

Он убежал со своим червонцем в руке. На две вина ему хватит, а потом найдет еще кого-нибудь.

— Какая еще информация тебе понадобилась? — поинтересовался Жека, уминая отбивную.

— 0 твоих красотках забочусь.

— ТЫ мне сегодня нравишься. Это будет уже вторая публикация?

— Будет вторая или не будет ни одной, — отрезал я.

— Вас понял. Вторая коньяка отменяется. Едем на репетицию. На Герцена мы поймали тачку и через полчаса прибыли к дому культуры большого завода. Здание было уникальным, построено в духе конструктивизма тридцатых годов. Проект даже возили на всемирную выставку. Что ж, может, нам и в самом деле здесь

повезет?

Мы поднялись на третий этаж, прошли в небольшой зал. У сцены толпились худющие, длинноногие девчонки. Одна из них стояла в центре и о чем-то толковала.

— Привет, родимые, — закричал издалека Жека.

— Я, как и обещал, привел к вам самого Юрия Чикина. Угловатая девчонка протянула мне руку:

— Вера.

У нее был чуть хрипловатый голос, острый, настороженный взгляд, С такой нелегко будет договориться.

— Вера — руководитель группы и солистка, — сказал Жека.

— Репетиция уже была?

— Еще не начиналась, — ответила Вера.

— Тогда вперед!

Они вышли на сцену, взяли инструменты и запели живьем. Что ж, ничего, этакая разудалая дворовая компашка. В самом деле, ими можно заняться всерьез.

— Распутинская команда для девчонок, эта будет для пацанов, — сказал Жека. — Да и девки на них побегут.

— Сырец, — сказал я. — С ними в студии придется повозиться как следует, чтобы сделать приличную «фанеру», да и композитор нужен, чтобы все эти песенки привести в надлежащий вид. Подсчитай, во сколько это обойдется…

Я говорил ему специально назло, этих «Ах!» можно выпускать без особой подготовки, пускай вначале хоть что-нибудь заработают. Жека разозлил меня напоминанием о Распутине.

С этим юным наглецом я познакомился несколько лет назад. На пороге возник деревенский лох, представился заместителем председателя колхоза по соцкультбыту стал заказывать мне сценарий фильма о родном, довольно славном колхозе. Я удивился: чего это он ко мне пришел, я ведь сельхозтематикой не занимаюсь, но он тут начал плести о своей любви к музыке, мол, давно читает мои статьи в газете, слушает меня по телевидению и таким образом формирует свой деревенский, недоразвитый вкус. А уж если такой человек, как я, напишет сценарий фильма, то это будет просто шедевр. Он уже разговаривал в редакции заказных фильмов на киностудии, там не против моей кандидатуры, а, наоборот, поддержали и сказали, что именно такой человек, как я, со свежим взглядом, может сделать отличный сценарий. Мне бы его в тот же самый момент и выгнать из кабинета, но я подумал (идиот последний!), что колхоз-миллионер сможет отвалить за фильм очень прилично, я тогда и подозревать не мог о его истинных планах, и недолго раздумывая сделал объявку — десять тысяч за сценарий, тогда можно все обсудить детально,

ведь не думает же он, что меня устроят несчастные полторы тысячи, полученные на киностудии, да я за такие деньги и мараться не буду. Мы с ним стали на «ты» и очень мило беседовали о сроках выплаты и сдачи готового сценария. На том и разошлись, он обещал в самое ближайшее время поговорить со своим председателем о сумме, такие деньги для его родного колхоза — сущая мелочь. Я, идиот, стал дожидаться его звонка (деньги, как всегда, нужны были позарез), он же тем временем торил в столице все новые дорожки, и небесполезно. Этот Леша Распутин смог объегорить даже зубров из музыкальной редакции телевидения (круче которых не сыскать было по всей Москве). Все знали, какие ставочки существуют там за одну песенку на голубом экране. Этот несчастный колхозник показался перед ними со своей песен-. кой, они в обморок попадали от его наглости, сказали, чтобы он тренировался в родном колхозном клубе, и вдруг у самого высшего руководства телевидением раздалось несколько звоночков из его родного колхоза. Партийный бонза колхоза-миллионера рекомендовал всему советскому телевидению присмотреться к юному Распутину, его песни очень нравятся самому. А когда опешивший зампред спросил — так, на всякий случай, — не является ли уважаемый Леша родственником Самого, парторг быстренько заявил, что, конечно же, является, это обстоятельство и вынудило его позвонить в такую высокую инстанцию. Обо всем этом я узнал много позже, — а пока моего исчезнувшего заказчика (я все ждал его самого, с деньгами, конечно же) быстренько пригласили на телевидение, разучили с ним несколько песенок и показали дважды в популярнейших передачах, не получив за это ни копейки, зато огромную благодарность от зампреда. Я понял, что плакали мои десять тысяч за сценарий о передовом хозяйстве, нашлись новые покровители. Потом он появился на нескольких концертах на «Динамо», затем в «Олимпийском» и неожиданно исчез. Я узнал, что он всех здорово объегорил на телевидении, выяснилось, что никакой он не родственник, просто сосед с мамой Самого по южному селу, не более того, ему культурно показали на дверь, но он, как оказалось, времени зря не терял, собрал пацанов-детдомовцев, сколотил из них группу «Супер» и теперь плевать ему на телевидение — группа вытеснила всех с высших ступенек хит-парадов, она размножила миллионы альбомов. Мальчик совсем обнаглел, поделил свою команду на несколько групп и так чешет дворцы и стадионы великой Отчизны. Пару раз я проехал по нему в статьях, назвал его самого авантюристом, ничего не понимающим в музыке и не имеющим никаких талантов. Он позвонил мне, пригрозил рассказать о

названной ставочке за сценарий. Я сказал ему, что ни о какой ставке за сценарий не слыхивал, и вообще плевать хотел на него и его группу, пускай себе поют на здоровье, только не наглеют, тогда никому, в том числе и мне, писать всякой дряни о них не придется. Жека, ясное дело, ничего не знает о том разговоре, я не хотел признаваться в собственном позоре. Но после той моей стать и о «Супере» он позвонил и спросил, сколько мне заплатил Распутин. Я, праздновавший победу над наглым пацаненком, чуть со стула не упал после таких слов, я-то думал, что уничтожил его полностью…. Жека был прав, это была бешеная реклама, я, написав те злополучные строки, и подумать об этом не мог… Теперь я имею на него огромный зуб, я знаю сгинем буквально все и уж теперь-то мой удар будет сокрушающим, досье пополняется, и он зря кайфует, скоро придется платить по счету.

Я слушал «Ах!» и думал, что эти угловатые пацанки в самом деле могут составить конкуренцию Распутину, если их раскрутить как следует, Жека не зря мечтает разбогатеть, его мечта может исполниться.

3 Вика Ермолина

Вечер, да и вся ночь были кошмарными. Наутро шофер такси внимательно на меня посмотрел и сказал:

— Ты, девочка, наверное, хорошо отдохнула. Теперь надо долго отдыхать.

И попал же он мне под руку, я на него заорала:

— Требуешь червонец за две остановки, так вези и не рассуждай тут!

Он еще раз на меня глянул и больше ничего не сказал. Лох несчастный! Еще он будет плевать в душу! Хватило этих двоих вчера. Днем позвонил Жека и едва шевелящимся языком сказал, что надо быть при полной готовности и ехать к Чикину, мол, теперь уж, в этот вечер, все решится, ему вчера очень понравилось, он отметил, что я большая мастерица и таких он давно не видывал. Нужны мне его комплименты, слюнявая скотина. Изо рта запах, как из помойки, а лезет цёловаться, как колхозник. И что за привычка идиотская. Не знаю, кто там у него был и сколько, но очень малому обучили. А в свои сорок с гаком мог бы быть поприличнее. Я залезла в свой тайник, достала сто баков и покатила в «Березку». Набрала питья, фирменных сигарет, кое-что из жрачки и ровно в восемь вечера прикатила к Чикину на его замызганную квартиру. Встретили они меня с улыбочками. Жека стал вываливать на стол содержимое моей сумки и все время повторял, что Юра написал уже статью, остается ее только отшлифовать и она в скором времени выйдет, а также был разговор с замглавного музпрограмм телевидения, баба там крутая, ее с ходу не возьмешь, но у Чики хватка железная (насчет его хватки я была наслышана — одна строка не меньше стольника, тоже мне, Александр Сергеевич Пушкин нашелся!), он своего добьется, и я выйду, в эфир, если не на будущей неделе, то через две точно. Клип, конечно, у меня полупрофессиональный, с дурным налетом провинции, но ничего, сойдет. Знал бы Чика, идиот законченный, сколько я за этот клип выложила, у него бы сознание помутилось, с роду ведь денег таких в руках не держал и вряд ли уже подержит.

Жека все говорил, и время от времени они с Чикой, оба довольные, будто по сто тысяч выиграли, переглядывались. — Такой девочке не помочь — большой грех, — сказал Чика, наливая в рюмки «Белую лошадь». Теперь у нас религия в чести… Бога боюсь прогневить, значит, все сделаем в лучшем виде! За тебя, Вика, за будущую звезду эстрады…

Давай, давай, обещай, все равно я от тебя ни на шаг не

отстану, а своего добьюсь, ты еще мало меня знаешь, те, кто узнал, уже поняли, что я своего добьюсь. Еще дома, в Воронеже, когда- в училище училась, я всем сказала, что стану певицей высшего класса, со мной никто не сравнится. Надо мной смеялись, мне лезли уже тогда под юбку и многое обещал и, а я им всем показала, когда в один прекрасный день просто-напросто слиняла из дому, прибрав вещички свои и немного денег на первое время, поехала в Москву, не зная куда еду, зачем… Теперь вот отпаиваю вас виски, кормлю икрой и стерлядью, купленными за СВОИ кровные бабки, и вы все для меня сделаете, потому что у меня, Вики Ермолиной, есть цель, и я не отступлюсь ни на шаг.

После первой рюмки они опьянели, и я стала подумывать, что неплохо бы их накачать сегодня, чтобы самой незаметно исчезнуть, чтобы завтра так долго не отмываться, как было сегодня. Болван и прожектер Жека начал готовить тост, но, слава богу, не в честь меня, а в честь своего друга Юры — «первого музыкального пера» страны, человека, совершившего настоящий переворот в сознании молодежи, повернувшего ее к настоящему року, настоящей попсе… Он еще что-то долго говорил, потом выпил и снова говорил. Я подумала, с чего бы это, и начала им наливать поактивнее, предлагая попробовать. после виски по глотку датского баночного пива, а потом и финского вишневого ликера. После такого коктейля они еще больше опьянели. И тут Жека снова сказал, что хочет произнести тост, и произнес его за их общий бизнес, который на этот раз удался, команда нашлась очень приличная, только надо ее раскрутить, как следует, и все будет в ажуре, он даже готов распрощаться |со своим главным делом (он таинственно на меня посмотрел) и пойти работать в эту команду директором, чтобы держать все нити и ДОХОДЫ в своих руках.

— Сегодня никому нельзя доверять, Юрочка, никому, поверь мне. Особенно когда светят большие бабки. Человек, любой человек, даже самый высокий, при их виде шалеет, ему хочется, чтобы они скорее поползли ему в карман. Сколько людей прогорело на доверчивости, и я не хочу, чтобы мы оказались в их числе.

И тут Чика захохотал, обнажив свои желтые крысиные зубы:

— А почему я должен доверять тебе, Жека? Ты человек слабый, станешь директором и будешь класть в карман львиную долю, а несчастный Юрочка будет вынужден писать копеечные заметки об успехах твоей команды?!

Жека возмутился:

— Ты брось такие шутки, мы друг друга не первый день знаем, я тебя никогда не подводил…

— Не подводил, потому что не было больших денег, — не унимался Юра.

Я не могла понять, шутит ОН или болтает всерьез.

— Пока что вы оба решили меня надуть. Какие еще раскрутки, какие команды, если есть я? — вставила я свои пять копеек.

Они переглянулись, решили, видимо, что дали лишку, и принялись вовсю меня обхаживать. Да, есть у них небольшой планчик, но это дело далекого будущего, а я готовенькая, меня бери, запускай, и все, в том числе и они, будут рады.

— Я в этом не сомневаюсь, только вы, птенчики, со мной: не шутите, я этого очень не люблю, — сказала я и почувствовала, что сама прилично опьянела, это не входило в мои планы, но завтра язык у меня развязался, и я могу сказать им сейчас все, что думаю.

— Если тебя многие. накалывали, то ЭТО не значит, что мы из их числа, — сказал Жека, пытаясь меня обнять. Но я вывернулась и стала над ним с бокалом в руках.

— Будь спокоен, меня накалывали немногие, — ответила я и хотела добавить: а уж таким двум уродам это никогда, не удастся сделать.

— Я лично не сомневаюсь в этом, ты очень умная и расторопная девушка, — попытался меня поддержать Чика.

Я допила свой ликер и очень хладнокровно отметила, что мне неважно, что он обо мне думает — дура я законченная или очень умненькая, лишь бы они не были трепачами, а сдержали свое слово, тем более, что от них ничего особого не требуется, я почти уже раскручена, меня знают в разных тусовках, но этого мало, нужен экран телевизора, несколько нормальных статей в газете Чикина, которая имеет самый большой тираж и которую фанаты зачитывают до дыр.

Они все выслушали, Чика даже начал звонить на телевидение, но я сказала, — что это напрасный труд, голос у него уже нетрезвый, язык заплетается, лучше продолжить приятную встречу, а все дела отложить на завтра. Мы еще выпили, потом Юрка поставил какую-то итальянскую запись, и мы стали танцевать, конечно же, при поцелуях, он вовсю слюнявил меня, а Жека из-за его спины показывал: хватит, мол, заниматься ерундой, пора пройти в опочивальню. Чикин распалялся все больше, он начал стаскивать с меня кофту, а затем юбку, я не противилась: чем раньше все произойдет, тем лучше. Жека пристроился рядом, и они оба поволокли меня во вторую комнату. Здесь было поприличнее, все-таки почти чистота и, главное, окно занавешено тяжелой бордовой шторой. Уже с

дивана я их столкнула, сказала, что мне необходимо принять душ и им тоже не мешало бы. Жека после этих слов пробормотал что-то насчет того, что они не учли мой высокий международный класс, сейчас все будет в полном ажуре. Они оба ввалились в ванную комнату, стали меня купать, оба облились с ног до головы, тут же побросали свои вещи, и мы снова оказались на диване. Я с трудом все это вынесла. Мы вернулись к столу, выпили, закурили. Чика был не в духе. Жека меня подталкивал: «Сделай ему хорошо, я тебя очень прошу, ты сама не представляешь, как это важно для тебя». Ладно уж, выполню твою просьбу, будь он проклят, этот Чика, но он от меня не открутится, напишет статью, да такую, как ему скажу.

— Ладно, пошли со мной, — сказала я Юрке и обняла его за шею, — а ты, Жека, отдохни здесь, он парень стеснительный, он любит целоваться, ему нужны чувства. Ты нам будешь мешать…

И я устроила такой спектакль, какого Юрка в жизни не испытывал, мой лучший френд Мишель после подобного спектакля выложил не традиционные сто, а целых двести баков, сказав при этом, что в его родном Брюсселе такого с ним с роду никто не проделывал. А тут какой-то несчастный, возомнивший себя личностью, Чика. Да я бы к нему на пушечный выстрел не подо- шла, у него, не говоря уже обо всем остальном, денег не хватит даже на то, чтобы поздороваться, а он лезет в постель. Чика едва дышал во время нашего «свидания», время от времени он приговаривал: «Я о тебе напишу…» Это вселяло в меня силы и вдохновение. Может оказаться, что и в самом деле овчинка будет стоить выделки. Он со мной не промахнется, во время последней записи на студии композитор, к которому липли все звезды, сказал: «Из тебя, девочка, может получиться атасный человек, никто даже из самых-самых не требовал такой минимальной дрессуры». Я и в самом деле записалась быстро, у меня хоть понятие было о нотах, в отличие от других, у которых запись одного слова, фразы продолжалась сутками. Но за каждую песню я точно так же, как и, они, выкладывала по пять штук, после чего композитор, преспокойно положивший их в карман, ехал ко мне спать. Он ничем не отличается от Чики, который после публикации получит свои бабки, а все сегодняшнее — бесплатная любовная игра.

Когда мы, пошатываясь, вышли к Жеке, я прочла восхищение в его глазах: «Ты, старушка, молодец, добила Юрку вконец!». Потом я приняла душ, мы еще выпили, и с огромной ленцой я обслужила Жеку.

Чикин в это время сладко подремывал в кресле. Я собиралась уже уйти, как ему неожиданно пришла идея. Я, правда, ничего

толком не поняла из его бреда. Чика говорил Жеке, что надо будет попробовать меня во главе этой тусовки, они, конечно, дворовые, угловатые, это и требуется, а что, если вдруг среди них появится фирменная чувиха, то есть я, это будет отвально. К тому же у меня имеются, как ни крути, профессиональный голос и манеры, которые у Верки и ее компании никогда не появятся. Жека тоже ухватился за эту мысль, а я им сказала: «Делайте все, что хотите, я должна быть первой, остальное, мальчики, уже ваши заботы». К полуночи я начала понимать, что из этого дерьма мне не так просто выбраться, они не остановятся, пока не допьют, не дожрут все принесенное мной. Тощие, а аппетит просто волчий, то ли с голодухи, то ли никогда подобного стола не видели. Они продолжали рассуждать о своих планах, Жека стал совать мне в нос красное удостоверение с гербом. Юрка его просил, чтобы он немедленно спрятал это удостоверение, он не хочет потом объясняться в комитете и отвечать за болтуна Жеку, но того было не унять, он кричал, что все у него схвачено, никто не сможет им помешать, иначе потеряет все, что имеет, кого бы это ни касалось.

— Ладно, давай не будем об этом, я знаю, что ты всесильный, но больше не трепись, прошу тебя, — едва шевелил языком Чика.

— Если ты волнуешься за Вику, то напрасно, это мой человек, скажи ему в ухо, что ты мой человек…

Я кивала головой, с Жекой бесполезно было спорить. Он и в самом деле появлялся иногда в «Космосе» или в «Национале», его знали многие девочки из нашей компании (я туда тоже иногда захаживала, пока не заимела квартиру и не перешла на надежную клиентуру), он их иногда припугивал, иногда чем-то выручал и, надо сказать, что какие-то крохи ему пере-падали.

— Давайте, мальчики, откроем еще одну бутылку. Хочу выпить за вас, — сказала я, и они с радостью согласились. Не прошло и часа, как оба уснули. Я приняла душ, откопала в шкафу чистое белье и улеглась в соседней комнате.

Утром отваливалась башка, и вообще было ощущение, что извалялась в грязи. Они продолжали спать, а я тихо затворила за собою двери.

С радостью оказалась в своей квартире, посмотрела на часы: в половине десятого должен звонить Мишель, я его никогда не подвожу. За последние месяцы он самый надежный. Все, что есть в квартире — и мебель, и ковры, и масса разных безделушек, — благодаря только ему, Я плачу за квартиру бешеные деньги, пятьсот рэ в месяц, но она лучше любого люкса в самом шикарном отеле. Таким, как Жека и Чика, сюда вход воспрещен, они полностью ошалеют от увиденного и начнут — не сомневаюсь в этом — тут же увеличивать свои ставки. Ста баками

за вечер я никогда в жизни не отделаюсь, побывай они здесь и пронюхай кое-что о моей жизни поподробней. Я приняла душ, намазалась кремом и легла отдохнуть возле телефона-секретаря — подарка Мишеля. Стоило позвонить — и мой голос, записанный на пленку, мягко отвечал, когда я прибуду.

Я собиралась уже было задремать, как меня вдруг стало мучить вчерашнее предчувствие: что-то неладно дома, надо обязательно позвонить матери, давно с ней не говорила. Мама знает мой телефон, но сама звонить явно не станет, опять у нее какие-то обиды. Да, тогда, несколько лет назад, я выкинула фокус, когда вдруг бросила все и уехала в неизвестность, но теперь уже все, можно считать, позади. Она приезжала ко мне несколько месяцев назад, охала и ахала, когда ходила по квартире, приговаривала, что никогда подумать не могла бы, что вот так живут молодые певицы, а когда получила от меня массу нарядов, вдруг загрустила: «Откуда у тебя все это?» Я стала рассказывать о гастролях, показывала ей афиши, говорила, что скоро мои песни зазвучат по радио, телевидению, много работаю, деньги платят большие, на кого мне их тратить?

Я чувствовала, что ей очень хотелось, спросить о самом главном: о моей личной жизни. Там, в Воронеже, мною часто интересуется Генка Петров, мы с ним встречались несколько лет, он учится в медицинском, его мама говорит, что он ни с кем нё встречается, а все меня вспоминает.

— Мне не до этого, мама, — сказала я ей. — Липнут, конечно, всякие, но я их посылаю. Все будет позже, когда я чего-нибудь добьюсь.

Она увезла домой записи моих песен, давала их слушать знакомым, и те ее убеждали, что я сделала правильно, уехав из Воронежа, здесь бы мне светило лишь преподавание музыки в школе за несчастные копейки. Но мама, я это прекрасно чувствовала, думала совсем иначе. Я и сама часто вспоминала Генку, таких людей, как он, мало, его я прекрасно понимала, но он навсегда остался в прошлой, другой жизни, нам никогда не встретиться больше, никогда не поговорить, как раньше. Я стала совсем другой, и его счастье, что он не знает, какой…

Я протянула руку к телефону, не осмеливаясь набрать домашний номер, потом все же решилась. У мамы был тихий голос, она говорила так, когда была очень обижена.

— Ты здорова? — спросила я.

— Все в порядке, вот — только отец совсем сошел с ума. Ходит в какой-то клуб, марксистов, говорит, что мы не позволим продать идеалы социализма. У него собираются такие же отставники, до ночи спорят, составляют жуткие письма в

инстанции…

— Это не самое страшное. Он сейчас не пьет?

— Почти, но ты же знаешь, иногда бывает, Как твои дела?

— Нормально, записала несколько песен. Тебе должны понравиться. Примерно через неделю будет большая статья в газете. И вся обо мне.

Она вздохнула:

— Я все время волнуюсь за тебя, сама не знаю почему. Тетя Валя слышала твою песню по радио. Прибежала ко мне, мы весь вечер плакали. Ты когда приедешь?

— Теперь уже скоро. Обещают две гастрольные поездки Коммерческие, по Сибири, потом несколько записей, и я обязательно приеду, — говорила я и ничуть не врала. Я наконец-то приеду домой, но уже такой, какой мне хочется быть, после телевидения, после статьи, я приеду в училище, и уже никто не сможет посмеяться надо мной. Пускай они завидуют, они ведь ничего не знают о моей жизни, о которой я ничуть не жалею, я уже никогда бы не смогла жить в том нищенском дерьме, в котором живут они.

Мы еще поговорили немного, на душе стало легче. Она и представить не может, что пришлось мне испытать за эти два года. Мне иногда казалось, что все происходило не со мной. Несколько дней я проболталась по вокзалам, наконец-то нашла койку в кооперативной гостинице и начала ездить по всем студиям, которые только знала, там на меня смотрели как на свалившуюся с Луны, говорили, что у тебя, девочка, быть может, и получится кое-что, но для этого слишком много надо — хорошие фонограммы, соответствующий репертуар. Они тогда еще не называли, сколько это будет стоить, но так закатывали глаза, что мне становилось все понятным. К тому же в коридорах я встречала много себе подобных, они тоже уходили ни с чем, но были и более уверенные. Одна из них, кажется, Марина, (больше я ее никогда не видела и не слышала, тоже мне солистка!) сказала мне:

— Сюда, милочка, без рекомендации не приходят. Если читала когда-нибудь в жизни книжки, то знаешь, что в старые времена существовали рекомендательные письма. Теперь тоже, только не письма, а телефонные звонки… Но и этого мало, надо, чтобы за душой немного звенело. Тогда с тобой, быть может, и поговорят, куда-нибудь пристроят. Сейчас немало вакантных мест, но их очень трудно занять… Ты не представляешь, чего мне стоило, пока я записалась. Слов таких не существует, чтобы передать все…

Сказала, ушла записываться и исчезла. Сейчас, может быть,

ошивается где-нибудь в ресторане, не больше. Ни в одной тусовке ее нет, это я уж точно знаю. Но тогда мне от ее слов было не холодно и не жарко, я не знала, что мне делать, деньги, как я их ни экономила, стремительно улетучивались, домой звонить не могла, знакомых в Москве не было. Я стала вычитывать объявления и вдруг поняла, что я лимитчица, и на какую-нибудь самую- неприглядную работу, дающую кусок хлеба, меня могут принять. Я пришла в отдел кадров одного завода, где по объявлению в столовую требовались рабочие. Какой-то замшелый дед, видно, тоже из отставников, как мой папенька, долго меня рассматривал, потом улыбнулся и сказал:

— Что-то ты, девушка, не очень для такой работы подходишь, сбежишь ведь через два дня… Вон, даже музыкальное училище бросила, а тут грязные тарелки после работяг мыть. Точно сбежишь, а как сбежишь, так и из общежития выгоним. Порядок такой у нее…

Я развела руками:

— Что же мне делать? Денег нет, жить негде, домой возвращаться не могу. Буду работать, честное слово, буду.

Он еще раз внимательно на меня посмотрел, потом сказал:

— Посиди-ка ты здесь, я сейчас, — и вышел из комнаты. Через несколько минут он явился и спросил у меня:

— Ты мне честно скажи, зачем в Москву приехала… Ну там, с родителями поцапалась или по какой еще причине. Я поняла, что ему лучше не врать.

— Певицей хочу стать, настоящей, понимаете, эстрадной. У нас это невозможно, а здесь, мне сказали, можно пробиться, Но надо где-то работать, не подыхать же с голоду, да и крыша над головой нужна.

Он покачал головой:

— Значит, в Москву за песнями приехала, а здесь, поверь, не до песен бывает. Едет народ, едет, а потом страдает всю жизнь — ни квартиры тебе, ни прописки, Болтайся между небом и землей. Ну да ладно, раз уж приехала. В любой момент назад к себе в Воронеж, к мамке и папке сбежишь, а может, и выйдет что. Вид у тебя решительный, видно, не из трусливых… У нас тут есть один временный вариант для тебя… Только чёловек ты мне неизвестный, первый раз, как говорится, вижу…

Он рассказал, что у них в общежитии освободилось место воспитателя. Работала одна девушка, тоже лимитчик, комнату временную имела, да случились обстоятельства, что вынуждена уехать к себе в деревню, в декретный отпуск.:

— Родила, а замуж так и не вышла. Место за ней числится, нужен человек, пока она не выйдет, — сказал он и опять принялся

меня разглядывать.

— Возьмите, я справлюсь…

— В общем-то ты подходишь. Споешь что-нибудь вечером, на пианино сыграешь, какого-нибудь артиста в гости позовешь или писателя… Да и в комнате одна, считай, целых полтора года, а там, может, и в певицы возьмут. А не возьмут, так уж извини, комнату придется освободить, идти в трехместную, если у нас останешься, и тарелки мыть на кухне… Зарплата небольшая, всего девяносто рублей, но это, извини, не я устанавливал.

Я чувствовала себя счастливой: у меня есть дом, крыша над головой почти в самом центре Москвы, есть деньги. Я — спасена!

С этими идиотскими воспоминаниями я уснула. Сквозь сон услыхала телефон. Позвонил Мишель и сообщил, что наконец-то завтра вечером он будет свободен, у него есть отличный план, мы проведем вместе целую вечность. Я сказала, что меня это устраивает. У него был довольный голос, удачно завершились какие-то долгие переговоры с нашей стороной, теперь все наконец решено, его бизнес будет у нас процветать, а значит, мы будем видеться часто и долго. Я положила трубку, отключила телефон (наконец-то можно будет выспаться) и подумала: сколько же таких слов я слышала за эти два года?: Началось все с того момента, когда в самом деле появился шанс записать песню в одной кооперативной студии. Песня была моя собственная, ее послушали, сказали, что готовы поработать со мной на самом высоком уровне, я в этом могу не сомневаться, ведь в студию приглашены известные композиторы, так что оркестровка и работа со мной как с вокалисткой обеспечены, только… Я понимала, что означает: «только». Нужны деньги и столько, сколько я еще просто не видела в своей жизни. Где их взять? Я рассказала о своих горестях Вале, воспитательнице того же заводского общежития. Она на меня выкатила свои большие серые глаза:

— Ты и в самом деле наивная. То-то я смотрю, что ты в задрипанных шмотках совкового производства ходишь. А еще хочешь деньжат для своих песен приработать…

Я сказала, что не совсем понимаю ее. У нее-то вид и в самом деле был фирмовый, а какие ароматы французских духов!

— Ты посмотри, что вокруг творится, как наши девчонки трахаются с пьяными, вонючими работягами. Ничего не попишешь, у них жизнь такая. И тебя она, девочка, засосет. Не таких обламывала. Пить начнешь, стелиться под каждого.

Я ей призналась, что тут один особенно настырный прохода не давал, и однажды я оказалась у него до утра. Валя рассмеялась:

— Вот-вот, а дальше пойдет такое, что тебе и не снилось. Я все это прошла, да вовремя остановилась. Теперь они ко мне на пушечный выстрел не приблизятся. Пускай поищут что-нибудь бросовое. Ты только не обижайся, ради бога… Завтра мы тебя прикинем получше, и пойдешь со мной в одну компанию. Очень пристойную, даю тебе слово.

— Что еще за компания?

— Я — же говорю, что хорошая. Побеседуешь с приличными мужчинами, потанцуешь. А там будет видно. Может, и заработаешь кое-что.

Назавтра я сидела перед зеркалом в ее комнате, и Валя наводила самый настоящий марафет — накручивала мне волосы, подводила глаза. Наряд мы уже выбрали. Я в нем себя не узнавала. Она тем временем о себе рассказывала:

— Я не так, как ты в столовую…. В цех оформилась, ученицей токаря. Работа такая, что в аду в тыщу раз приятнее. А тут крутился один замначальника цеха, все глазами на меня постреливал. И дострелялся, не могла я ему отказать. Так и стала воспитателем общежития. Денег нет, оборвана до нитки… Тут одна наша из моей ярославской деревни и говорит: пошли-ка вечером на Красную площадь, прошвырнемся.

Я в нее чуть не плюнула:

— Я что тебе, пионерка — цветы возлагать?..

Та небрежно покривилась:

— Деревня ты, говорит, навозом пропахшая. Сходим, а тал, ты поймешь, что к чему.

Порулили мы вечером к Василию Блаженному. Смотрю много вокруг девчонок вроде нас крутятся. Вчерашних-то деревенских я сразу могу узнать. А возле них представительны мужики топчутся, присматриваются, значит. Неожиданно к нал, прямиком двое подруливают. Один из них, седоватый уже но в форме, говорит: не хотите ли, мол, девочки, провести вече с нами. Люди мы командировочные, одинокие, второй меся в Москве сидим и очень скучаем. Неохота в ресторане одном шампанское икрой закусывать. Я посмотрела на свою подружку, а та и говорит седому: «Спасибо большое, но мы девушек молодые, перед сном стараемся много не есть и не пить, внешность свою можем подпортить…» Он в ответ: «Все понимаем, все закончится для вас хорошо, вы сможете купить себе наряды, духи». И мы с ними пошли, отужинали в ресторане потом оказались в люксе гостиницы «Москва». Этот седой к мне прилепился, он был намного обходительнее наших работяг не хамил/да по существу почти ничего уже и не мог. Промучилась я с ним до утра, а когда ушла, то у меня в кармане был моя месячная зарплата.

— Что, вот так и ходят к Василию Блаженному? — спросила я.

— А то нет, сходи полюбуйся. Туда слетаются важные птички, те, что девочек для капиталистов подбирают. У них своя система воспитания нашего брата, да и оплата другая. Только опасно это, в любой момент прихватить могут… Тут такое в газетах пишут. С нашими безопасно. Я сама туда больше не хожу. Мне, когда надо, звонят.

— А кто звонит?

— Тут недалеко школка есть такая, для партначальников. Учатся они тут по два-три года, или на курсы приезжают. Голодные, аж страх. А карманы полные денег. Все мужчины, как один, чистые, никакой тебе заразы. Расплачиваются и краснеют.

Она отошла от зеркала, сказала, что я вполне готова для первого выхода в свет, меня от ее слов слегка покоробился но я опять вспомнила работягу, затащившего меня к себе в комнату, и отбросила всякие дурные мысли. Через час мы уже стояли возле ресторана «Арбат», спустя несколько минут подкатила черная машина, и из нее вышли два человека, лет по сорок или чуть больше.

— Знакомьтесь, это моя лучшая подруга Виктория, — сказала Валя, они тоже назвали себя, и мы поднялись на третий этаж, в зал, увешанный зеркалами. Очень удобно, сидишь, смотришь вроде бы в одну точку, а видишь весь зал. На меня сразу клюнул (я это с ходу почувствовала) один из них, его звали Коля, он был невысокого роста, и костюм сидел на нем, как военная форма. Коля подкладывал в мою тарелку разные закуски, приглашал потанцевать, рассказывал о своей жизни, в основном о занятиях спортом, о том, что он был даже чемпионом, и если бы кому-либо вздумалось сейчас ко мне подойти, он мог ответить так, что будь здоров. Он пытался прижаться ко мне всем телом, при этом начинал тяжело дышать в самое ухо, и мне делалось щекотно. Несколько раз я громко рассмеялась, на весь ресторан, он даже чуть не обиделся. Заплатили они за столик очень приличную сумму, что-то около двух сотенных, Валя в момент расплаты мне подмигнула, мол, видишь, какие парни?! Мы поехали в высотный старый дом, оказавшийся общежитием, прошли через проходную, в которой сидели дядьки в фуражках с синими околышами. Дядьки не спросили никаких пропусков, они только подмигнули Коле и Василию (так звали дружка Вали), и мы оказались в корпусе с высокими мраморными колоннами.

Коля выставил на стол шампанское, бутерброды, открыл коробку конфет.

— Мне очень хочется, — произнес он, наполнив стаканы, —

чтобы наша дружба длилась долго. Валю мы знаем давно, очень рады познакомиться с ее лучшей подругой Викой.

Еще он сказал, что они никогда нас не подведут, если и будут знакомить еще с кем-нибудь, то с очень солидными и надежными людьми, мы можем в этом не сомневаться.

Мы выпили еще, и Вася стал что-то нашептывать Вале. Наконец, он сказал, что они прощаются с нами, уже поздно, а им грешно укорачивать ночь. Коля вышел их проводить, а я разделась и легла в постель, закрыла глаза, мне было на все наплевать.

Они или их товарищи стали часто звонить, и мы проходили через проходную уже одни, старики в фуражках нас знали и весело кивали при встрече: Коля сказал, что им тоже достается они имеют здесь еще по несколько пенсий и чувствуют себе очень хорошо. Через несколько месяцев я пришла на студию и вручила необходимую сумму. Главный на студии рассмеялся, сказал, что я неплохо где-то разжилась, это редко удается; провинциалкам за такой короткий срок, и пообещал, что запишет мне не одну песню, а сразу две, пускай вторая будет как бы в долг, он не сомневается, что я расплачусь, зато теперь я см выезжать с какими-нибудь, конечно, пока не очень престижным тусовками на гастроли, зарабатывать, как минимум, по полтиннику за концерт, что для начала очень даже неплохо.

Я и в самом деле несколько раз ездила на гастроли, мы продолжали ходить с Валей к нашим друзьям до тех пор, пока какая-то подруга не свела ее с более солидными людьми, сред; которых был немец Франц, впоследствии укативший вместе с Валей, я же осталась здесь.

Мои воспоминания прервал звонок очень милого молодой итальяшки. Он недавно приехал в ихнее посольство, и общий знакомый устроил нам встречу. Итальяшка, атташе по культуре был похож на девушку — стройный, сероглазый, и я сразу поду мала, уж не «голубой» ли он. Но нет, оказалось, что в полном порядке, и даже более того, с ним я не только работала, был что-то большее… Я сказала ему, что у меня есть время сегодня вечером и завтра до обеда. Я ведь должна была как следует подготовиться к завтрашней вечерней встрече с Мишелем Пускай он, дорогой Мишель, не обижается на меня. Я должна вернуть хотя бы сто баков, ухлопанных на этих уродов, при воспоминании о которых тошнит, — Чику и Жеку. Итальяшка сказал что сегодня у него свободный вечер. Очень хорошо, я высплюсь схожу к массажистке, поплаваю в бассейнё и буду свеженькой, почти нетронутой.

4 Алексей Распутин

Не успели мы приехать в следующий город (билеты все проданы, полный аншлаг), как Автандил тут же принялся звонил в Москву, узнавать о действиях предводителя фонда по защите животных Мысленко. Автандил никогда не теряет времени зря, он знает, что в любой момент мне понадобится нужная информация, и не дай бог ее не окажется.

Кто-то проинформировал его, что с Мысленко состоялась беседа, смысл которой сводился к одному: «Давайте разойдемся по-хорошему», но он не унимается, продолжает угрожать мне и всей группе самой настоящей расправой. Хорош мальчик, за несколько месяцев «дружбы» со мной купил «Волгу», дом под Москвой, сделал всем своим дебилам в фонде оклады по семьсот рублей и тут же принялся за угрозы. Что ж, посмотрим, что у него из этого получится. Мальчик забывает о том, что у меня он на большущем крючке.

Автандил нервничал, думал, кого бы еще подключить к разговору с Мысленко, а я почему-то в те минуты был очень спокоен.

— Послушай, Автандил, а ты помнишь, как я в твоем присутствии давал Мысленко семьдесят штук? Он еще говорил, что нужно отблагодарить многих людей, которые дали нам крышу, взяли наши трудовые книжки в свои бронированные сейфы?

Автандил испытующе на меня посмотрел, видимо, стал прикидывать, к чему я задаю такой вопрос, потом понимающе закивал головой, конечно, он все помнит, все происходило на его глазах, я получил аванс за большие гастроли, отдал ровно семьдесят тысяч Мысленко, тот бережно. спрятал их в дипломат и укатил с ними в Москву. Он, Автандил, еще помнит, как ездил с ним в аэропорт и доставал билет. Хорошо, что я взял его в администраторы, Автандил схватывает все на лету.

— Пусть теперь ходит, жалуется, — спокойно сказал я. — И ты тоже не кипятись.

— Но по договору ты должен был перечислять им деньги, десять процентов со всех концертов…

— Да, должен был, но с чего перечислять? Они не открыли мне счета. Как я могу перечислять им деньги ни с чего?.. Лицо Автандила просветилось.

— Но он объявляет охоту на тебя, он так и сказал, — . все же не мог успокоиться Автандил.

Охота так охота. Я давно чувствую себя загнанным волком.

Как это у Высоцкого: «Идет охота на волков, идет охота…»

Самую первую охоту за мной начала моя собственная судьба. Может, я и перегибаю палку, но мне кажется, что именно так и было. Погружаясь в глубины своего сознания, я вижу какие-то строения, много детей вокруг, они почти беспомощны, они долго, целыми часами кричат… Потом, уже совсем другой, повзрослевший и сегодня почти все помнивший о себе той поры), я еду в другой дом, где тоже много детей с какими-то измученными, старческими лицами. Здесь, в этом новом доме человек, черты лица которого я никак не могу вспомнить, стал называть меня Распутиным. Эта фамилия звучала как-то странно, меня все так и называли: «Распутин», будто имени никогда не существовало вовсе. Тот первый дом назывался домом малютки, я был подкидышем, меня принесла какая-то женщина и холодной осенней ночью оставила у порога этого дома. Женщину, которую называют мамой, я вспомнить не могу и сейчас, ни ее голоса, ни ее прикосновений. Сквозь стену мрака я никак не мог добраться до ее лица, даже напрягшись, закрыв глаза, не мог вспомнить ее образ. Иногда меня называли подкидышем, но это случалось редко и почти не волновало меня. Как-то уже теперь в одной из газет из-за моей же собственной дурости написали, что я подкидыш, и в разных городах ко мне приходили очень похожие одна на другую женщины, они доказывали, что они мои матери? плакали при этом и просили денег. Недавно третья из таких, совсем еще молодая, с припухшими глазами называла меня Лешенькой, говорила, что и имя и фамилия мои совсем другие, что она была вынуждена это сделать из-за своей собственной несчастной жизни. Я не стал спрашивать, где она меня оставила, в какой день (все это я прекрасно знал из своих документов), это было бесполезно, только я и в самом деле поверил, что своего ребенка она когда-то подбросила, и тоже дал ей денег и немало, на что Автандил сказал, что после получения гонорара; мне лучше раздавать деньги на паперти у церкви там сидят более достойные и в самом деле несчастные люди а не бросать их к ногам каждой потаскухи. После этих слов я его чуть не ударил, во-первых, я не знал, кто меня подбросил, иногда я сам придумывал легенду о том, что меня похитили у моей матери, а потом подкинули к дому ребенка, а во-вторых я никогда представить себе не мог, что женщина, которая меня родила, может быть потаскухой.

Затем детский дом. Пацаны постарше говорили, что из него два пути — или на Колыму деньги зашибать, или в тюрьму. До Колымы редко кто дотягивал, скорее всего попадали в тюрьму. Впрочем, детский дом, в котором я с каждым годом все больше

осознавал себя личностью, и был похож на тюрьму. Взрослые за любое прегрешение избивали без спасительных разговоров и предупреждений, ночью начиналось время старших пацанов. Каждый день после обеда старшие пацаны собирали дань — мясо, кусочки сахара, хлеб. Мы все отдавали, иначе ждала расправа. Сколько я себя помню — вечно урчало в пустом животе и кружилась голова. Мы были, наверное, в классе шестом, когда Серега Николаев (фамилию ему тоже дали в детдоме) собрал нас и сказал, что мы должны доказать старшим свою силу и тогда они отстанут от нас, иначе мы просто передохнем с голоду.

— Они сильнее, — сказал я, — они нас, как щенков… Меня поддержали другие пацаны:

— И так избивают ежедневно…

— От нас ничего не останется…

— Будет еще хуже….

Но Серега настаивал на своем:

— Да вы не понимаете, они ведь трусливые, как зайцы. Нам надо показать свою силу, и больше они к нам не подойдут. Вот увидите.

Все молчали. У каждого были синяки от побоев.

— Да вы что, книжек не читаете? Всегда умные слабые побеждали сильных глупцов. А.они идиоты. Только идиоты могут быть такими жестокими.

— Ну, пойми же ты, что нам с ними не справиться, — снова сказал я.

— Я и сам знаю, что не справиться. Мы объявим им террор. Будем действовать по особому плану. Он у меня есть.

Тут все с уважением посмотрели на Серегу. Слово «террор» нас буквально заворожило. Что-то в нем было особенное.

— Значит так, мы будем их брать по одному. Налет в темную, онуча на голове и работаем долго и терпеливо…

В словах Сереги прозвучали стальные, жестокие нотки. Таким я его еще не видел.

— Начнем с Витьки Орла. Он завтра в ночь дежурный. При фамилии Орла у всех вытянулись лица. Он был самый ˆильный, тренированный из десятиклассников, это он отличался особой жестокостью. Однажды пацана из восьмого класса, подозреваемого в воровстве, подвесили за ноги вниз головой на чердаке и ночью пытали часа четыре подряд. Витька Орел, низкорослый, кривоногий, лично проводил пытку. Парень не мог кричать, во рту у него был кляп. Несколько наших, спрятавшись в дальнем углу чердака, все видели. Пришли они в слезах, будто истязали их самих. Среди них был и Серега. Он только и повторял:

— Настоящий фашист, даже хуже…

Потом досталось и ему. Бабка Сереги (она была у него единственным родным человеком) прислала посылку. По существующим правилам половину посылки забирал Орел со своими дружками. Мы, конечно же, ничего не отдали, все съели сами. Орел и приказал выловить Серегу: кто-то нас заложил. Его тоже ночью затащили на чёрдак и избили. Серега, весь в кровавых ссадинах, лежал на кровати и стонал:

— Никогда, ничего им не достанется.

Сейчас он внимательно смотрел на каждого из нас.

— Подумайте как следует. Я никого не заставляю. Если дрейфите, скажите сразу. Если кто продаст, всем нам крышка. Лучше потом разбегаться в разные стороны… Врагов у Орла много, попробуй догадайся, кто…

Каждый из нас дал клятву, что не струсит и не продаст.

… Мы крались по коридору, и мне казалось, что мое сердце стучит громче молота в колхозной кузнице. Я видел, что другие волнуются не меньше меня, идем на самого Орла, кому еще вчера могло такое прийти в голову. Только Серега мог завести нас, никто другой. Видимо, у каждого промелькнула мысль: а не повернуть ли назад, не отказаться ли от опасной затеи. Но Серега Николаев впереди, он полон решимости, и мы дали ему клятву! Роли были распределены — трое набрасывают мешок на Орла и держат его, трое других связывают, а остальные колотят.

— Не брать ничего острого, бить только кулаками, — предупредил Серега. — Мы же не такие, как они…

Наутро по детдому прокатился невероятный слух: неизвестные избили самого Орла. Через несколько дней он появился с фингалами под глазами. Орел ни на кого не смотрел. Все понимали, что скоро начнется месть. Орел так просто не сдастся, все, кто кормится вокруг него за наш счет, — тоже. Наш директор, человек с вечно синим носом, безвольный и малодушный, тоже забегал по коридорам, понимая, что в детдоме должны начаться жаркие дни. Кто-то из наших пацанов предложил: «А может, слинять…» На него зашикали: «Идиот, все сразу станет ясно, а нас выловят и сюда же вернут». Спустя несколько дней Орел стал вырывать по человеку из каждого класса, сначала он зверски избил кого-то из девятого, потом из восьмого.

— До нас доберутся в последнюю очередь, — говорил Серега, — никто не догадается, что это наших рук дело. Я боюсь одного — пацаны не выдержат, заговорят.

И вдруг в детдоме появилась комиссия. Нас всех построили. Какие-то старые тетки и молодые парни с комсомольскими

значками увезли избитых ребят, а нас отпустили. Вскоре исчез Орел со своими дружками. Говорили, что их определили в колонию. В детдоме стало тихо.

Буквально год назад в одном северном городе нас пригласили выступить перед зэками. После концерта меня подозвал начальник колонии, сказал, что со мной хочет поговорить один из заключенных. Я сразу же узнал Орла. Он, прищурившись, внимательно меня разглядывал и наконец сказал:

— А я тебя, сырой (так они в детдоме всех малолеток звали), по телевизору признал, вывеску ты, конечно, полностью сменил, да уж фамилия редкая — Распутин. И кто тебе такую придумал?!

— И тебя не обошли. Орел как-никак.

— Черт с ней, с фамилией. Хорошо ты пристроился, очень хорошо. Признаю. А я вот недавно в третий раз откинулся и снова сюда же. Вообще, нашего детдомовского брата тут хватает.

— А помнишь, как тебя в детдоме отделали?

Его глаза просверлили меня насквозь.

— Помню. Увезли меня тогда, иначе бы…

— Это мы, шестиклассники. Вот ты где у нас сидел, — я провел рукой по горлу.

Он хрипло рассмеялся:

— Да ладно брехать, я бы вас одной рукой прикончил. Через несколько минут его увели.

— Хороший у вас знакомый, — сказал начальник колонии.

— Мне кажется, он отсюда уже не выберется. Получается что-то вроде отпуска и назад.

Я ничего не ответил.

Когда я как-то рассказал об этой встрече Сереге (Серега Николаев в нашей тусовке по сей день, хоть и не поет, и не играет ни на одном из инструментов, просто я взял его к себе, понимая, что он может запросто пропасть в этой жизни, как пропали многие другие), он сказал только:

— Туда каждый из нас мог попасть. Раз плюнуть. Услышав его слова, Автандил поморщился:

— Боже, с кем свела судьба.

Ему не понять Серегу, которого я вытащил, казалось, в самый последний момент. Еще немного — и решетка.

Ему не понять и Андрюху Кречета, теперь нашу звезду. А каким я его увидел? Такой экземпляр не часто попадался даже начальнику детской комнаты милиции. Я, выпускник детдома, стоящий перед директором, выглядел по сравнению с ним, как по крайней мере гимназист из хорошей семьи. Директор почему-то позвал меня к себе, начал говорить о будущем, сказал, — не попробовать ли мне поступить в институт. Я чуть со стула не

упал: какой институт, а на что жить, на тридцатирублевую стипендию, да через две недели с голоду можно подохнуть. Были такие среди наших, поступали, а потом бросали и растворялись в толще темной жизни, помогать ведь было некому. Да кое у кого еще дядьки, тетки, бабки, а у меня кто? Словом, гуляй, рванина, катись куда глаза глядят, в любую точку Союза, тем более, что в кармане — выданное в детдоме удостоверение каменщика! Недалеко от нас был райком комсомола, сказали, что там могут помочь, скажут, куда ехать и даже путевку дадут. Наши говорили, зашлют в такое место, откуда уже больше не выберешься. А может, мне это и надо, заехать, чтобы никогда не выбраться, но зато заработать столько денег, чтобы никогда больше не чувствовать себя оборванцем.

Ненавидя себя, я топтался перед какой-то пышногрудой дамочкой с размалеванными губами, а она мне втолковывала, что посылают они на стройку в основном после армии, а мне вполне могут предложить неподалеку, в наших местах.

Я не привык никого и ни о чем просить, меня подташнивало от происходящего, но я выдавил из себя:

— Здесь, у нас на стройке, я ничего не заработаю. А я не могу жить вот так, поймите вы, у меня никого нет…

Она снова начала про то, что мне всего семнадцать лет, и в таком возрасте не посылают…

— Ладно, я поеду сам, — крикнул я и хлопнул дверью. Она догнала меня у выхода из райкома:

— Куда же ты? Пошлем, бог с тобой, под мою ответственность.

Через много лет (хотя не так уж много, но мне они кажутся вечностью) она позвонила в гостиницу, сказала, что помнит меня, не зря, оказывается, всучила тогда мне комсомольскую путевку и бесплатный билет. Я пожал руки своим однокашникам и покатил!

Перед обедом я решил проехаться по городу вместе с Кречетом и Масловским, вторым солистом, который запел у меня ровно за неделю, сразу было записано три песни. Он сам ошалел от происходящего, никогда до этого нигде не пел, разве что во дворах. Я держу их вместе, пускай смотрит на звезду — Кречета, а тот понимает, что он не один на этом свете, есть еще люди, которым аплодируют. Мы ехали по узким улочкам городка, он был весь утыкан соборами, церквами. Мы решили зайти по пути в одну из церквушек. У входа сидела старушка, она собирала деньги на восстановление храма и продавала библии, иконки, кресты. Кречет выбрал себе крест побольше, повесил на грудь и вдруг заголосил на всю церковь: «Боже милостивый…» Старушка вздрогнула и чуть не начала креститься. Я сказал, чтобы она не

обращала внимания на него, он известный артист, и нет места, даже святого, где бы я не тренировал свой голос.

Я положил перед старухой пару сотенных на восстановление храма, она меня перекрестила, пожелала всех благ.

Мы прошли в церковь, где было много икон и росписей. И вдруг я вздрогнул: лик святого на одной из икон показался мне до боли знакомым. Я сжался, мне померещилось, что святой мне подмигнул, света в церкви поубавилось, и показалось, что я здесь один. Еще раз глянул на икону. Ну конечно же, это он, подмигивает мне, улыбается, мол, не переживай, я жив. Я почти выбежал из церкви. За мной следом — Кречет и Маслов.

— Что случилось? — спросил Кречет.

— Ничего. Поехали отсюда поскорее. Я вскочил на заднее сиденье «Чайки», задернул шторку и сказал шоферу:

— В гостиницу и побыстрее.

Мы промчались по городу со скоростью ветра, Автандил и еще несколько наших были в моем номере.

— Послушай, Автандил, — я смахнул пот с лица. — Мало мы дали семье этого водителя «Запорожца». Совсем мало… Пошли еще тысячу. Сегодня же, телеграфом. Позвони на стадион, узнай адрес, фамилию… Сегодня только, понял?

— Хоть десять. Деньги не мои, твои, Распутин.

— Иди сюда, — я вывел его во вторую комнату, — понимаешь, это я его прикончил. Он начинает преследовать меня. Только что в церкви я видел его в лике святого, на иконе. Он даже подмигнул мне…

Я рухнул на кровать. Пот с меня лил ручьем.

— Распутин, ты чокнутый, но при чем здесь я? Я не хочу в дурдом. Это уж слишком. Как ты его прикончил, чем?

— Взглядом. Своим собственным взглядом. У меня какая-то дьявольская сила. Мне Джалила говорила…

— Боже, может быть тебе нужен врач?

— Идиот! Ты в этом ничего не понимаешь. Ты неграмотный, темный человек.

— Да, я такой, но я нормальный.

В комнату заглянул повар и сказал, что обед на столе.

Я еле вышел. Ноги у меня подгибались. Я страшно устал, мне нужна разрядка. Я выпил граммов пятьдесят кофяку, а когда к рюмке потянулся сам Михал Михалыч, ударил его по руке. Он обидчиво протянул:

— Смотрите, ему можно, а мне нельзя…

Михал Михалыч у нас самый раскрученный из музыкантов, девочки в нем души не чают, иногда они несут букеты именно ему, мимо солистов, в том числе и мимо меня. Он крупнейший

тусовщик Москвы, он бывает в самых престижных домах. Михал Михалыч с двенадцати лет работал у самой Аллы. Это она в присутствии публики кричала ему: «Михал Михалыч, а почему у нас непорядок?!» Михал Михалыч бодро отвечал: «Сейчас, Алла, разберемся». Она при всех называла его директором и только по имени-отчеству, и Миша думал, что это всерьез, он и в самом деле представлял себя взрослым человеком и даже однажды полез драться к директору, когда ему показалось, что тот чем-то обидел Аллу.

— Тебе надо беречь себя для новых поколений фанаток. А вот вечером… — я глянул на Автандила:- Вечером нам надо помянуть шофера.

— Еще чего?! — возмутился Автандил.

— Я так хочу! — прикрикнул я на него.

— Товарищ Автандил, выполняйте указания генерального! — строго произнес Михал Михалыч.

— Ты бы уж сидел, — пробурчал Автандил, — шестерка несчастная. На сколько человек накрывать?

— На всех, — сказал я. — Мы давно вместе не ужинали.

Потом я попросил всех из комнаты, кроме Автандила и охранника. До концерта оставалось два часа.

Пришли двое кооператоров, поставили рядом с собой дипломат, кивнули на охранника:

— При нем?

— Только при нем! — ответил я.

Они понимающе закивали головами. Из дипломата посыпались перевязанные пачки. Начался долгий и нудный подсчет. Автандил делает это серьезно, без ошибок. Он по опыту знает — даже в банковских купюрах с печатями зачастую не хватает денег. Вся операция длилась, наверное, около часа; Автандил подсчитал, а потом начал пересчитывать.

Все было закончено, деньги положили в мой бронированный дипломат, и один из кооператоров сказал:

— Ребята, наше дело предупредить. Будьте поосторожнее. Город только на первый взгляд тихий и сонный. Хватает всего. Возле нас уже крутились… Их видели и возле гостиницы.

— Рэкет, что ли? — небрежно переспросил охранник.

— Они, кто же еще. Все бывшие спортсмены. К тому же неплохие. Даже один чемпион мира…

— Ерунда, — сказал охранник, — перестреляем, как котят.

— Если увидите, передайте.

— Ну, что вы, ребята, в самом деле, мы ведь не шутим, наше дело предупредить.

Они ушли. Я посмотрел на Автандила, он на меня, мы оба на

охранника Вадима.

— Ничего здесь такого я не заметил, — сказал он. — Но все может быть. Может, заплыла крупная рыбка, зная о нас…

— А их предупреждение тебя не насторожило? — спросил я.

— Не знаю. Что-то такое уже однажды было, помните?

Еще бы не помнить. Я поэтому и задал ему этот вопрос. Как-то приехали мы в большой сибирский город. Мороз градусов под сорок. Никуда носа не высунуть. Приходят вот такие же, только побольше их было, из какого-то молодежного центра, сперва начали про деньги говорить, что, если их, мол, отдать не сегодня, перед первым концертом, а завтра, у них тут есть свои трудности, да и рэкет не спит. Братцы, говорю я им, вы должны были знать про Распутина, если денег нет в первый день, ровно за два часа до концерта, самолет улетает в Москву. Мы все понимаем, отвечают они, но очень большие трудности существуют, отдадим деньги завтра, и вам будет спокойнее.

И снова завели разговор о рэкете, здесь у них такая банда, притом не из спортсменов, а из зэков, несколько из них недавно откинулись, тянули большие сроки за тяжкие преступления, терять им нечего, а тут такая золотая рыбка, как Распутин. Вадим при этом разговоре присутствовал, он тоже сказал что-то вроде этого, что мы, мол, преспокойно перестреляем всех до единого, пускай только сунутся, если они заметили, то несколько наших человек прилетели не на самолете, а долго и нудно катили сюда поездом, наслышанные о местном рэкете, и привезли с собой несколько таких волын, что выстрелы будут слышны на всю Сибирь.

Ребята те быстренько исчезли, а потом даже за три часа до концерта явились с деньгами. Вадим и еще двое молодых парней охранников заняли люкс, никуда не выходили, им даже туда еду носили. Я сказал, что на концертах обойдусь без них, верю, мол, в сибирскую милицию, оградит, если что, от толпы. Назавтра ребята из центра снова появляются, морозы, говорят, очень крепкие, надо бы нас, как самых почетных и дорогих гостей, отвезти в сибирскую баньку и попотчевать хорошим ужином из дичи, мясо свежее, только привезли. Все казалось подозрительным, даже сам Михал Михалыч стал возражать, места, мол, дикие, прихватят как пить дать. А наши деньги — это целая зарплата приисков. Недавно он вычитал в газете, что именно в этих местах какая-то до сих пор не пойманная банда взяла зарплату двух приисков.

— Сумма получилась кругленькая, почти такая же, как в моем дипломате.

— А что нам терять, Михал Михалыч, — спокойно возразил

ему я, — ну, заберут деньги, мы еще заработаем, в тройном размере, — и подмигнул при этом Вадиму. Да, он обязательно поедет с нами.

— Дипломат возьмешь с собой, — сказал я ему, — а ребята пускай остаются в номере, отдыхают. Неудобно везти с собой слишком большую компанию.

Вадим все понял с полуслова. Вечером после второго концерта мы расселись в машины.

— Все будет отлично, высший класс, — пообещал один из представителей центра по имени Василий, — вы такого в столице не видели. Честное слово…

И в самом деле, мы были потрясены. Баня находилась в бывшем купеческом особняке. При входе швейцар, ковры, ресторан с музыкой, вокруг люстры, тяжелые шторы.

— Давайте слегка перекусим, — сказал Василий, — так, для разминочки.

Мы выпили шампанского, съели по салату и прошли в баню. Везде мрамор, сверкающие голубизной бассейны. А какие обаятельные парни нас встретили, отпарили всех как следует (я сразу же забыл о вечной боли в позвоночнике), напоили чаем, а потом и дичь с коньяком появилась, в комнате отдыха, где все напоминало замок охотника, — рога, шкуры, подсвечники с горящими свечами.

— Большой у вас размах, сибирский, — сказал я.

— Стараемся не отстать от дедов, тут у нас такая жизнь была!

Накачанный владелец бани суетился больше всех — подливал, подкладывал, потом снова парил. Когда мы уже заметно повеселели и разговор пошел в разнобой, мы хвалили сибиряков, они нас, хозяин бани нагнулся ко мне и прошептал:

— Давай выйдем, есть интересный разговор.

Ага, значит, начинается. Я глянул на Вадима, он сидел в углу комнаты отдыха и попивал чаек. При нем был дипломат. Вадим едва заметно кивнул мне: да, я все понял.

Обернувшись простынями, мы вышли с хозяином бани в другую комнату — там видеомагнитофон, глубокие, кожаные кресла.

— Понимаешь, Леха, оказались мы в тяжелом положении. Давят со всех сторон, задавить хотят: Тем дай, этим дай, а мы кредит взяли, никак выплатить не можем, сам видишь, какие у нас царские условия.

Еще он начал про то, что время сейчас такое, что люди должны делиться, особенно те люди, которым сделать это очень легко.

— Ладно, хватит, сколько ты хочешь?

— Немало, Леша, немало. Твой гонорар за один день, тот самый, что в дипломатике… Сам понимаешь, вам отсюда не уйти, везде мои люди.

Я глянул на него как можно спокойнее:

— Послушай, парень, а не слишком, ли жирно будет?! Он засмеялся тихо так, а взгляд острый-острый:

— Какие там, Лешенька… Ты здесь четыре дня, один считай, ушел. Был и вдруг нет. Ну и что с того? Для тебя это копейки, а нам за всю жизнь не заработать.

— Ладно. Сделаем так. Сейчас «доотдыхаем» в вашем великолепном заведении, а когда будем уезжать, Вадим отдаст тебе дипломат.

— Очень хорошо, я и думал, что ты сообразительный парень, но почему не сразу?

— А ты не понимаешь, очень юный. Здесь же мои солисты. Зачем им видеть такое.

— Хорошо, но ты не думай меня разуть. Там, рядом с Вадимом двое моих людей, они с дипломата глаз не спускают.

— Это их личные проблемы, а не мои, ясно? Мы, кажется, договорились?

— Вполне. Знай, что в этом городе больше никто к вам не подойдет.

— И на том спасибо, — сказал я и первым вышел.

За столом веселились вовсю, и я тоже чувствовал себя легко и уверенно. Выпил шампанского, зашел еще раз в парилку, съел медвежатники, а между делом кивнул Вадиму: все в порядке, все идет по намеченному плану. Трапеза была закончена, и мы стали собираться. Заплетающимся языком я благодарил Василия, хозяина бани, за сибирский прием. Мы вышли на морозный воздух. После бани дышалось легко и мороза не чувствовалось.

— Еще раз большое спасибо, — сказал я хозяину чудо-бани и тут же протянул ему взятый у Вадима дипломат. Мы сели в машину и уехали.

— Чего ты набил туда? — спросил я Вадима в машине.

— Дипломат тяжелый.

— Чего-чего, бумаги машинописной. Черт, дипломата жалко, уж больно хороший. У меня всего три таких осталось.

— Ничего, мы закупим еще одну партию, — сказал я.

Михал Михалыч, врубившись в наш разговор, закричал:

— Мы опять их надули, нас не возьмешь! В гостинице, в номере, где Вадима поджидала его бригада, мы провели совещание.

— Сегодня могут полезть, — сказал Вадим. — Сегодня они разгоряченные. Не часто их так наматывают.

— Не полезут, — уверенно сказал напарник Вадима, Олег — они нас видели, представляют, что будет. Да мы и не на улице, а в гостинице.

— Нет, ребятки, все-таки я позвоню в милицию, — принял я решение.

— Только ничего о дипломате, да и обо всей истории, — попросил Вадим.

0, боже, они тоже обнаглели. Нашли простачка, кого учат! Но я смолчал, а через мгновение продолжил:

— Я скажу, что раздалось несколько звонков, требуют деньги, угрожают. Пускай охраняют. Какая им разница где — здесь или на стадионе. Я все оплачу.

Через час в первой комнате люкса был уже милиционер. При всей амуниции, с наганом на боку.

Назавтра, как и положено, за два часа до концерта, при-. шли смущенные кооператоры, спросили, выдавая очередную партию денег:

— Как здоровьице после баньки?

— Отлично, Василий, — сказал я, — очень хочется петь… Так что за все спасибо!

И вот снова. Легкое, можно сказать, товарищеское предупреждение, а что последует за ним?

— Применяем старый прием, — сказал я Вадиму, — ты ходишь везде с дипломатом, тем самым, в который они деньги чуть ли не собственной рукой закладывали, а второй, настоящий, сам знаешь где…

— Все ясно. Пускай охотятся.

Вадим все время был рядом — в ресторане, когда мы поминали шофера, на концертах. Мы расставались только тогда, когда я уходил на сцену.

Все были предупреждены строго-настрого: в гримерную не входить. Здесь Вадим и я. Какие-то парни в кожаных куртках крутились рядом — возле площадки, в проходах стадиона, в гостинице. Я не стал никуда звонить. Тем более, что предстояла последняя ночь в этом городе. Назавтра — переезд.

— Сегодня придут, вот увидишь, — сказал мне Вадим. Поздно ночью в дверь его комнаты постучали.

— Кого вам? — спросил сонным голосом Вадим.

— Вы из «Супера»? — спросил тонкий девичий голосок.

— Да, а что вы хотели?

— Автограф взять. Вы завтра уезжаете… На концерте я не успела… Мы спортсменки, живем в вашей гостинице.

— Одну секундочку, я оденусь, — ответил Вадим. Он открыл дверь и отошел в сторону. В комнату влетели трое. Дуло

пистолета уперлось в грудь Вадиму.

— Дипломат, быстро! — скомандовал один из грабителей.

— Да вы что, ребята, какой дипломат?!

— Не гони картину, иначе!..

— Ну ладно, только вы пожалеете, вы не знаете Распутина…

— Дипломат!

Вадим залез под кровать и протянул дипломат:

— Пожалуйста, только вы об этом пожалеете, парни…

— Открой его, — зашипел человек с пистолетом.

— Шифр знает только Распутин.

Если бы эти идиоты открыли его, то увидели бы старательно подготовленные «куклы».

— Ладно…

Один из троих вырвал телефонный провод и забрал аппарат с собой. Они забрали ключ и заперли Вадима снаружи. Наши были в соседней комнате. Вадим постучал им, те сбегали к дежурной за ключом, и через несколько минут все трое охранников весело хохотали в люксе у дипломата с деньгами. Утром я сказал им:

— Всем премии.

Они радостно хмыкнули.

— И в первую очередь мне, — сказал я. — Операцию кто разрабатывал?

— Это было не самое главное, — сказал Вадим и поплотнее прижал к себе дипломат. — А вот стоять под дулом… Мы сели в автобус и покатили дальше.

5 Юрий Чикин

Он начал обзор как всегда вяло, будто только проснулся, а затем все больше и больше распалялся, ему, Сашке Шаблинскому по кличке Шабля, нравилось слушать себя, он всегда находил, собеседника везде, где бы ни находился — на улице, в метро, не говоря уже о конторе. Сашка может трепаться сколько угодно, у него решены все проблемы в жизни, он недавно приехал после пяти лет собкорства в ФРГ. Рассказывали, что Сашка так уморил своей болтовней одного крупного генерала бундесвера, что тот в полном беспамятстве пошел Сашке навстречу, определил его на месячный срок службы в бундесвер. Шабля потом завалил газету подвальными материалами, которые, кстати, довольно сносно читались, потом он собрал все в единую книжку. Сашка, конечно, малый головастый, но ФРГ ему не видать бы как своих ушей, туда ведь все больше посылали ребят с погонами, но его папочка был в то время помощником одного крупного работника, теперь уже бывшей личности, о которой редко кто вспоминает. Папенька сам едва не ушел за боссом, но как-то зацепился и теперь разбирает жалобы трудящихся в общем отделе ЦК, но связи у него остались, и теперь Сашка подбирает другую, более солидную контору, чтобы укатить куда-нибудь, а лучше всего к все тем же бундесам. Говорят, что папа старается вовсю и его уже ждет какое-то теплое место.

Сашка входил в раж, его длинные волосы мотались из стороны в сторону, глаза приобретали странный блеск, он явно чувствует себя сейчас на площади, полной народу, а перед ним всего-навсего кучка мастеров нашей конторы, слушают, правда, внимательно до тех пор, пока Сашка не заканчивает обзор, касающийся его собственного отдела.

Вот Сашка прошелся по сельскому отделу, сказал, что он застыл, не замечает нового в деревне, коснулся отдела экономики, там тоже мрак, одни ученые рассуждения и полное отсутствие практики, и дошел наконец до нас, до отдела культуры, начал старую песню, что нас занимает пропаганда самого что ни на есть кича, пацанве это нравится, но когда-то мы могли вкусненько подавать настоящее, нетленку в живописи, литературе, когда-то мы целенаправленно учили молодых — как писать, устраивали на полосах литразборы, влезали в драки с толстыми журналами, а теперь этого нет, погоня за чтивом затмила нам всем глаза. При этом он боданул неожиданно мой материал о двадцатилетии популярной группы, сказал, что такие замшелые деды нашим читателям не нужны, боданул, да и ладно,

если бы не отпустил одной шпильки в мой личный адрес:

— Но я понимаю, коллеги, что Чикин не мог не написать о своих старых друзьях, которым он помогал в пору молодости пробиваться, и с которыми у него свои старые дела…

У меня в голове помутилось, я едва не крикнул (хорошо, что вовремя закрыл открывшийся рот): «Какие еще дела, думай, Шабля, что говоришь, это же чуть ли не обвинение». Все как-то странно на меня посмотрели, захихикал ответственный, но все тут же забыли о сказанном, а многие даже не обратили внимания на слова Шабли, тем более, что он занялся излюбленным: начал рассказывать о том, что такое современная пресса в ФРГ, особенно рассчитанная на молодежь, какие там используются методы… Он бы долго еще говорил, но главный прервал Шаблю и поблагодарил его за обзор, потом произнес несколько невнятных фраз о том, что нам надо делать в эти дни (несколько раз прозвучало: «лезть в драку»), и объявил летучку законченной. Я тут же подскочил к Шабле, потащил его на себя, ухватившись за металлическую, с изображением орла пуговицу на фирменном блейзере: «Пойдем, поговорим».

— Ради бога, — сказал Шабля. Он, видно, подумал, что я дам сейчас ему возможность повыступать передо мной, он же еще не выговорился как следует. Но не тут-то было.

— Послушай, старик, а что там в прессе ФРГ делают коллеги коллегам за такие тупые высказывания?!

Он отшатнулся от меня:

— Не понимаю.

— А чего тут понимать… Что это за фразочка, мой милый, а, что ты имел в виду, когда ляпнул про меня и мои старые дела с этой группой, что еще за дела?

Он как ни в чем не бывало отпарировал:

— Все очень просто. У вас старая творческая дружба.

— А когда и где ты вычитал в великой прессе ФРГ, что старая творческая дружба называется старыми делами, может, тебя сам Шпрингер обучил, а?

Его рука коснулась моего плеча и тут же слетела с него.

— Ну, нельзя же так, Юра, мы ведь знаем друг друга давно, поверь, слетело с языка, не более того, я ничего плохого не имел в виду.

— А ты иди, скажи все это им! — ткнул я в спины разбредающихся коллег. — Они-то явно черт знает о чем подумали…

— Ну, давай я скажу на завтрашней планерке, что не имел ничего плохого в виду, все сразу станет на свои места.

— Вот уж спасибо, огромное спасибо тебе, — я чувствовал,

что еще немного — и вмажу ему как следует, — тогда уж все поймут, дело у Чикина с этой группкой нечистое, подмазали они его, что ли…

— Да, конечно, уж лучше к этому не возвращаться. Просто в другом обзоре я основную часть посвящу твоему неувядаемому мастерству. Извини, меня, ради бога, Юраня.

От этого «Юраня» меня едва не стошнило, прямо на его блейзер с двуглавыми орлами.

— Да пошел ты, — только и сказал я, — если уж разучился русскому языку, гнал бы на немецком. Все равно никто бы ничего не понял, как сейчас…

Я быстро пошел от него по коридору. И тут меня осенило: он ляпнул не случайно, они давние дружки с ответственным, в одно время собкорили, даже поговаривали, что ответственному в Австралию помогал уехать его папашка, тот ведь ни слова ни на одном иностранном языке не знал, и нате вам, прорвался. Ответственный не так просто захихикал на летучке, он явно распивал проставленный мною «Наполеон» и раскуривал фирменные сигаретки вместе с Шаблей. Я не дошел до своего кабинета, повернул назад по длинному коридору и оказался перед ответственным. Он сидел перед готовыми макетами следующего номера.

— Как тебе обзор? — спрашиваю.

— Обзор как обзор, — буркнул ответственный и не поднял на меня глаз. Точно, что-то есть в моем предположении.

— А мне очень не понравился, особенно в одной его части, после которой тебе стало очень смешно, а мне очень неприятно.

— Какой еще части, что ты несешь? — ответственный выпятился на меня. — Да я все наперед знаю, что Сашка намелет, у него пластинка не меняется. Мне Максим Вострухов такой анекдотец рассказал, — он захохотал, — умереть можно, послушай…

Он пересказал мне анекдот с огромной седой бородищей.

— Ты отстал от советской жизни, — сказал я ему, анекдот очень старый, стыдно Вострухову, выдавшему тебе его за свежак.

Мои опасения оказались напрасны, он ничего не слыхал и выпил «Наполеон», скорее всего, со своей девушкой, при воспоминании о которой вечно закатывает глаза. Деревня! Ему бы Вику….

— Послушай, а где твой забойный материал?

— Какой еще материал?

— Мне замглавного сказал. Полоса музыкальная без него не пойдет, какие-то там дворовые уголовницы начали петь.

— Будет, будет, строк двести пятьдесят, не меньше, плюс

фото. И еще небольшой анонсик на первой полосе…

— Ты взялся за большую раскрутку?

— Почти. Сколько я их раскрутил, да разве потом вспомнит кто-нибудь хорошим словом…

— Главное, чтобы ты обо мне вспомнил.

— За это можете не волноваться.

Я позвонил Жеке и сказал, чтобы он срочно был у меня. Завтра музыкальная программа «Сорок на сорок», я очень просил замглавного поставить наших девчушек в прямой эфир, но она сказала, что все это очень сложно, многое осталось с других передач, а тут еще давят со всех сторон. Да, надо ехать и не уходить от нее до тех пор, пока она не поставит девчушек в завтрашнюю передачу, слава богу, у них готова «фанера», мы с Жекой все последние дни только и мотались по студиям, подключили всех, кого знали, нам необходимо было, чтобы их записали в долг, необходимую сумму мы набрать никак не могли. Все готово к атаке: есть записи, к тому же вполне приличные, выйдет статья в газете. И еще необходима раскрутка по телевидению. Я уже почти договорился насчет помещения для первых гастролей в Москве, зал чуть больше трех тысяч. Жека занимался договором с одним комсомольским центром. Вере и ее подружкам нужна крыша над головой, пока же они никто, дворовая тусовка — не больше. Жека договорился, что центру пойдет пять процентов от сбора, это мелочь, почти ничего. Завтра в передаче можно будет заодно сделать рекламу и центру, который приютил у себя талантливых, но бездомных артисток. Словом, мы просто «горели» на группе «Ах!», мы забыли, что такое отдых, и даже когда позвонила Вика, Жека сказал, что сейчас мы очень заняты, но не забываем о ней, не позже чем через десять дней статья о ней разойдется тиражом в двенадцать миллионов экземпляров. Жека подрулил к редакции на «БМВ» красного цвета, какой-то его неизвестный мне друг ушел в очередной запой, дал Жеке доверенность и сказал, что он может спокойно кататься несколько недель, пока он как следует не отдохнет. Мне бы не очень мелькать возле конторы на таких машинах, лишний повод побазарить. Мог ведь приехать на своей ободранной «шестерке». Жека ничуть не растерялся:

— Да я думал как лучше, подрулим на телевидение, там все поймут, с кем имеют дело, может, прокатим твою замглавшу куда-нибудь…

— Да, там поймут и сделают объявку соответственно тачке. Солидные люди, а с кого, как не с них, брать.

— Об этом я не подумал, — сказал Жека. — Ладно, никого катать не будем.

У него все просто. Признание ошибки следует мгновенно, как из пулемета. Жеку трудно в чем-нибудь уличить, он тут же признается: «Да, я был неправ». И что тут с ним сделаешь?

— Вчера на студии я видел Распутина, — сказал Жека, — он так на меня посмотрел!

— Черт с ним! Если все удастся, большая часть его фанатов перебежит к нам. Только бы эти болваны из центра не подвели.

— Не волнуйся, ребята там опытные, бывшие комсомольские функционеры. Боролись за идеи, а теперь за деньги, я им сказал, что все будет в порядке, почувствуют все после первых гастролей.

— Ты бы мне их показал, — сказал я и тут же передумал: — Впрочем, не стоит, обо мне с ними вообще не веди никаких разговоров. Появилась статья, ах, значит нас наконец-то заметили, вышла программа по телевидению — тоже хорошо. Но не больше. Пойми меня правильно, но я…

— Да перестань ты! Все я понимаю. Мало ли что может быть.

Понял он или нет — не важно, только бы не болтнул лишнее, но до сих пор сомневаться в нем я не имел оснований.

Мы приехали на телевидение, я сказал Жеке, чтобы он ждал внизу, пропуск выписан на меня одного, но я потом за ним обязательно спущусь, если все, конечно, закончится так, как я спланировал.

Кабинет Евгении Федоровны, замглавного детских программ, был заперт. Я опешил: мы же договаривались точно на это время. Я зашел в приемную главного, секретарша сказала, что Евгения Федоровна у главного, у них небольшое совещание, она просила передать, чтобы я ее дождался. Я не хотел слоняться по коридорам, здесь меня слишком многие знают, не хотел мозолить глаза и попросил у секретарши разрешения остаться здесь, в приемной. Она сыпанула передо мной стопку журналов, я стал их листать. И в первом же попавшемся натолкнулся на рожу Лехи Распутина. Плакат на целый разворот, подпись «Супер». Алексей Распутин. Куда он только ни пролез в последнее время — какие-то международные конференции, политические диалоги на радио, интервью в газетах, а уж гастроли! Кажется, что он вообще не появляется в Москве, его тусовка совершает бесконечные набеги, добиваясь при этом одних аншлагов. И все это несмотря на все мои попытки расквитаться с ним как следует. После одной моей статейки ему пришлось худо, филармонии, управления культуры наотрез отказывались иметь с ним дело, я ведь все сделал, чтобы изобразить его шарлатаном и мелким жуликом. Но потом все началось с необычайной силой. И опять эти идиотские высказывания: «Ты сделал ему рекламу…» Впрочем, они во многом правы. У нас так: хочешь сделать артисту гадость,

напиши, что он пай-мальчик, хороший и положительный со всех сторон и, можно считать, звезда его закатилась. С моими девочками из «Ах!» такого, не будет. Кое-что я из них выудил: и чердачные компании, знакомые, которых не оттянуть от иглы, и кое-что другое…

Евгения Федоровна первой выпорхнула из кабинета:

— Извини, Юрочка, сейчас мы обо всем поговорим.

Я прошел следом за ней в маленький, но уютный кабинет. Мой в сравнении с этим — берлога, заваленная книгами, кипами писем, старых газет.

— У тебя очень уютно, — сказал я, чтобы с чего-то начать разговор.

— Давно не бывал здесь, а, помнится, забегал частенько, сказала она.

А вот этого как раз и не надо, ни к чему какие-то старые воспоминания, которые не доставляют мне удовольствия. Лет восемь назад мы были в жюри одного фестиваля. Кажется, в Сочи, нет, это в другой раз, то дело было в Ялте. Я тогда на большом банкете крепко принял, она взялась проводить меня до номера, даже сказала известному, ныне покойному композитору, мол, не волнуйтесь за Юрочку, у нас соседние номера, и он доберется благополучно, никуда его не занесет. Занесло меня не куда-нибудь, а к ней. В Москве наши встречи какое-то время продолжались, то угасая, то возникая вновь, я иногда забегал к ней, времена были совсем другие, пристроить кого-нибудь в передачу ничего не стоило, артистическая мизерная ставочка от этого не уменьшалась не увеличивалась. Теперь прошла целая вечность, вспоминать о прошлом — значит чувствовать себя старым. Боже мой, ей ведь за пятьдесят.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал я. — В жизни даже лучше, чем на экране.

Она иногда сама вела передачи.

— Если бы ты знал, каких усилий это стоит! Ты молодой и не понимаешь, что в моем возрасте, если дашь себе послабление, женщина рассыпается на глазах. А ты стройный, поджарый, как всегда, будто тебя хорошо провялили и ты не портишься, — то ли сделала она комплимент, то ли решила поиздеваться надо мной.

— Жизнь такая, в основном слишком жаркая…

— Все дерешься с кем-то, кого-то разоблачаешь. Я слышала, ты развелся.

— Окончательно и навсегда. Лучше закончу жизнь в доме для престарелых, чем хотя бы еще один раз, — на этот раз искренне сказал я.

— А я осталась совсем одна. Мама умерла, сын мой далеко,

очень далеко…

— Служит где-нибудь на Дальнем Востоке? — предположил я, припомнив, что у него примерно призывной возраст.

— Да нет, и не служил и не на Дальнем Востоке, — сказала она. — Он ведь у меня в строгановском учился. Познакомился с премилейшей англичанкой и сейчас живет в Шефилде. У ее отца фирма. Он в этой фирме работает художником. Оформляет витрины супермаркетов…

— А как у тебя здесь? — я покрутил головой по сторонам, стараясь объять весь телевизионный домище.

— С этим все в порядке… Это раньше из партии могли попросить, а теперь наоборот, все завидуют. Изменились времена, Юрочка, изменились. Ему там хорошо. Приезжает и говорит: «Не представляю, мамочка, как я мог жить в этом дерьме?!» А мне, поверь, обидно… И, конечно же, одиноко. Была я у него уже дважды. Все там очень хорошо. Нам даже представить трудно…

— Представляю — бывали, ездили, — сказал я.

— Одно дело отели, копейки в кармане, а другое — когда видишь, как живет твой единственный сын, совсем иное… Но ведь я туда не поеду, там я никому не нужна, а здесь одиночество уничтожает…

— И все равно я радуюсь за тебя. То-то вижу, ты превратилась в английскую леди…

Она сказала, что ей это очень приятно слышать, особенно от меня, человека из тех немногих, кого она вспоминает с удовольствием, но я ведь пришел не для обмена комплиментами, у меня какое-то очень срочное дело, и она поняла по голосу, что я горю, — так мне необходимо кого-то срочно раскрутить…

Умница! Она облегчила мое положение.

— Дело не в раскрутке, появилось в самом деле что-то очень свеженькое, не избитое. Все девчонки как одна с улицы, отцы-алкаши, работяги. Выросли на дворе. Чердаки, подвалы… Взяли и запели вдруг.

— Постой, постой, что-то такое уже было. Хулиганы из одного города тоже запели. Я немного брезгливо к этому отношусь.

— Но это совсем другой случай. Это же девчонки. Никакие не хулиганки, а обычные, дворовые, к тому же московские, коренные… — я буквально захлебывался и заговорил едва ли не стихами, — уж поверь, что они не хуже, а получше Распутина, которого ты постоянно даешь в своих передачах.

— Я знаю, что ты готов съесть его, не знаю, правда, за что, да и меня это не интересует, — она так на меня глянула, что я сразу же понял — этот юный негодяй ей о чем-то натрепался, — но это

учет пожеланий молодежи. Нас забрасывают письмами. О твоих девчонках пока ни одного письма.

— Будет, и не столько, а в миллион раз больше. Поверь мне. А пока никто не видел и не слышал, откуда быть письмам?

Она рассмеялась:

— Никогда еще не видела тебя таким заинтересованным. Давай, давай, раскрывай карты!

Я пододвинулся к ней поближе. Хвостом вертеть больше не приходится. Мы в самом деле знаем друг друга очень давно.

— Послушай, Женечка, я хоть и похож на вяленую воблу, но уж очень просоленную, без литра пива на зуб не возьмешь, мне надоело считать копейки в кармане. Я хочу пожить чуть поспокойнее, без этих идиотских забот. А тут, поверь, есть шанс, и не только для меня.

— Хорошо, хорошо, вот об этом здесь не надо, за нами смотрят и на нас, поверь, столько лишнего вешают, что оторопь берет, а я ничего, кроме расплывчатых обещаний, в своей жизни не слышала. Поможешь кому-нибудь, в крайнем случае пробурчат «спасибо!» и адью на этом, долгое прощай… Ну да ладно. Посмотрим, как ты изменился за эти годы. Не думаю, чтобы в худшую сторону. Тем более, мне от тебя, кроме внимания, ничего не надо. Значит, так… Тебе, то есть, им нужен эфир на завтра…

— Только на завтра, иначе все рушится.

Она задумалась лишь на мгновение:

— У нас есть буквально несколько минут. Все склепано до последнего. Где фонограмма и есть ли она вообще?

— А как же, Женечка, — у меня начала кружиться голова: неужели полный порядок? — Внизу ждет директор группы. У него все при себе.

— Тащи ее сюда, к тому же немедленно, вместе с директором группы. Мне надо все показать главному, чтобы потом не было идиотских разговоров. Он у нас недавно, мы быстро нашли общий язык, и мне не хочется терять его на пустяках.

Она позвонила в бюро пропусков, назвала фамилию Жеки, а я вовсю мчался вниз.

Жека вытаращил на меня глаза:

— Чего так долго?! Да за это время….

— Повзрослеешь, мальчик, и многое поймешь. Спешить надо только в конкретных случаях. Думаю, ты их знаешь.

— Как дела? — спросил он уже другим тоном.

— Не знаю, чем закончится. Пока все на мази. Но я, мне кажется, влип в одну историю…

— Какую?

— Об этом позже.

Мы влетели в кабинет Евгении Федоровны, я представил Жеку, уверенно обозвав его директором группы «Ах!». Склонившись, он поцеловал руку Евгении Федоровны. Ничего не скажешь, у него это артистично получалось.

Она сняла трубку желтого телефона. Диска на нем не было. Значит, прямой.

— Василий Емельянович, вы окончательно освободились? Очень хорошо. Я сейчас к вам зайду… — сказала она и повернулась к нам с Жекой: — Через несколько минут я приду за вами. Если он захочет прослушать фонограмму. Да, и разыщите срочно ваших девочек. Сегодня поздно вечером у нас небольшой прогон. Пускай ждут команды.

Она вышла.

— Молодчина! — сказал мне Жека. — Я уже ни во что не верил…

— Да ты не спеши. Дурная у тебя привычка.

Жека не обратил на мои слова никакого внимания, он счастливый человек, он уже верит, что завтра его подопечные выйдут в открытый эфир, а через некоторое время он загребет столько денег! Может, именно сейчас он их и подсчитывает в своем воспаленном мозгу. Но Жека вдруг зацокал языком:

— Какая женщина?! Будто только что с Запада. В возрасте, но какая знойная!

— Знойная, да и с Запада недавно, у нее сын в городишке Шелфиде проживает. Тесть у него миллионер, владелец фирмы. К тому же, миллионер не жадный, в отличие от тебя, — начал нести я всякую чушь, а сам подумал: а что, если сплавить ее Жеке? — Да и лет ей совсем немного. Я тебе скажу — здесь не пролетишь. В любом смысле. Живет одна, шикарная квартира на Неждановой.

У Жеки помутнели глаза от воображаемого. Но потом он покачал головой:

— Я таких боюсь. К ним не знаешь как подойти. Язык начинает неметь.

— Дурак ты, — сказал я. — Язык у него немеет. Конечно, если начнешь сразу тыкать в нос свою красную книжку с гербом и всякими там отделами «зет», то тут же вылетишь из квартиры пробкой, а если пораскинешь чуть-чуть мозгами — покайфуешь как следует.

У Жеки оживился взгляд:

— А у тебя с ней общий опыт?

— Это не важно. Ты, кстати, как новоиспеченный директор всемирно известной группы «Ах!», не выбросил вон свое красное удостоверение?

Жека замахал руками:

— Сам всегда говоришь, что не надо слишком спешить. Оно нам может еще пригодиться, поверь мне, да и вообще давай не касаться кое-каких вопросов. Я же тебя не всегда спрашиваю, где ты был, с кем встречался, зачем, почему…

Идиот! Он все-таки клинический больной. Сейчас начнет кочевряжиться передо мной и изображать из себя крупного агента секретной организации. Я бы сказал ему пару тепленьких слов, но тут вошла Евгения Федоровна и сказала, что нас ждет главный редактор. Имя Василий Емельянович мне ничего не говорило, но как только я вошел в его кабинет, более просторный, но менее уютный, чем у его замши, то сразу же узнал его, он несколько лет ошивался в секторе печати ЦК комсомола, он сидел рядом в одной комнате с нашим куратором, и мы с ходу друг друга узнали. Я подумал, что неплохо уходят эти комсомольские зайчики, посидят, попишут справки, сразу же забудут родные Мусохрански, становятся столичными жителями с отличными квартирами, а затем после отсидки получают должности, которые рядовым пахарям на этом самом телевидении и не снились.

Главный встал из-за стола, пошел мне навстречу, протянул руку и сказал:

— Давно мы не виделись. Зато я читаю и всегда своим говорю: ориентируйтесь на Чикина. Столько лет в музыке, и всегда все взвешено, расставлены акценты.

Я тоже не остался в долгу:

— Приятно, что простые, доступные люди появляются в таких высоких кабинетах. Когда мне Евгения Федоровна сказала, что вы возглавили редакцию, я искренне порадовался.

После этих слов Евгения Федоровна посмотрела на меня с особой теплотой.

— Я уже рассказала Василию Емельяновичу о сути вашей просьбы. Собственно, это даже и не просьба, я считаю, что это наше общее дело — открывать новые имена. И когда вместе…

— Именно вместе. Назавтра после передачи выйдет рецензия на нее, а также состоится уже газетное представление группы «Ах!», — не растерялся я и тут же дополнил ее.

Василий Емельянович сказал, что он не видит никаких проблем, в передаче всегда найдется небольшое окно, да и можно кого-нибудь потеснить, это не вопрос (после этих слов я тут же представил его в кабинете ЦК со словами: «Нет вопросов!»).

— А сейчас давайте послушаем ваших девочек. Очень интересно присутствовать при рождении новых талантов.

Евгения Федоровна поставила фонограмму. Все принялись внимательно слушать. Я внимательно следил за выражением лиц. Евгения Федоровна вся в напряженном волнении, ее руки делают

в такт какие-то движения. На нее внимательно поглядывают главный и, конечно же, Жека. Я замечаю, как у него начинают подрагивать скулы на щеках. Да, сейчас от нее зависит слишком многое, но я уверен, что все будет в порядке, композитор привел эти песенки в норму, записаны они тоже качественно. Главный тоже внимательно изучает выражение лица Евгении Федоровны. Ясно, что до нее он и слова не скажет, где ему судить даже о такой музыке — типичный комсомольский выдвиженец, скорее всего какой-нибудь специалист народного хозяйства, а она все же профессионал, к тому же выросла в семье известных московских музыкантов. В попсе уж она разберется запросто, да к тому же столько всего наслушалась за всю свою жизнь. Мне кажется, я сам себя начинаю успокаивать, а на самом деле смотрю на нее с неменьшим напряжением, чем Жека. Закончилась вторая песня, пошла третья. Евгения Федоровна впервые покачала головой, произнесла ожидаемое: «Что ж, очень даже неплохо. Во всяком случае, выгодно отличается от всего, что я слушала за последнее время…» Он тут же поддержал ее: «Мне тоже понравилось. Никаких сомнений, надо давать. Тащите своих девчонок на прогон». Евгения Федоровна сказала обмякшему от свалившегося на него счастья Жеке, что сейчас они выяснят график прогона, Жека тут же доложил, что девочки на месте, они ждут его команды, а я добавил, что впечатление у Василия Емельяновича и Евгении Федоровны еще более укрепится, когда они увидят группу «Ах!».

— Дай бог, чтобы все мы ахнули, — заключила Евгения Федоровна, когда мы выходили от главного.

У режиссера она узнала время прогона, на всю команду заказали пропуска. Жека должен был отвечать за явку. Я сказал, чтобы он шел вниз и ждал меня в машине.

— Я очень быстро, — сказал я ему.

Он вышел.

— Большое спасибо. Я твой должник, — сказал я. — А этот комсомольский болван смотрит тебе в рот.

— А кому же ему еще смотреть? Нас постоянно хвалят на коллегии. Говорят, что в редакцию пришел молодой талантливый организатор. Мне кажется, ему должно нравиться смотреть мне в рот. Он ничего без меня не решает и не хочет решать.

— Ты опасная женщина, — сказал я. Надо бы еще что-нибудь сказать перед уходом. И я ляпнул: — А когда вам можно позвонить?

Она встрепенулась:

— А по какому поводу? Мы все уже решили. Завтра твои девочки будут на экране. Хорошо пройдут — появятся еще. Не

очень хорошо — все будет зависеть от твоей просьбы.

— Еще раз спасибо. Ты здорово меня выручила.

— А позвонить можешь сегодня вечером. Я дома одна, приготовлю ужин.

И внимательно посмотрела на меня. Не очень ли ошарашили меня ее слова.

— С радостью, — сказал я. — Но, извини, я забыл номер телефона.

Она протянула мне визитку.

— Вот так приятно иногда заканчиваются деловые разговоры. Но очень редко, — заметила она у самого порога.

Внизу Жека уже прыгал у «БМВ».

— Как ты долго! Я ведь спешу. Сам знаешь куда. Мне надо еще привести их в божеский вид.

— У тебя очень много забот, — вздохнул я. Все-таки он неисправим, — мог бы, кстати, хотя бы пожать товарищу руку. Можно считать, что дело сделано.

— Извини, я перенервничал. Я шел сюда и ни во что не верил, — врал Жека, сам же, я уверен, был абсолютно спокоен. Мандраж начался у него в самый решительный момент — во время прослушивания.

— Теперь давай о планах… Сегодня ты до конца работаешь с ними. Я сейчас дую в контору, ясно, что на твоих колесах, сдаю материал и анонс на первую полосу. Все выйдет послезавтра. Представляешь, сразу после передачи…

— Здорово ты все разработал. Хорошо, что я нашел тебя в этой мрачной жизни, — сказал Жека и тут же насупился:

— Постой, постой, а как же прогон? Я хочу быть там с тобой вместе.

— Лучше бы ты был на моем месте, а я на прогоне. Но на моем месте ты быть не можешь, а я не могу быть на прогоне. Не могу быть в любом случае…

Жека чуть не вырвал руль, так он в него вцепился, и на меня глянул как на сумасшедшего.

— Ничего не понимаю, ровным счетом ничего;

— Дело в том, что я должен быть сегодня в гостях у этой бабушки, — я чеканил слова, — или, может быть, мне отказаться от приглашения и завтра по телевизору мы увидим с тобой дулю?

— Все понял, все понял, — повторил несколько раз Жека, — это в самом деле очень важно. Но только, она совсем не бабушка совсем даже ничего… Но насчет прогона….

— Светиться мне там нельзя. Ты директор, тебе и бог велел. С тобой, кстати, заключили договор в этом центре?

— Не позже чем завтра, или, в крайнем случае, послезавтра.

Я был мрачен. Дело сделано, а дальнейший день не сулит ничего приятного. Жека, видимо, уловил мое состояние.

— Ты сходишь в гости как белый человек, — сказал он. — У меня кое-что припасено в багажнике. Именно для твоего похода.

— А что у тебя есть? — у меня проснулся интерес к жизни.

— Ты слышал, что в Москве итальянская сельхозвыставка?

— Кто-то из наших был на открытии, — сказал я и попытался вспомнить, кто. Но так и не вспомнил.

Жека вырулил на улицу «Правды». До конторы рукой подать.

— Но тебе от этого ни холодно ни жарко, так ведь?

— Абсолютно.

— А мой дружок там побывал и зарядил меня как следует. Представляешь, представился замминистра сельского хозяйства Украины, итальяшки давай ему наливать, а потом вручать образцы продукции. Ночью вызванивают меня, выходи, говорят, едем за тобой. Я выбежал в два часа ночи на улицу, они сидят в машине разобранные вконец, тащат меня с собой, а машина вся загружена водкой, коньяком, шампанским. Я ехать отказался и выманил у них с огромным трудом коробку «Чинзано». Двенадцать штук. Шесть твоих.

— Восемь, — сказал я жестко. — Две в редакции оприходую с ответственным, а шесть поедут на улицу Неждановой, тебе хватит четырех. Если что, так Вика поможет.

— Она, кстати, звонила, когда, спрашивает, материал выйдет?

— И что ты сказал?

— Сказал, что все готово.

— Ты не ошибся. Через неделю может прочесть, я почти все закончил, дам в музыкальной подборке.

Я сбегал в контору, взял дипломат, быстро вернулся к Жеке и загрузился так, что рука начала отваливаться. Да, сегодня английская дама будет довольна, я приду к ней, как настоящий джентльмен. Да и вечер пройдет мило, во всяком случае я смогу напиться (количество «Чинзано» позволяет) и преспокойно улечься спать или удалиться восвояси.

Я примчался в машбюро, снял материал о группе «Ах!» и быстро продиктовал анонс на первую полосу. В нем говорилось, что произошло важное событие, центральное телевидение открыло наконец-то для всех нас группу, о которой давно уже шумят в Москве, группа называется «Ах!», в вечер премьеры у экранов телевизоров ахнуло все взрослое и более того, невзрослое население страны, наша редакция буквально трещит от неумолкаемых телефонных звонков, получены сотни телеграмм с просьбой рассказать об этой группе, мы сегодня это и

делаем, а также оставляем адрес, по которому можно будет связаться с группой московских девчонок и задать им все необходимые вопросы. Указал я также телефон молодежного центра, при котором создана группа «Ах!». Такого фокуса я еще ни с кем и никогда не выкидывал. Я пошел к ответственному, выложил перед ним все на стол, он спросил, когда прочел анонс:

— А ты не ошалел, Юраня?

— Не понял.

— Так ведь передача только завтра, а ты уже пишешь о сотнях телеграмм, звонков в редакцию…

— Я моделирую события, предвижу их. Не будет звонков — мы снимем фразу, не будет телеграмм — снимем анонс. Я же о родном секретариате забочусь. Я отвечаю тебе, что группа забойная.

— Ну, раз так… — он махнул рукой и ткнул пальцем в полосу: — Твой материал идет здесь, а снимок дадим на первой, рядом с анонсом. Извини, еще не знаю, на каком месте.

— Место не имеет значения, главное — поставь, — я наклонился к нему: — А теперь зайди.

Не успел я рассовать бутылки, как Володька уже стоял под дверью.

— Сейчас, сейчас, — я впопыхах сунул несколько бутылок в ящик стола и открыл дверь.

Он вошел и повел носом по сторонам, сказал, что сегодня страшно трещит башка, явился из ЦК главный и сразу же устроил разнос, они там вроде бы накачки не дают, силы и возможности уже не те, но намекнули, что пока еще смогут предложить какую-нибудь другую должность, на которой он будет вести себя и поспокойнее и поприличнее. Ему сразу же не понравились макеты, сказал, что секретариат — это скопище ползающих полудохлых мух.

— Испугался? — спросил я.

— Да нет, наоборот, стал орать, что мы превращаемся в мещанский листок, нужны забойные материалы, черт с ними, пускай угрожают, ничего сделать уже не смогут, их время ушло.

Я поставил на стол «Чинзано» со словами:

— И время ушло, и люди сменились, а все по-прежнему. И у нас с тобой точно так же, как и у них. Полное постоянство.

Он на эти слова не среагировал, спросил:

— А закуска? Ничего сегодня не ел, голова кружится.

— Вот этого, извини, нет. Там, где я был, не выдают.

Он быстренько сбегал и принес несколько бутербродов.

Мы опрокинули по стакану, и я почувствовал, как моментально пьянею.

— Послушай, Володь, а ведь у меня тоже сегодня пустое брюхо. Ждёт, правда, одна с ужином, но «Чинзано», я думаю, не повредит.

— Это уж точно, поверь мне. У меня был как-то случай. Одна компания пригласила на один престижный кинофестиваль. Условия сказочные, номер — высший пилотаж, каждый день банкеты, приемы. Я там и надыбал одну, не очень чтобы красивую датчанку, надрались мы «Чинзано» и потом такой фейерверк устроили, что самому теперь не верится. Сегодня ты сможешь проверить…

Я вздохнул:

— Но она не датчаночка, а красивой была много лет назад.

Он рассмеялся:

— Тогда надо еще… Чтобы взгляд твой смазать. Лет этак на десять.

Я хотел сказать, что он низко берет, но не стал, а налил ему еще стакан и себе соответственно, мы выпили. Я выдал ответственному еще две бутылки, он чуть не упал от неожиданности, сказал, что мой анонс даже не снимет самая главная информация «оттуда», и исчез, обеспечив меня дежурной машиной. Хорошо, что есть такие люди. Я еду к тебе, моя давняя любовь! Мне плевать на твой полтинник (или даже больше), подстегивает «Чинзано», от него закипает кровь и появляются мысли о том, что Жека в самом деле прав, приходит время, подсчитывать бабки!

По дороге я купил цветы и предстал перед ней вполне респектабельным кавалером. Выставил на уже сервированный стол пять бутылок «Чинзано», сказал, что никакого перерыва у нас не было, вообще, как он мог быть если тогда, в Ялте я полностью потерял от нее голову, и сейчас почувствовал ТО же самое. Я видел, что мои слова радуют ее, хотя, конечно же, она не верит ни одному из них, но ничего, таковы правила игры, и она тоже вступает в игру, говорит, что сегодня волновалась, словно перед первым в жизни свиданием. Я едва не расхохотался, но вспомнил, что и в самом деле свидания для женщин ее возраста не менее ценные, чем те, самые первые, которые уже и вспоминать невозможно. Мы выпили, стали закусывать какими-то умопомрачительными салатами, я осмотрелся по сторонам и понял, что она живет неплохо и сама по себе — везде, буквально в каждом углу натыкано всего фирменного: начиная от видеосистемы, музыкального центра, заканчивая тяжелой бархатной шторой с изображением биг-бена. Она тоже, как может, крутится в своем телевизионном муравейнике. Я пододвинулся к ней поближе, запустил руку под вечернее платье и вздрогнул:

какая у нее гладкая кожа.

— Не спеши, — сказала она, — мы все еще успеем. А сейчас я хочу выпить за случай, который нас свел. Кстати, о случае…

Она отодвинулась от меня, предварительно отпив из бокала, набрала номер телефона, спросила:

— Вадим, как идет прогон?

Что-то долго выслушивала, наконец сказала:

— Хорошо. Продолжайте…

Повернулась ко мне:

— От твоих девчонок все без ума.

После таких слов я не мог не наброситься на нее.

— Ладно, ладно, так и быть, мы сделаем в нашей трапезе перерыв.

6 Вика Ермолина

Он измучил меня вконец, Кому-то сказать страшно — запись одной песни целых три дня. На улице жара, в коридорах студии кого только ни встретишь — известных, малоизвестных и, конечно же, всякую шушеру. Идет гастрольный, чесовой сезон по стадионам, и у каждого есть шанс неплохо прокатиться. Тусовки то делятся на части, то обновляются, все куда-то мчатся, стараясь не упустить ни одного дня, все знают, что кончится лето и заработать столько, сколько сейчас, не представится возможным. Я тоже выскакивала несколько раз на гастроли, но с очень средними командами, на которые народ и на пляже не особенно-то загонишь. Мишель смеялся и говорил, что он не понимает меня, зачем мне все это надо, я ведь могу жить и так спокойно, не гоняясь за нашими советскими рублями, которые годятся разве что на замену обоев. Он не понимает, что я живу не только сегодняшним днем, мне нужно думать о своем будущем, вот возьмет он и смотается в Бельгию к своей жене и деткам (при нем-то я не говорю об остальных), а я останусь ни с чем, и даже деревянные деньги станут для меня недостижимыми, если я сама о себе не позабочусь.

— Хорошо, хорошо, станешь известной, я сделаю для тебя гастроли по всей Западной Европе, — говорит Мишель, — мой друг — крупный продюсер, он тёбе поможет.

Вот это уже другой разговор, на это я и рассчитываю, поэтому я не отдыхаю где-нибудь в сочинской «Жемчужине», а парюсь в ожидании приличной тусовки или записываюсь.

— Послушай, я больше не могу. В час по одному слову. Я падаю в обморок, — говорю я композитору. У него вид невменяемого человека, он готов добить и меня, и себя до ручки. Еще бы! Вместо пяти штук за эту песню я принесла ему пятьсот зелененьких. Он чуть не рухнул, руки у него затряслись. Конечно, соотношение один к десяти по сегодняшним меркам просто фантастическое. На черном рынке минимум двадцать рублей за один доллар, а в скором времени, говорят, доползет до 30–40, и точно доползет, в чем-чем, а в этом никто из знающих людей не сомневается. Поэтому все и припрятывают свои баки, ждут лучших времен, а тут такой подарок — пятьсот вместо пяти тысяч.

— Ты у меня молодчина, — сказал композитор, — ты у меня так запоешь, что сама Алла Борисовна заплачет. Я для тебя приготовил одну штучку. Она взорвет страну.

Дрожащими руками он спрятал свой невиданный гонорар, и

началось… Я уже начала жалеть, что отдала ему эти деньги, обошелся бы нашими, отечественными, и я не была бы сейчас в полуобморочном состоянии, когда мне наплевать на будущий шлягер и на себя.

— Ладно, передохни, я и сам готов, — сказал он.

И действительно — его морда уменьшилась чуть ли не вдвое. Что делают деньги с людьми?!

Я вышла в бар, заказала себе несколько чашек кофе. И тут ко мне подскочила Инка Земскова, она здесь тусуется давно, еще раньше, чем я, ее тоже взяли в штат студии, она уже гастролирует третий год, пробилась на два конкурса, но пролетела, силенок оказалось мало, глупая, разве можно лезть на конкурсы без массированной подготовки, вот я, например, не тороплюсь; я поеду, когда буду знать, что выиграю.

Я угостила ее сигареткой, спросила, как дела. Инка сказала, что вернулась только что с гастролей, теперь она в группе «Океан», конечно, компашка почти не раскручена, но принимают очень хорошо, сборы отличные, они прилично подзаработали. На студии ими довольны и днями организуют гастроли по Прибалтике, а это, я сама должна понимать — дело хорошее.

— Но все это ерунда, — сказала она, попросив еще одну сигарету, — пока мы здесь потеем, некоторые очень круто себя ведут.

— Кто именно?

— Да есть тут. Из грязи прямо в князи…. Ты позавчера одну передачку вечером не смотрела? Я стала вспоминать, где я была позавчера. Ах да, мы провели вечер с Мишелем. Сперва поужинали в Архангельском, а потом приехали ко мне. Обычно я смотрю. все музыкальные передачи, но в этот раз было не до того. Мишель не видел меня несколько дней, он был неутомим…

— Нет, родная, не смотрела…

— А жаль. Вытащили какую-то дворовую группку из прыщавых девчонок, смотреть не на что, устроили настоящий бум, дали им целых три песни, а через день читаю в газете. Кстати, сегодняшняя.

Она вытащила из сумки газетку и протянула ее мне.

— Оказывается, и переворот, и сенсация, и что хочешь! — комментировала Инка. — Тысячи телеграмм, звонков. И все на первой полосе рядом с визитом Буша.

Я бегло пробежала статью, посмотрела на фотографию девчонок — в самом деле, кости и прыщи. И вдруг меня словно током по всему телу сквозануло. Я глянула на подпись под статьей — Юрий Чикин. И тут я вспомнила их пьяный с Жекой бред насчет крупного бизнеса и насчет того, что меня они могут

пристроить в какую-то группку ведущей солисткой, целый вечер об этом только и трепались, пили, жрали на мои кровные, и вот результат, любуйся Вика и будь счастлива. Полная раскрутка тебе устроена.

У меня, видимо, так перекосило лицо, что Инка вздрогнула:

— Что с тобой?

— Маразм какой-то… Вот так они и делают звезд. А ты копи бабки, сама записывай песни и паши, как черная лошадь, всю жизнь.

Я швырнула ей пачку фирменных сигарет, а сама пошла звонить. Где эти козлы несчастные, мелкие жулики и трепачи?! Я нарвалась на Жеку. Голосок у него взволнованный, он очень торопится, много дел.

— Подожди, подожди торопиться, — говорю я ему. — Иногда ты готов вою ночь на часы не смотреть.

Тут он приуспокоился, сказал, что слушает меня внимательно.

— Так вот, слушай, — очень спокойно сказала я. — Я тебе когда-то внятно сказала, что вы от меня никуда не денетесь, неужели не ясно?! Мы с тобой давно знакомы, еще по «Космосу», когда ты с девчонок деньжата сшибал, книжку свою красную внос тыкал…

— Постой, постой, не надо по телефону, — пролепетал он.

— Давай спокойно. Если хочешь, я сейчас подъеду, где ты?

— Неважно. Когда будет статья?

— Вот так бы сразу, а то я не понял, в чем дело…

— Мне плевать на ваш с этим Чикой бизнес, но себя надувать не позволю.

— А кто тебя надувает, Вика?! Ровно через три дня статья будет в номере. Сегодня у нас что?

— Вторник.

— Значит, в пятницу покупай газетку. Я чуток успокоилась.

— А фото идет?

— Твой самый лучший снимок. Видишь, все очень хорошо. Чика и на телевидении договорился. Клип скоро выйдет.

— Когда?.

— Мы увидимся, я надеюсь, в день выхода статьи, и ты сама его обо всем спросишь. — Черт с вами, это уже куда ни шло.

— До встречи, Вика, в пятницу жду звонка. Адью!

Я вернулась в бар. Инка сидела за столиком и покуривала.

— Я только сейчас заметила, что у тебя новый наряд. Офигеть можно, какой шикарный!

— Спасибо, сегодня только из посылки достали, — сказала я.

— Вообще ты преуспеваешь. Так одеваться в наше время, да и

это, — она показала на мочки ушей.

Что и говорить, брилики Мишель подарил отменные. Это не наше исполнение.

— Трудно, Инночка, трудно. Во всем себе отказываешь, пашешь на этих концертах. А они не всегда такие, как нам нужны.

— А я-то, дура, думала, что любовник богатый. Я рассмеялась:

— А где взять такого? Сейчас такие, что сами не прочь поживиться. Как здесь, у нас. Поволокут спать, а потом бабки выкладывай — за студию, за запись…

— Да, уж здесь-то полное фуфло, — подтвердила Инка.

И тут объявили: «Ермолина вызывается в студию!»

Я попрощалась с Инкой и подумала, что она мне все же не поверила, в нашей среде много болтают, да и Москва в принципе — большая деревня. Могли меня видеть с кем угодно, е тем же Мишелем. Или Жека… Он-то ясно представляет, откуда и за что ношу я ему виски, сигареты, закуску. Собственно, мне плевать, пускай полощут мое имя как хотят, на самих клейма негде ставить.

Я прибежала в студию, Влад на меня вызверился, сказал что у него сегодня еще ночная запись, наутро ему придется глотать таблетки и бежать к своему кардиологу. Он снова начал пытать меня, точно посадив под капающую воду. Капля кап — есть одна фраза, но она не такая, она совсем не подходит, я полная, конечно же, идиотка — не понимаю его музыку, а ведь. он старался и писал ее для меня, отбросив все остальное, даже очень ответственные заказы, все надо повторить, капля кап — снова не то, ну, осталось же совсем немного, капля кап — готово, можно начинать следующую фразу, но необходимо сделать все так, чтобы она сразу же зацепилась за первую, тогда уж будет полный порядок, я ведь умненькая, талантливая, из меня еще такое получится, если я буду послушненькой. И так бесконечно, и так почти до поздней ночи. Наконец-то все закончено, он снимает наушники, а я буквально падаю в кресло.

— Славно поработали, — говорит он и достает бутылку. Мы делаем по несколько глотков прямо из горла.

Фу, я начинаю отходить. Влад работает, конечно, как зверь, чтобы попасть именно к нему, надо преодолеть немало ступенек. Деньги еще не все (правда, такие, как мои, — вне конкурса), он должен быть уверен, что его клиент по крайней мере не безнадежно бездарен. Мы отпиваем еще по несколько глотков.

— Что ж, можно и послушать, — говорит он и испытующе на меня смотрит, — я думаю, что ты будешь удивлена.

— Мне страшно, — говорю я. — Сама не знаю почему. Это в

первый раз.

— А я тебе скажу, почему. У нас впервые появилось такое…

— Ладно, давай, — соглашаюсь я.

Он включает запись. Уже с первой минуты у меня мурашки бегут по коже. Неужели это пою я, просто такого не может быть. Вот бы сейчас услыхали эти дуры в воронежском муз-училище, где на меня смотрели как на свихнутую! Я подбегаю к Владу и начинаю его целовать.

— А я говорил тебе — терпи девочка, терпи до самого последнего, если хочешь результата, работать нужно только так, а не иначе. Ты сейчас с этой песенкой пойдешь, все прочие окажутся далеко позади. Ты уничтожишь их, молодых и старых, одной только песней. Но это начало, поверь мне…

Мы дослушиваем песню, хлебаем из горла и говорим друг другу приятные слова. В самом деле, это на сегодняшний день шлягер. Влад доказал мне, а теперь докажет другим, что он не совсем еще утонул в бутылке; когда он заводится, как зверь, у него получается настоящее. Я прощаю ему, что он брал у меня деньги за записанные песни, а потом тянул к себе в постель, заставлял напиваться вместе с собой и выслушивать длиннющие речи о собственной гениальности и никчемности всех остальных, кто уже начал разуверяться в нем, а он сегодня делает ставку на молодых, правильно делает, пройдет немного времени — и от стариков ничего не останется, их ждет сто рублей за концерт перед престарелыми тетками. Мы дослушали песню, еще немного выпили, я заметила, что у Влада изможденное, испещренное густой сеткой морщин лицо.

— Может, тебе на сегодня хватит работать, — сказала я, — поехали куда-нибудь посидим в приличное место, отметим наш первый большой успех.

Он на меня вызверился:

— Да ты что, сейчас придет Распутин! У нас с ним в запасе одна ночь. Не знаю, как я выдержу все…

И тут в студии раздался звонок. Влад открыл дверь. На пороге стоял Распутин, он протянул Владу руку, сказал:

— Начинаем?

Меня словно не замечал.

— Познакомься, это Вика Ермолина. Мы только что замечательно поработали.

— Я вижу, — сказал Распутин и ткнул пальцем в почти опорожненную бутылку, — ты все-таки неисправим.

— Но это такая песня! — будто оправдываясь, сказал Влад.

— Я рад за нее, — он на меня так ни разу и не глянул. Ну и пижон!

— Послушай, Влад, я тебе дозванивался весь день. Мне срочно нужен человек в поездку. Кречет захандрил, у Масловского отец в больнице. Все летит… Сорок концертов, по три-четыре в день… Двоих я нашел. Более-менее… Нужен еще кто-то. Сам я не вытяну два часа.

Влад на мгновение задумался.

— Однажды я тебя выручил одной девушкой.

— Только не она. Поет, 3 микрофон в километре держит, да и таких, извини, рядом со мной ставить…

— Согласен, согласен, но у тебя был пожар, и я просто помог его тушить.

И тут Влада будто осенило:

— А чего, собственно, мы гадаем? Бери Вику. У нее пять песен, а последняя просто отвальная.

— Кто написал?

— Личное.

Распутин впервые мне улыбнулся, сказал:

— Поздравляю. Он даже для меня не всегда пишет.

— Так ты берешь ее или нет? — спросил Влад и с сожалением глянул на бутылку. Теперь ему уже вряд ли придется от нее отпить.

— Конечно, беру. Для меня твоя рекомендация… Ты сам знаешь…

Я не верила в происходящее. Я буду петь с «Супером». Ломящиеся стадионы, толпы фанатов, и я на сцене.

— Может, прослушаете песню? — спросила я у Распутина. Он вскинул брови:

— А это зачем? Послезавтра в 22.00 у выхода на перрон на Белорусском вокзале. Только без опозданий и без фокусов. Я этого не люблю. И никаких вычурных нарядов. Майка, джинсы, что-то в этом роде. Условия — стольник за концерт. Договорились?

Я едва разжала челюсти:

— Договорились…

Влад смотрел на меня пьяными, радостными глазами. Он понимал, что для меня означает появиться в такой компании. А тут еще газета, да еще чуть ли не в день начала гастролей.

Я примчалась домой начала названивать всем знакомым. Кого заставала на месте, тут же нагружала информацией: газета, новая песня, гастроли с «Супером». Потом позвонила домой.

— Мама, ты не представляешь, какую песню я записала! Композитор сказал, что ему ничего подобного не удавалось…

— Ты когда приедешь домой?

— Как и обещала. Сейчас непредвиденные гастроли, ты не

представляешь, с кем… Самая популярная группа страны. И еще газета. Читайте статью в пятницу…

— Я поздравляю тебя, — сказала мама.

Потом раздался звонок от давнего клиента. Несчастный итальяшка, извини, ради бога, но сегодня мы никак не можем встретиться, этот вечер не для тебя, я не могу сегодня работать, я имею право немного порадоваться. Если честно, то первый раз за долгое время. Я сказала ему, что послезавтра уезжаю = на гастроли, пускай он не обижается, у меня ночная запись на телевидении, я приеду и сразу ему позвоню, пускай только он не бросается на первых встречных. Потом я набрала номер Мишеля, он сказал, что никак не может пробиться ко мне. Телефон то молчит, то все время занят.

— Меня это беспокоит, — с напускной обидой в голосе сказал он.

— Чудак. Просто в эти дни я становлюсь очень известной. Но у меня не совсем приятная новость для тебя.

— Какая?

— Послезавтра я уезжаю на гастроли. С нашей известной группой. Ты еще говорил, что тебе нравятся их песня «Супер».

— Тогда мы должны увидеться сегодня, — сказал он.

— Посмотри на часы. Скоро двенадцать. Мне надо выспаться как следует. Завтра я тебя жду.

Все, хватит, надо немного успокоиться, лучше всего принять душ, выпить горячего молока. Ах, еще Жека… Я должна позвонить ёму обязательно. Набрала номер, Жека едва ворочал языком. Неужто снова пьян? Нет, он очень устал и уже улегся. Бедняжка!

— Я сегодня записала такую песню!

— Я тебя поздравляю… — безразлично пробубнил Жека.

— Послезавтра я уезжаю на гастроли…

Я чуть не ляпнула, с кем. Вспомнила вовремя, как Чика поливал на Распутина, да и некоторые его статьи, о которых потом долго шумели.

— С кем?

— С одной отпадной командой.

— Так мы же встречаемся с Чикой.

— Я уезжаю вечером.

— Очень хорошо, я утром тебе позвоню и мы условимся.

— Спокойной ночи, Жека.

— И тебе советую поспать сегодня, — сказал он с фальшивой ноткой в голосе.

Козел несчастный. Не может не уколоть. Ладно, мы еще с тобой поговорим. Впрочем, я подумала о нем без злобы, как-то

машинально. Ясно, что мелкий щипала, но свое дело делает, и на этом спасибо, а улучшится момент — будет послан очень далеко!

Я приняла душ, выпила горячего молока с шоколадом и будто провалилась в бездну. Назавтра я была как заведенная. Сделала массаж и прическу, после обеда побывала у Влада, который торжественно вручил мне, как он сам выразился, «высококачественную фанеру», все пять песен, почти целое отделение концерта. Еще он; взглянув на меня внимательно, сказал:

— Держи себя независимо, но и не наглей. Леха этого не любит, ну и, конечно, выполняй всякую команду, что касается концерта. Никаких возражений. Тут он полный хозяин.

Видно, до Влада дошло, что, гастролируя с несколькими группами, я посылала их руководителей очень далеко, ничего из себя не представляют, самоделки самоделками, а туда же — дают советы, учат, как держать себя на сцене, как обращаться к зрителю. Тут — Влад прав — совсем другой вариант. Я поблагодарила его за советы и спросила:

— Как он вчера записался?

— Распутин? Представь себе, отлично, становится настоящим профессионалом. Да и нервишки подокрепли…

Представь себе, я и ему написал его лучшую на сегодняшний день песню. Сама услышишь.

Я собралась уходить, посоветовала Владу, чтобы он ехал отдыхать, вид у него ужасный, бабки бабками, но нельзя так много работать, еще никому они не понадобились на том свете. Ну и, конечно, я не выдержала, сказала Владу, чтобы завтра он купил молодежку.

— Я ее выписываю, — сказал Влад, — и даже, представь, иногда читаю.

— Читай особенно внимательно, — сказала я, — там ты прочтешь обо мне.

— Я не сомневался, что ты пробьешься, вспомни, с самого начала… А о себе я найду парочку слов?

— Читай и готовь новую песню, — сказала я.

Дома я принялась готовить свой гардероб. Майка и джинсы, как сказал Распутин? Ладно, майка от Диора. А джинсы? Пожалуй, вот эти подойдут. В «совке» Такого фасона еще не видели. Туфли? Последний подарок Мишеля. Еще несколько платьев, костюмов, так сказать, не для сцены, пускай мальчики-сироты офигеют. Мой вариант — далеко не бурда-моден с ее фасончиками для домохозяек, у меня все классом повыше, такое могут себе позволить верхние дамочки и там, где, казалось бы, все доступно. Из украшений ничего дорогого, никаких бриликов.

Гостиницы, переезды. А мне все это не очень легко достается. К вечеру я была уже в разобранном состоянии, как следует выспалась и позвонила Мишелю, он сказал, чтобы я через полчаса была готова, поедем куда-нибудь поужинаем, а потом вернемся ко мне. Что ж, программа обычная, я к ней настолько привыкла, что она начала мне приедаться.

Когда я села в «Вольво» и чмокнула Мишеля в щеку, он вдруг начал говорить о том, что в последнее время его отношения с женой совсем расстроились, он понимает, что она за время его частых отъездов, длительного отсутствия не может быть одна, она очень видная и страстная женщина, все закономерно, но, вероятно, ее отношения с кем-то из любовников — он, во вся-ком случае, так полагает — зашли слишком далеко, она не может, или просто не хочет из них выбираться. Поэтому — он в этом почти уверен — она холодным тоном разговаривает. с ним; перестала спрашивать, почему он редко звонит.

Я пока еще не понимала, куда он клонит и не задавала никаких вопросов. Честно говоря, его личная жизнь меня никогда не интересовала, а в этот момент мне было целиком безразлично, какие там отношения складываются у него с женой. Голова была забита другим — хотя бы не слетела завтра статья из номера, хотя бы ничего не случилось. Я суну газетку этому пижону (не скрою, у него для этого много оснований) Распутину, пускай поймет, что подобрал не случайную, бесфамильную певичку, которых немало толчется в студии в ожидании мелких заработков. Кстати, сорок концертов — это четыре тысячи, неплохо за десять дней, мне надоело лазить в свой небольшой тайничок с валютой, мне не хочется, чтобы он пустел, иначе какой же смысл во всем, а с Распутиным можно прилично заработать и наших, деревянных, так сказать, на быстротекущее существование. Но Мишель не давал мне отвлечься от проблем — своих взаимоотношений с женой, он и в ресторане (мы заехали в «Берлин») продолжал размышлять вслух на эту тему, чем, признаться, начинал раздражать меня. Но вдруг его разговор приобрел совсем неожиданный для меня оттенок.

— Представь, что моя брюссельская красотка пошлет меня ко всем чертям, и я вдруг заговорю с тобой на одну очень тонкую, дёликатную тему дальнейшего продолжения наших отношений.

— Я с удовольствием продолжу ее, — сказала я и отбросила все другие мысли прочь.

Жаль, он был за рулем и ничего не пил, а сейчас тот самый момент, когда его языку неплохо бы побольше развязаться.

— Ты знаешь, мне здесь надоело, есть не хочется, пить в одиночку тоже. Поехали ко мне.

Он расплатился, и мы оказались в машине. Я делала вид, что меня совершенно не задели его слова, я говорила ему, что сейчас у меня он и послушает новую песню, ту самую, о которой я рассказала ему по телефону. Мишель улыбнулся мне одними глазами, он казался мне расстроенным из-за того, что я не поддержала очень важную для него тему, но ничего, мой милый, так будет лучше, я не хочу казаться назойливой, потом ты все как следует проанализируешь, и я покажусь тебе мелкой особой, с которой ни в коем случае нельзя планировать ничего серьезного. Не будем спешить, послушаем, что ты запоешь дальше, когда я выставлю на стол твой любимый армянский коньяк.

Оказавшись у меня, он сразу же сказал, что очень давно не был здесь, хотя и прошло всего несколько дней, но ему кажется, что миновала целая вечность. Он помогал мне накрывать на стол, был задумчив и по-прежнему слегка мрачен.

Я включила запись, он пил коньяк и внимательно слушал.

— У тебя в самом деле все будет хорошо, — сказал он. — Это очень хорошая песня, я кое-что начал понимать в вашей эстраде. Мне нравится, но я хочу, чтобы и у нас с тобой все тоже было хорошо.

Я подлила ему коньяку, но он отодвинул рюмку.

— Я понимаю, как у нас все начиналось, вполне отдаю себе отчет, я нисколько не могу тебя осуждать. Жить здесь… Бог мой, любой бы самый благочестивый пошел бы на все, чтобы немного вырваться из всего вашего ужаса. Да поставь мою жену в такие условия, она первой бы оказалась на панели, — он приблизился ко мне:- Извини, я что-то не о том. Если у меня дома все нарушится, а я уверен в этом, все почти уже произошло, я буду иметь серьезный разговор с тобой о нашем будущем…

Комната вдруг закачалась, как палуба прогулочного кораблика, когда мы плавали с ним у «Жемчужины» по Черному морю, с гор вырвались темные потоки облаков, море вспенилось, как бешеное, люди побледнели, а мне. было ужасно весело. Нет, многовато сразу для нескольких дней. Так можно с ума сойти..

Утром, еще не было семи, я подхватилась и бросилась — к газетному киоску, возле него стояла толпа, и каждый брал эту газету, или мне так казалось. В голове была полная сумятица от вчерашних разговоров с Мишелем, он никогда на эту тему даже не заводил разговоров, я от него такого и ждать не могла — и на тебе, вдруг… Я не знала, как к этому относиться, давно уже приучала себя не верить в воздушные замки. Получится так получится, можно будет курсировать между Москвой и Брюсселем, таких в Москве уже немало, они живут как бы в двух странах, успевают сыграть здесь спектакли и отужинать в Париже.

А пока для меня слишком много самых разных новостей, но вот эта из них (я наконец набрала целый ворох газет) самая приятная. Подвал на четвертой полосе, мое большое фото и заголовок так и бросился в глаза: «Дебют Виктории Ермолиной». Он понаписывал такого, от чего у нормального человека который вздумает пойти по моим стопам и стать певицей или певцом, голова пойдет кругом: девочка очень хотела петь, но никто не мог поверить, что у нее это получится, она все бросила, уехала в Москву и стала усиленно работать над собой, хотя для этого не было никаких условий — после работы воспитателем в рабочем общежитии ночами просиживала за фортепиано, писала песни, а потом тут жё проверяла их воздействие, исполняла перед пришедшими с работы парнями и девушками… Я глянула на подпись — С. Соколов. Ясно, псевдоним Чики. — Дальше сказка продолжалась — девушка, то есть я, продолжала трудиться, написала много песен и начала атаковать ими различные инстанции. Ее, как и водится, и слушать не хотели, но она была так настойчива… И вот уже прозвучали первые песни по радио, она стала выступать на различных концертах в Москве, ее приглашают с собой разные группы.

Особенно удачен ее контакт с известным композитором Владиславом Трояновским…. И еще много всего, и то, что на конкурсы я не спешу, вырабатываю свой стиль и почерк, и куски интервью со мной, и слова Трояновского, что ему встретилась певица, представляющая одновременно лед и пламень на сцене. Это очень редкое, почти небывалое сочетание.

Я прочла куски интервью Мишелю, он сказал, что сегодня должен был бы состояться настоящий праздник, очень жаль, что я уезжаю, а у него почти целый день продлится совещание в Госплане, но ничего, я скоро вернусь, у него будет для меня много новостей, самых разных и ни одной среди них неприятной. Вот тогда он соберет друзей со своей фирмы и мы отметим публикацию как следует. Я напоила его кофе, и Мишель умчался. Целый день я провела в легкой суете перед поездкой и прибыла на Белорусский вокзал за полчаса до назначенного времени. Чтобы не торчать на перроне, я прошлась по зданию вокзала, увидела нескольких девушек, явно высматривающих клиентов. По виду — только вчера приехали из подмосковных деревень, размалеваны так, будто вылили на себя ведра краски. Толкутся у буфета, попивают кофе, обмазывая губами стаканы. Несчастные, какой путь вам предстоит пройти?

Я развернула газету и еще раз пробежала статью. Все в порядке, все хорошо, но статья все же идиотская. Этот Чика все-таки мелкая тварь…

И тут я вспомнила, что не позвонила Жеке. Ему не нужны слова благодарности, я должна заплатить по таксе, она не велика и не очень по нашим временам мала. Они могут подумать, что я исчезла, забыв о главном.

Я бросилась к автоматам у входа в вокзал, набрала номер Жеки. С ходу сказала ему, что очень благодарна Чикину, он сделал все лучше, чем даже я могла подумать, все мои знакомые в полном восторге, но утром я никак не могла позвонить, пускай Жека не обижается, а сейчас я на вокзале, уезжаю на гастроли.

Жека рассвирепел, заорал на меня:

— Так не поступают, ты подвела нас, сама не подозреваешь, как. Мы влетели в один проект и сейчас на полном нуле, сидим и щелкаем зубами от ненависти к тебе…

Это прозвучало очень серьезно.

— Жека, пойми, я не могла позвонить… Мне сделали предложение, скоро, очень скоро я уеду отсюда навсегда. Такой стресс, ты не представляешь… Он очень богат, слишком богат для нашего восприятия, я вся вне себя.

Голос у Жеки стал мягче, он спросил:

— Это случилось сегодня?

— Что случилось?

— Ну, это предложение…

— Да.

— Вот видишь. Такое печатное слово о тебе. А ты… Ситуация в самом деле неприятная. Я лепила и дальше какую-то чушь, а потом вдруг нашла выход:

— Послушай, Жека. Завтра тебе позвонит моя приятельница. Она скажет, что я передала тебе долг. Ты подъедешь и заберешь деньги.

— Так это же полный порядок, — заорал Жека. По голосу только теперь я почувствовала, что они не очень-то на нуле, во всяком случае, Жека уже прилично принял. — Когда она позвонит?

— С самого утра.

— Вот и хорошо. Сегодня мы как-нибудь продержимся. Только пускай не подведет… А ты, когда смотаешься навсегда, не забывай нас с Юраней, мы, кстати, неплохие ребята, сможем тебе и там пригодиться.

— Ты напомни Юране (меня едва не стошнило от этого слова) о телевидении. Теперь, после статьи — самое время…

— Завтра после встречи с твоей подругой мы все решим. И по телевидению, и по многому другому. До скорой встречи!

Я позвонила своей массажистке. У нее были мои деньги на золото. Ей обещали достать кое-что оригинальное. Я сказала, что

все откладывается до моего приезда. Назвала телефон Жеки и попросила завтра позвонить ему и вручить энную сумму, когда он приедет. Сделать это необходимо во чтобы то ни стало. Она пообещала все исполнить, а я ей завтра позвоню в течение дня.

Я глянула на часы. До назначенного времени две минуты. Издалека я увидела молодых людей со спортивными сумками, музыкальными «расческами», еще какими-то ящиками. Я быстро подошла к ним и стала рядом. Какой-то молодой человек с азиатской внешностью в очках с золотой оправой (я видела точь-в-точь у одного человека) метался среди них и спрашивал:

— А где Мелентьев? Как всегда… Кто ему звонил, я спрашиваю, кто, у него все документы, гастрольное удостоверение… Выехал, куда выехал, на ком, в конце концов… Распутин меня убьет, прямо здесь, на вокзале, понадейся на идиотов, и сам окажешься в их компании.

Я стояла в сторонке и не произносила ни слова. Как говорится, из огня да в полымя.

— А где Распутин? — спросил главный крикун группы.

— Еще не было, — ответил молоденький мальчик, которого я сразу узнала по множеству фотографий в газетах. — Но он тоже выехал, я звонил ему домой.

— Слава богу, может, Мелентьев приедет раньше. Это мое спасение.

И тут он подошел ко мне. Спросил:

— Простите, девушка, а вы кто?

Я — это я, — мне захотелось плюнуть ему в толстую морду. Может, развернуться и уехать домой? Сегодня мне все позволено. Плевать я хотела на этих пацанов.

— Что значит: «Я — это я», а я — это я…, - начал он, но тут подкатила машина, которую в Москве знали многие — красный «Ниссан Патруль» Распутина. Это спасло меня от допроса, а незнакомца от оскорбления.

Распутин подошел к желтолицему и спросил:

— Все в порядке?

— Почти.

— Почему — почти?

— Поезд еще не ушел. Поэтому я еще не чувствую себя оставшимся в живых.

— Может, хватит тупых розыгрышей? В чем дело? Его, как я поняла, администратор или еще не знаю там кто, сказал:

— Нет Мелентьева. У него все.

Он зря это произнес. Распутин тут же бросился к нему и чуть не ударил. Но подошла машина и из нее почти выпал измочаленный господин лет этак двадцати.

— Смотрите, вот он! — закричал человек, знакомый мне по фотографиям. — Если ты еще хоть один раз опоздаешь, будешь жить улице! — прокричал Распутин. Его рука выпустила из удушающих;, объятий человека с раскосыми глазами. И тут же произнес:-; Быстро к вагонам.

Я начала понимать, что пройдет несколько мгновений, о и я останусь одна у входа на перрон. Я подбежала к Распутину.

— Добрый вечер, а вот и я, — сказала я ему.

— А, это вы? — он испытующе на меня посмотрел, как будто только увидел.

— Мы, кажется, сегодня должны уезжать? — спросила я поняла по его взгляду, что видит он меня впервые.

— С вами? — его глаза так смотрели на меня, что мне сделалось не по себе.

— Ничего не понимаю, — сказала я и собралась дать обратный ход. На кой фиг ты мне сдался, мальчик, я сейчас пойду к себе домой, отдохну. как следует, мне трижды наплевать на сумасбродную тусовку, и на тебя самого тоже. Я взяла свою сумку и собралась уже было уйти, как он вдруг закричал: — Автандил, прошу проводить даму в купе.

В его глазах заскакали черти, мне захотелось перекреститься, не зря я наслушалась о нем всякого.

— И размести с нормальными людьми.

Я пришла в себя в купе. Стояла удушающая жара. Настроение — паршивейшее. Хоть ты возьми и выйди из поезда.

И тут в купе вошел молодой долговязый человек с длинными, спадающими на лоб волосами, знакомый мне по всем фотографиям и плакатам «Супера». Чего-чего, а этого у них масса. Он протянул мне руку и коротко, но неожиданно представился:

— Михал Михалыч…

Я тоже назвалась и подумала: господи, на, вид-то не больше шестнадцати-семнадцати лет, и вдруг Михал Михалыч. За ним ввалились высокая длинноногая дамочка и пухлый парень, напоминающий Атоса из «Трех мушкетеров» — вьющиеся волосы! до самых плеч, широкое улыбающееся лицо, чуть вздернутый широкий нос.

— Знакомься, Вика, это наш Валерий с буквой «ф» посередине, он лучший звукач планеты, он из тебя такую конфетку сделает, что ты сама не узнаешь, если, конечно, ты найдешь подходы к его суровому сердцу. Сделать это очень трудно. Его любимая жена Марина всегда с ним. И, скажу тебе, очень наблюдательна…

Валерий с трудом расставил в купе многочисленные свои вещи, буркнул:

— Кончай, Михалыч, бодягу, а ты, Вика, гони фанеру, я люблю, чтобы все при мне было.:.

— Я отдала ему записи, он аккуратно разместил их в дипломате со многими ячейками.

— Вот теперь я спокоен, вот теперь ты у меня запоешь… Он что-то еще хотел сказать, но Марина его прервала и повернулась к Михалычу:

— А кто мне обещал фирменные сигареты…

— Это пожалуйста, в очень ограниченном количестве, я полностью разорен на походах в «Березку». Так дерут, что в голове не укладывается — он полез за своим безразмерным мешком с надписью «Метро».

— Не надо, Михалыч, — сказала я. — У меня много сигарет, на поездку хватит.

Я протянула Марине пачку «Мальборо».

— 0, у нас очень приличный новичок, — в голосе у Михалыча прозвучал неподдельный восторг. — По-моему, такой впервые…

— А ты не очень, Михалыч, — махнул на него рукой Валера.

06 этом новичке сегодня такая забойная статья! 0 тебе таких пока не написано.

Михалыч пожал пленами:

— Не может быть. 0 музыке я читаю все. У меня есть специальный человек, он делает для меня вырезки. Я собираюсь стать музыкальным критиком. Похож я на него?

— Очень, — сказала я.

— Ну просто вылитый, — подтвердила Марина.

— В таком случае я все равно достану свой мешок. Там кое-что припасено.

Он начал вываливать на стол бутылки с ликером, баночное пиво, какие-то конфеты, печенье.

— Может, не стоит? — не очень уверенно произнес Валера.

— Распутин может нагрянуть, и тогда несдобровать. Допинг-контроль… Ты должна привыкать к этому, Вика, у нас очень сложная жизнь.

Но Михалыч его не слушал, он уже гремел стаканами и очень волновался, что в купе, как мухи на мед, слетятся другие, поэтому мы сделаем вид, что спим, компашка такая, что разметут все в одно мгновение.

— А в какой газете тебя похвалили, Вика? — спросил между делом Михалыч.

Я сказала. Он вытаращил на меня глаза:

— Ты пропала, Вика, ты пропала, и никто тебе уже не поможет! — воскликнул Михалыч.

— А что случилось? — удивилась я, хотя и сама прекрасно

понимала, в чем дело.

— Ну вот еще, — он по-детски надул губы, — разве ты не читала, какие пасквили они о нас писали?

Эта газета — злейший враг Распутина. Не говори ему, что о тебе там написали. Иначе…

— Ты сам же, Михалыч, как первейшая шестерка и передашь все Распутину, — заключил Валера.

— Нет, нет, Михалыч этого не сделает, я его попрошу лично, — пролепетала Марина, отпивая из банки пиво.

Михалыч и вовсе надулся:

— Да что вы в самом деле, человек еще возьмет да и подумает обо мне…

— Всё это ерунда, — сказала я, — никто, Михалыч, ничего не подумает. Написали обо мне, могли написать о другой. Дело не в этом. Я рада, что нахожусь в вашей компании. Вы очень милые, симпатичные люди, давайте за вас и выпьем.

Я сделала небольшой глоток ликера.

— Послушай, а у нас всегда есть вакансии. То того нет, то этого… Особенно когда приходит клевая телка, — сказал Валера и кивнул на меня. Тут же его взгляд был перехвачен Мариной. — Да я не о том… В зале всегда не только одни девчонки, а и пацаны. Им хочется и на хорошие ноги поглазеть, так ведь?

. — Абсолютно верно, — сказал Михал Михалыч, — я бы всегда открывал концерт хорошей девчонкой, это придает особый тонус всему дальнейшему. Вот, помню, у Аллы Борисовны…

— У Аллы Борисовны? — удивилась я.

— Именно у нее, — подтвердил Валера, — Михалыч к нам от нее перешел. Очень на сцену хотелось.

— Да, Распутин меня переманил, — сказал Михалыч, — я долго сомневался, но все же пошел. Теперь я раскручен. Ты ведь узнала меня?

— Конечно, сразу, — сказала я.

— Ну вот видишь, а у Аллы Борисовны я директорствовал. у нее несколько директоров было…

Я слушала разные байки, и, мне в самом деле было хорошо среди них. Утром еще на перроне Распутин сказал Автандилу, чтобы меня поселили в люкс, все-таки одна солистка в группе. Автандил презрительно смерил меня взглядом и сказал, что он отдаст свой, директорский, а всех, кто будет приходить, он имеет в виду очень солидных людей, будет принимать в люксе Распутина. Я расположилась в номере (конечно же, одноместном, насчет люкса была шутка) с видом на реку и новый район, напоминающий микро-Нью-Йорк и весь день ждала, когда же Распутин соизволит сказать о том, как будет проходить концерт.

За обедом встретила Валеру и Марину, они сказали, чтобы я себя не мучила, а отправлялась по магазинам, здесь неплохое снабжение и можно кое-что урвать, но Марина на меня глянула и понимающе кивнула, мол, девочке по магазинам ходить не надо. Когда я снова Спросила насчет концерта, Валера сказал, что все будет объявлено не ранее чем за полчаса, такая у Распутина манера, ничего тут не поделаешь. Он и сам очень долго привыкал, когда перешел в его тусовку, но потом ничего, привык.

— А репетиция будет? — спросила я.

— Да какая там репетиция. Он все тебе скажет…

Я отправилась в номер, позвонила в Москву своей массажистке, та меня обрадовала — Жека дозвонился, он заехал к ней и получил деньги. От сердца у меня отлегло. Я не люблю, когда меня динамят, и себе в отношении других такого же не позволяла. Пускай мальчики радуются, уверена, надерутся сегодня, как свиньи, и снова начнут строить грандиознейшие планы в отношении своего бизнеса. Ну, и пускай строят, у них свое дело, у меня свое, но пока я их подкармливаю, и прилично. Выйдет клип на телевидении, настроение у них улучшится еще больше. Если. мне удастся закрепиться хотя бы временно у Распутина, дела мои можно будет считать отличными. Еще я позвонила Мишелю, он очень обрадовался, записал мой номер телефона и сказал, что будет звонить каждый день. Я ему сообщила, что сегодня первый концерт, это очень ответственно, он себе не представляет, как. Мишель пожелал успеха и сказал, что у него не менее ответственный звонок в Брюссель, жене, он не хочет звонить, оттягивает время, но позвонит обязательно, у него просто нет иного выхода.

Вечером за час до концерта я появилась в автобусе в английском блузоне, новеньких джинсах, которые только появились в самых модных магазинах, конечно же, не у нас, и по автобусу прошел вздох восхищения. Накачанные мальчики сразу же стал делать комплименты, они подсели ко мне, облапывали меня своими маслянистыми глазами, и я поняла, что их придется отшивать решительно. Распутин наконец сказал мне о том, как будет проходить концерт: его открою я, ведущий представит; меня как гостью программы, гостью группы «Супер», я спел ровно пять песен, он их наконец-то послушает, и потом решит, как все будет выглядеть на следующем концерте.

Когда он отошел, ко мне подсела Марина и сказала, чтоб! я старалась вовсю: бывали такие случаи, когда после первого концерта он снимал пришлых солистов, которые, кстати, выглядели неплохо, но если уж он вздумает что-нибудь, ему никто ничего не докажет. После ее слов у меня сразу же начал

мандраж. Он продолжался до самого концерта, и я ничего не могла с собой поделать, мои ноги были просто деревянными как я буду двигаться по сцене? Когда ведущий объявил, что группа «Супер» пригласила для участия в программе молодую, но уже очень известную московскую певицу Вику Ермолину на стадионе начался свист, что-то во мне оборвалось, и я вышел, на сцену буду на ходулях. Пошла песня, шум на стадионе начал таять, и я постепенно отходила. Первая песня, вторая, и вот он, шлягер Влада, самый свежий, я сказала в микрофон, что звучит песня впервые, написана специально к приезду в этот город. Ноги мои задвигались, я носилась мимо трибун, пер бегала через поле, снова возвращалась. Аплодисменты был тягучие, переходящие в стон. Значит, все в порядке. Четвертая песня была чуть помедленнее, можно сказать, лирическая а последняя была чистейшим роком. На стадионе были, конечно, любители попсы, но ничего — и они завелись, стали подпрыгивать на своих местах, а когда я обронила: «Танцуйте вместе со мной», стали выбегать на беговую дорожку.

Я закончила и в полуобморочном состоянии убежала в гримерную. Мы сидели с Мариной, я жадно втягивала в себя табачный дым и спрашивала Марину: «Что он сказал?» — «Ничего, слушал и молчал, я следила за ним», — отвечала Марина. Через, некоторое время я снова спрашивала: «Он ничего не сказал?» — «Ничего», — отвечала Марина и смотрела на меня как на помешанную.

На его третьей песне я вышла к проходу. Что творилось на стадионе! Никто не сидел на своих местах, стадион орал, пел, свистел, толпа напоминала море. Все это могло вот-вот хлынуть на поле, смести милицию, а потом и сцену, после каждой песни он сам сдерживал толпу, просил не покидать свои места, но потом все начиналось сначала. После каждой песни толпа скандировала: «Распутин! Распутин! Распутин!». Он начинал петь, и из десятков тысяч глоток вырывался рев восхищения. Такого в своей жизни я еще не видела. Что движет ими, какие чувства он вызывает, как ему это удается? Я не находила ответы на эти вопросы, меня саму тащило броситься в толпу и неистовствовать вместе с ней. На сцене были уже тысячи букетов, мускулистые охранники не успевали уносить груды цветов с поля, фанатки рвались к сцене, и их невозможно было удержать. Я опять ушла к себе, курила. Мне казалось, что меня приняли хорошо, что все удалось, но что все это в сравнении с тем, что сейчас творится на стадионе?!

Я все сидела и ждала, что он зайдет в перерыве между выступлением (на сцену запустили каких-то двух малорослых,

худосочных парней), но он не зашел, и только после концерта, когда эскорт милиционеров и охранников препроводил его в автобус через плотную, орущую толпу, сказал:

— Неплохо. Но я буду начинать. Они ждут нас. Ты пойдешь после меня. Потом снова я. Три выхода. Я прямо обмякла в кресле.

— А этот листок написал о тебе правдиво… Почти… — сказал он, и глаза его сверкнули.

7 Алексей Распутин

Ночью меня мучили кошмары. Я проснулся в холодном поту и долго лежал, разглядывая темноту перед глазами. В ней вдруг вспыхивали и тотчас угасали бледные сполохи, появлялись лица, превращаясь в яркие, мгновенно расплывающиеся пятна. Вот Сергей Саввич. Он сидит рядом, говорит, что мне в жизни может помочь один человек, он как-то видел меня, я ему очень запомнился, и он бы хотел встретиться. Я могу назвать любой ресторан, любое время, или мы можем вместе с Сергеем Саввичем зайти к нему в гости, поговорить о моей судьбе, у него очень хорошая квартира, он профессор музыки, вдовствует уже несколько лет. Сергей Саввич продолжает о том, что у этого человека ну просто необыкновенные связи, он вывел в люди уже не одного молодого человека.

Сергей Саввич возник в моей жизни неожиданно, когда я шатался по разным конторам и предлагал свои услуги, но меня никто не брал — ни прописки, ни образования, ни копейки за душой. Сергей Саввич как-то присутствовал на прослушивании, дал мне свой телефон, попросил позвонить ему, я позвонил, и вот теперь мы идем на встречу с профессором музыки, я волнуюсь, конечно же, я отказался от ужина в ресторане, слишком уж я незавидная особа, чтобы вводить профессора в разорение… Постойте, но это же все было, притом очень давно, Сергей Саввич всю дорогу повторял мне, что такое будущее не ожидало еще никого из тех, кого он знал, у меня природный дар, и не только музыкальный, у меня потрясающая хватка к жизни, он это почувствовал сразу, и профессор увидел во мне не только певца, с которым нужно еще очень много работать, а прежде всего человека будущего. Да, мы шли вот этим длинным коридором, куда-то сворачивали, Сергей Саввич говорил, что это дом особой конструкции, дом очень привилегированный, профессор живет один в очень большой квартире. Мы входим, и я вижу перед собой человека с бульдожьим лицом и выпученными глазами, ведет он себя как-то странно, ужимочки его просто отвратительны. Он показывает мне свою квартиру, говорит, что я могу здесь быть частым и желанным гостем, а если появятся желание и необходимость, то я всегда найду здесь приют. Протягивает руку, называет себя Всеволодом Анатольевичем, а я вдруг начинаю замечать, что в квартире все голубого цвета — шторы, чехлы на креслах и диване, даже ковер на полу — и тот с голубым оттенком. Я сажусь перед столом, уставленным напитками и маленькими бутербродами, пронзенными пластмассовыми

стрелами, и холодные, шелковые чехлы скользят вдоль моих рук. Всеволод Анатольевич мечется между самой большой своей комнатой, которую называет не иначе, как «зала», и кухней, а Сергей Саввич говорит, что я очень понравился Всеволоду Анатольевичу своими манерами и природной нетронутостью.

— Что значит — понравился, не совсем понимаю? — неожиданно для него спрашиваю я. — Я же не девушка…

Надоел он мне своей бесконечной трепотней. Голоден, а есть не могу: тошнит от всего.

— Мальчик мой, ты не понимаешь самого главного, — начинает гундосить Сергей Саввич, — главное в жизни — это настоящее мужское братство. Так было всегда, во все века. Никто не был страшен, когда мужчины были вместе, когда они держались друг за друга…

— Вы о чем это? — спрашивает Всеволод Анатольевич. Перед ним поднос с фирменным блюдом — горячими бутербродами с сыром.

Сергей Саввич разулыбался во все лицо:

— Да вот, пытаюсь внушить нашему юному другу, что пока нет ничего превыше мужского братства, все остальное бренно…

— Ну, что вы, Сергей Саввич, нельзя же вот так сразу, это философия, а постигнуть истинную философию нелегко, поверьте мне, молодой человек, к ней приходишь путем грехов, многочисленных ошибок, разочарований. Но когда человек, находящийся у истоков жизни, вот такой, как, к примеру, вы, встречает умудренных жизнью людей, ему все оказывается намного проще, его ведут уже изведанными путями, ему сообщают то, к чему сами пришли очень большой ценой…

От всего этого у меня «крыша поползла». А может, я попал в какую-нибудь секту, или эти двое благородных и чересчур чистеньких недавно сбежали из сумасшедшего дома? Второе, пожалуй, вернее.

Я выпил какого-то сладкого напитка, меня едва не стошнило прямо на стол, я выбежал в туалет и рухнул головой в унитаз. Вернулся я к столу бледный, едва держась на ногах.

— У вас малокровие, молодой человек, необходимо усиленное питание, — сказал Всеволод Анатольевич. — Белки, углеводы и, конечно же, фруктоза в виде свежих фруктов. И все станет на свои места. Я понимаю, что у вас ослабление организма, но мы вам поможем, не зря ведь Сергей Саввич так долго красиво рассказывал о мужском братстве. Оно и в самом делё существует, красивое, искреннее…

Я силюсь открыть глаза, и мне кажется, что я открываю их, я уже не сплю, я слышу их голоса, я не понимаю, где нахожусь.

— Останься, останься здесь, — шепчет мне в самое Сергей Саввич, — и подчинись ему во всем, уступи, если скажет… Все может быть непривычным, но это окажется прекрасным, поверь мне, я сам все испытал когда-то и теперь ношу в сердце теплоту того случая, выведшего меня к истине…

Он снова подносит мне что-то теплое и сладкое, я глотаю эту горячую бурду, у меня еще больше начинает кружиться голова, а они тоже совсем уже пьяные, их лица плывут вокруг меня, будто я нахожусь в центре карусели. Мне хочется встать и уйти, убежать из этого дома, долго-долго мыть руки после этой холодной, скользкой ткани, и голову тоже держать под ледяной водой, но мне не удается встать, у меня нет сил.

— Вот и хорошо, он уже не такой пьяный, — говорит словно издалека Сергей Саввич. — Он приходит в себя, и мы продолжаем беседу…

— Очень хороший мальчик, мог ведь пропасть в подворотнях, — это уже голос Всеволода Анатольевича, — спасибо тебе, спасибо, что ты привел его. Это настоящий подарок, он будет оценен, не сомневайся.

И снова горячий, обжигающий шепот Сергея Саввича:

— Ты попал в такой дом, о котором многие мечтают. Кто попал в него и вел себя благоразумно — сейчас на самой вершине, ты даже не подозреваешь, как трудно, невозможно попасть на нее, но у тебя все получится. Только веди себя правильно, я прошу тебя, не теряй своего шанса в жизни…

Они вдруг исчезают оба, затем появляются разгоряченные, будто из парилки, в шелковых халатах 0 начинают танцевать, будто трясогузки, сложив перед собой руки и попеременно ударяясь задницами друг о друга. Они снова подносят мне свое пойло, но я отказываюсь его пить и наливаю себе в бокал холодной газированной воды, ищу глазами выход, сейчас я немного приду в себя, и вы меня здесь больше не увидите, я сделаю бросок к двери, вот только перестанет шуметь в голове. Сергей Саввич куда-то исчезает, а Всеволод Анатольевич в полурасстегнутом халате начинает вдруг ползти ко мне по дивану:

— Иди ко мне, мой мальчик, я тебе все объясню, ты все сразу поймешь…

Его потные руки начинают лапать меня, стаскивать джинсы. Я отталкиваю его с такой силой, что он летит в другой конец комнаты, а сам будто по воздуху несусь над всем голубым в открытые двери — одни, вторые, третьи…

— А-а-а-а…

Чей этот дикий крик? Я открываю глаза. Надо мной

склонился Автандил.

— Ты откуда здесь, откуда ты?! — кричу я ему в лицо и он отскакивает в сторону.

— Я давно здесь, сижу и слушаю, как ты орешь во сне. Пил, что ли, вчера?

— Ни грамма, — я провожу рукой по своему. потному лицу.

Рука горячая, как утюг, и сам я весь горю. Значит, мне казалось, что я просыпался, открывал глаза, это был сон, мёня словно придавили тяжелой бетонной плитой, и я никак не мог вырваться из окружения кошмаров, но они словно настоящие, точь-в-точь напоминают ту, давнюю картину, когда я, вырвавшись из этой жуткой квартиры, часа два бежал по городу сам не зная куда. Они, вероятно, перепугались, они стали звонить, извиняться, всякое, мол, бывает, когда человек выпьет, но этого не надо бояться, это естественно, потому что в человеке таится такое, и оно требует выхода. Но когда я сказал, что ничего не помню, крепко выпил на голодный желудок, голосок У Сергея Саввича изменился, он снова начал говорить о том, что Всеволод Анатольевич по-прежнему хочет меня видеть, он уже разговаривал с нужными людьми, и те пообещали заняться мною вплотную, сперва немного поучат, и голос поставят, и эстрадными манерами займутся, а потом сами побеспокоятся, чтобы я без преград вышел в большой свет, но…

— Что — но? — спросил я у склеенной местах в десяти трубки.

— Но ты повел себя немного не так, ну, не так, как я говорил, Всеволод Анатольевич немного расстроен, я ведь успел сказать ему, что все будет в порядке, но с тобой вдруг что-то случилось. — И тогда я снова вспомнил его слова, его шепот «Подчинись ему, уступи во всем…»

— Послушайте, Сергей Саввич!

— Да, да, слушаю тебя очень внимательно. И я такое сказанул. Точь-в-точь, даже с такой же интонацией повторил непревзойденный десятиэтажный мат моего северного мастера Федора Ушанова. Когда у нас все замерзало, даже душа, которой уже негде было спрятаться на проклятой. верхотуре, он полузамерзшими губами выговаривал свой мат, а потом добавлял; авось, ребята, не подохнем, а не подохнем тута, на этом ветрище, значит, будем долго-долго жить в любых условиях, хуже этих на свете нема. И когда я однажды поскользнулся и рухнул вниз, он, рассказывали, заорал таким матом на всю округу, что наморозь со стен начала осыпаться: «Убили, убили детёнка!». А когда примерно через неделю я к удивлению врачей открыл глаза и понял, что нахожусь не на том, а на этом свете, я снова услыхал

его мат: «Будет, такую твою, жить сынок, будет!». Он первый сказал мне, когда через два месяца меня выписали из больницы, чтобы я улепетывал куда глаза глядят, деньжат прикопил, учиться могу пойти, а то и ко всем чертям, но только чтобы не оставайся, это наше дело, жэковское, пропадать тут до скону века, а ты беги, если жить хочешь.

Так вот, я загнул мат со всеми интонациями дядьки Ушанова, и трубка замолчала, в ней больше не было гнусного голос Сергея Саввича, а шли нервные короткие гудки.

— На, выпей таблетку, — сказал Автандил. — Японская, нервы делает стальными.

— Пошел ты со своей таблеткой! — заорал я на него. — Еще отраву подсунешь. Скажи, чтобы принесли чаю, много чая.

— А может, бассейн с сауной? — со слабой надеждой спроси! Автандил.

— С меня премиальные….

— Устал слушать, — буркнул Автандил. — Ты сам оденешься или прислать новую солистку?

— Послушай, а кто ее нам подсунул? — спросил я.

— Да, Распутин, ты полностью спятил. Да тебе же всучил ее твой любимый композитор.

— Ах, да, вспомнил.

— На, все-таки выпей таблетку. Тебе надо.

— Давай, если погибну, тебя будет судить вся мировая общественность.

Автандил захохотал:

— Вот тогда я уж точно получу чек на миллион долларов.

Не язык, а змея! Он исчез, а я еле натянул джинсы и майку. Глянул в зеркало. Ну и рожа! Скоро фанатки будут бросать не цветы, а камни. Автандил прав — мне надо больше отдыхать. Оказалось, что бассейн и сауна есть прямо в гостинице. Вадим долго меня массажировал, до каждой косточки, а потом Автандил подливал воду на камни, а он парил. Я лежал на верхней полке, выполняя команду Вадима: «Тебя здесь нет, оставь свое тело», и вспоминал нашу северную баньку, которую лично соорудил Ушанов. С сорокаградусного мороза, полуживые, мы летели в обжигающую теплоту, парились так остервенело, будто холод пронял нас до самых костей и никак не хотел выходить, потом дядька доставал спирт, тушенку и, с каждым глотком пьянея, долго б рассказывал мне о своей жизни. И всегда заключал одним: «Беги отсюда, паря, у тебя все должно быть иначе». Я долго, часа два, плавал в бассейне, потом снова сидел в сауне, пил чай и постепенно приходил в себя, избавляясь от ночных кошмаров и усталости.

— К тебе тут с утра рвутся журналисты, — сказал Автандил, когда мы вышли из сауны. — Что им сказать?

— Все разговоры после обеда, часа за два до концерта.

— Хорошо. Обедаем в ресторане?

— Нет, пускай подадут в номер.

— Я так и думал. Наш человек уже на рынке.

— Только ничего лишнего, вы раскармливаете меня.

— А я о том ты начнешь возмущаться, что тебя морят голодом. Нет уж, на столе будет все, а ты сам выбирай…

Он ушел, а я улегся в постель. На душе было неспокойно. Сам не знаю почему. Надо кому-то позвонить. Давно не разговаривал с Джалилой. Кажется, у нее прошли трудные времена, она больше не ведьма, не авантюристка, она принимает посетителей по лицензии МИДа, эмиры и шахи дарят ей бриллианты, она получила право открыть свою поликлинику, ее зовут на конгрессы, она не вылезает из заграницы, где тратит бешеные деньги, потому что девать их здесь негде. Я набрал ее номер телефона услыхал мягкое:

— Слушаю.

— Это я, Джалила, Распутин.

— Здравствуй, — здравствуй. Извини, не хочу называть тебя по телефону разными ругательствами. Но ты их заслуживаешь. Как можно пропасть на такое время?! У тебя есть совесть, скажи мне честно?

— Все время на гастролях, в Москве почти не бываю. Она с презрением вздохнула:

— Все деньги, деньги… Зачем тебе столько?! Не понимаю. Когда-то не забывал Джалилу. Что делают с людьми эти проклятые бумажки! И так было всегда, и там, впереди, это тоже дет. Это я знаю точно. Как ты себя чувствуешь?

— Плохо, Джалила, все время какая-то тревога, боязнь чего-то. По ночам кошмары… Она рассмеялась:

— Вот ты и позвонил. Тебе плохо, и понадобилась Джалила. Как же иначе? Она только тогда всем и нужна, когда им плохо а когда хорошо наплевать на Джалилу. Ладно, сейчас я буду с тобой работать по телефону. Тебе сделается легко и хорошо, только скажи вначале — зачём ты снова напечатал мое фот в газете?

Я стал вспоминать. Ах, да. Было интервью перед телемарафоном, попросили к нему фото, я и дал. На нем мы с Джалилой на каком-то конгрессе. Она меня туда повела, чтобы познакомить с «мировыми людьми».

— Корреспондент сам взял это фото, я сказал, что без твоего разрешения я не могу его дать, Он обещал отрезать тебя… Но не

сделал этого, — врал я изо всех сил. Я сам попросил, чтобы напечатали это фото, вместе с Джалилой. У нее на фото такой пронзительный взгляд, что по коже сразу начинали бегать мурашки.

У нее появились стальные нотки в голосе:

— Он, видите ли, сказал, чтобы меня отрезали. Я тебе знаешь что отрежу?! Но фото мое зря дал. Я плохо себя чувствую. Появился кто-то очень сильный, я не знаю кто, но чувствую его.

Он смотрит на — мое фото в газете и плохо на меня действует. Я даже немного заболела. Теперь я ищу его, я почти нашла, но у меня начинает болеть голова, очень сильное напряжение. Я ничего не понимал.

— Что ты несешь, Джалила? Как это он может смотреть на фото и делать тебе плохо?

— Да, именно мне, а не тёбе. Он такой же, как я, тоже очень сильный, раньше его не было, я точно знаю, я его никогда не чувствовала. А теперь знаю — есть. Он приносит мне боль из-за тебя. Мы это можем делать. Я никогда этим не пользовалась. У меня нет конкурентов, а у него, оказывается, есть. Это я. Он плохой человек, но я его все равно найду. Я отдам все свои силы, когда у меня их не хватит, я побываю там и попрошу их немного у своих предков, но все равно найду его.

Я чувствовал, как к моим ночным кошмарам прибавляются еще и эти. Только бы не уснуть сейчас, иначе все вернется, — только в худшем исполнении.

— А если ты его найдешь, что ты ему сделаешь?

— Я заберу все его силы, он не сможет больше преследовать меня и действовать на других людей. Никогда и нигде — ни в прошлом, ни в будущем, ни сегодня.

Если бы это говорила не она, я бы подумал, что имею дело с человеком, у которого очень давно «поехала крыша».

— Послушай, а почему бы тебе не написать об этом книгу? Вот был бы бестселлер.

— Ты давно не был у меня, Распутин, тебе очень хорошо, ты стал известным и богатым, и Джалила тебе не нужна. Ты не знаешь, что я написала такую книгу, это страшная книга. Я читаю ее по вечерам своим друзьям. Приезжай, приходи в свой забытый тобой дом, и ты услышишь такое, до чего еще не дошел разум временно живущих.

— Хорошо, я обязательно приду и послушаю, — сказал я.

— А еще я написала для тебя стихи, это будет твоя лучшая песня, поверь мне, — сказала она и вдруг замолчала. Что случилось, почему ты молчишь? — спросил я.

— Я разговариваю с тобой и чувствую, как этот человек

приближается, он совсем близко. Мне кажется, что он едет в поезде, нет, скорее, летит в самолете, так быстро он приближается ко мне. — Как ты можешь различить его? Столько людей, огромного пространства…

— Он не понимает, что сам дает мне сигналы, он не понимает, что мы связаны одной магической силой, — ее голос стал по-особому тягучим, словно она желала продолжить жизнь каждого слова.

— Ладно, тогда следи спокойно за его приближением, не буду тебе мешать, — сказал я.

Но она не пожелала прощаться.

— Подожди, подожди. Я знаю, что тебе плохо, даже если бы ты не признался мне в этом. Я буду работать с тобой по телефону. Так… Закрой глаза. Закрыл?

— Да.

— Ляг в постель, положи трубку рядом, чтобы слышать голос.

— Я так и сделал, все, как ты сказала.

— Сложи руки у себя на груди.

— Сложил… Я не умру?

— Слушай, болван, если хочешь, чтобы я помогла. Ты в мешаешь своими вопросами.

— Извини, больше не буду.

— Вот и хорошо. Мысли покидают твою голову… Они сбив вые, путаные, они рвут твой мозг на части… Им нечего делать. Ты освобождаешься от всего. Голова твоя чиста. Ты не чувствуешь своего тела. Тебя охватывает радость. Тебе легко и боль ничего тебя не тревожит, долго не будет тревожить. У тебя хорошо в жизни, ты нашел то, что хотел, тебе надо просто успокоиться и созерцать жизнь такой, как она есть… Если не хочешь, ты можешь стать совсем другим. У тебя для этого есть, а пока ты спокоен, очень спокоен…

Это был уже не ее голос, а какая-то светлая, чистая мелодия, будто кто-то играл на флейте среди высоких гор, не острыми срезами скал парили птицы и плыли облака. Мне бы легко и хорошо. Внезапно в этот покой, длившийся целую щемящую вечность, ворвались голоса. Откуда они, их не может не должно быть, я один на этом возвышении, и никто не сюда подняться…

— Распутин, проснись, проснись, — кто-то трясет меня плечо.

Я медленно открываю глаза. В комнате Автандил, Кречет, Масловский и Валера.

— Вы все сошли с ума, Джалила еле усыпила меня после этих идиотских ночных кошмаров. Пошли все вон. Я еще буду спать…

— Какая. Джалила? — удивляется Автандил.

— Вот она, была здесь, — я протягиваю ему телефонную

трубку. Из нее рвутся наружу короткие гудки.

— Распутин, плохи дела. Звонила твоя жена. Беда… Я вскакиваю на кровати.

— Какая еще беда? Что случилось?

— Ты сперва успокойся и все выслушай внимательно.

— Почему она не позвонила мне, что она сказала?

— У тебя все время было занято. Она еле нашла меня через администратора. Мысленко подал заявление в прокуратуру.

— Ну и ради бога, плевал я на него. Дерьмо!

— Представь, что он там написал… Зарытые миллионы, бриллианты. А кроме того — оружие на квартире, наркотики. У тебя был обыск. Наташа говорила сквозь слезы… Они показали ордер на обыск и ещё одну бумажку — возбуждено уголовное дело по статье 210 прим.

— У меня обыск?! — сказал я, словно не слыша Автандила.

— Кому это взбрело в голову, да я с ними такое сделаю!..

— Успокойся, все гораздо сложнее. Я звонил в Москву. Обыски были у меня и Николаева. Ничего не нашли, да и не могли найти. Но факт остается фактом. Представь себе, какие слухи поползут по Москве.

Он меня добил.

— При чем здесь слухи?! 0 чем ты можешь сейчас говорить… Разве в этом дело? Кречет подсел ко мне.

— Успокойся, Леша, я прошу тебя. Ничего они тебе не сделают.

Я глянул на него. У него серьезный взгляд. Откуда и когда он появился у него? Может, давно, в тот самый момент, когда отец-алкоголик ударил топором мать, а потом стал душить кричавшего от смертельного ужаса пацаненка. Он бы задушил его, если бы не вбежавший в хату сосед. Он не мог оторвать отца от хрипящего мальчишки и чем-то тяжелым ударил его по голове. Отец охнул и сполз. Он был мертв. Так в один день Кречет стал сиротой…

— Всякое у тебя было. Было и прошло. И это пройдет… Я едва разжал рот и выпил ледяной минеральной.

— Оставьте меня, — сказал я. — Я сейчас приду в себя. ходите через полчаса. Будем обедать…

Я не хотел, чтобы они видели меня таким. Надо взять себя в руки. Так вот они откуда, кошмарные сны, предвестники беды. Я долго держал голову под ледяной водой, слегка отошел начал звонить домой. Телефон все время был занят. Наташа вместе с тещей обзванивают сейчас… Кого они могут обзванивать? Кто может прийти на помощь?

Я с трудом дозвонился. Голос у Наташи глухой, незнакомый.

— Наконец-то… Я уж думала, что с тобой случилось

странное. Тебя арестовали… Я вызвала к маме врача, ей сделал укол. Плохо с сердцем. Что наделали эти сволочи?!

— Подожди, возьми себя в руки. Ничего страшного не случилось…

— Ничего страшного?! Они пришли, как это называешь с понятыми. Двое наших соседей, тот самый дед, который для внука все твои фотографии с автографами просит. Боже какой стыд!

— Дальше, дальше, и все по порядку.

— Они перерыли всю квартиру, мама пыталась говорим, что они пришли в квартиру известного человека и могли, по крайней мере вести себя прилично. Но они устроили настоящий погром. Ты бы видел их рожи… Да, а маме они сказали, что у них в Бутырке всегда было много известных людей, сейчас тоже полно и, они не сомневаются, добавится еще один, ты значит…

Она всхлипнула, а потом и вовсе разревелась. Я не могу больше добиться ни слова.

— Дай трубку маме, — сказал я, — с тобой разговаривать бесполезно.

Теща рассказала, что они вручили ей ордер на обыск, а же постановление прокурора района о возбуждении против меня уголовного дела. В бумаге было написано, что дело возбужденного заявлению Советского фонда защиты животный речь шла о присвоении мною крупных денежных сумм в несколько сот тысяч рублей. Постепенно мне становилось кое-что ясно, проклятые проценты, которые я должен был им перечислять, но не мог… Впрочем, что-либо анализировать сейчас было бесполезно.

— Что они искали? — спросил я.

— Они были уверены, что найдут что-то особенное. Когда старик-сосед стал возмущаться и говорить, что все это напоминает давние времена, они его остановили, мол, сейчас мы, папаша, такое найдем, что приведет вас сразу же в чувство…

— Они назвали, что именно они ищут?

— Не сразу… Все простукивали стены, пол, как я поняла, искали тайник. А потом начали — где у вас оружие, наркотики… Описали Наташкины камешки, спрашивали, откуда у нее такие дорогие вещи. Она им сказала, что муж подарил.

— Что еще нашли?

— Ничего, а что они могли найти? Сберкнижки с небольшими суммами, вот и все.

Зря старались, ребята, стал бы я что-нибудь хранить дома! Прятал, правда, не от вас, но вы ничем не лучше рэкетиров., Я хотел еще поговорить с тещей, но Наташка взяла трубку и снова

принялась всхлипывать:

— Срочно приезжай. Мне страшно…

— Закончу гастроли и приеду. Раньше не могу, билеты проданы, всюду — афиши. Это дикие неустойки…

— Плевать на неустойки, приезжай.

— Я прошу тебя, успокойся.

Потом я попросил тещу, чтобы она дала ей успокоительное, и положил трубку. Мысленко все же сдержал свое слово, все меня предупреждали, что он не остановится ни перед чем. Как зверь, почуявший кровь, а он — деньги… Конечно, я мог сунуть ему несколько десятков тысяч, и он заткнулся бы, но на сколько? Такие ребятки не останавливаются на полдороги, аппетит у них. еще тот…

Я сидел на диване и все время вытирал пот. Появился повар с подносом.

— Ставить обед? — спросил он.

— Делай что хочешь.

Мысли метались; как бешеные, невозможно собрать воедино, чтобы как-то сконцентрироваться на главном: что сейчас можно сделать. Ответ возникал один: «Ничего!» Ровным счетом ничего. Молва мгновенно поползет по Москве, дойдет до людей, которые дали нам крышу и возможность нормально работал до министерства, потом до всех управлений культуры… Ко(покатится дальше.

Неслышно вошел Кречет, он сел рядом, провел мне ладони по голове.

— Не унывай, Леха, помнишь, ты сам мне говорил — нам ничего не страшно. После детдома уже не может быть ничего страшнее… Говорил?

— Говорил.

— Ну вот и все… В детдом мы больше не попадем. Значит остальное все лажа. Бояться нам нечего. Поем, а можем не петь, и пусть они все радуются.

Сам говорит, а глаза у него невеселые. И совсем уже не детские. Не сравнишь с тем, затравленным взглядом, когда мы встретились впервые. В те времена я прочно осел на студии: «Старт». Мы. носились по стране и думали, где можно найти таких ребят, которых никто еще не слыхал. Несколько групп сколотили и раскрутили довольно быстро. Но Влад говорил, что эффект все же не тот, не ради этого он бегал по инстанциям добивался открытия собственного счета, своей конторы со всеми вытекающими последствиями, надо сделать что-то необычное, ради этого мы и собрались все вместе. Как-то рассказали мне о Кречете: «Есть в наших краях парень… Не хуже Робертино

Лоретти, а может, и лучше… А парень этот в дичайших бегах из детдома, бумаги на него подписаны об отправке в колонию».

— Одна у него дорога — тюрьма, — говорили мне, — вот найдем и определим.

Ночью как следует задобренные мной пацаны водили по чердакам старых домов: «Он здесь обычно прячется, мы то но знаем»… Но Кречета нигде не было. Он появлялся и исчез его недавно видели, но никто не мог сказать, где он находит в настоящее время. Но однажды он все-таки оказался передо мной, закричал:

— Не удастся взять, мент поганый!

И давай деру. Я за ним. Послушай, говорю, парень, да администратор из Москвы, хочу тебя с собой забрать, петь будешь…

Он, как бешеный, чешет по дороге и мне в ответ:

— В тюрьмах не поют.

Так бежали мы, пока, не рухнули оба бездыханные на траву.

— Не вру я… Сам детдомовский, из ближних мест.

— Каких же?

— Высокоградский детдом… Он вскочил, глаза загорелись:

— Во дык фокус, и я там был. Целых два года.

— А я пять…

— Это срок! — произнес он задумчиво и на меня глянул — не вру ли.

— А ты в детдоме пел? — спрашиваю.

— Пел.

— А говоришь, в тюрьмах не поют. Он рассмеялся.

— Этот, — говорит, — похуже тюрьмы. А потом снова на меня внимательно смотрит.

— Так ты не мент? — спрашивает. — А, да ладно, все равно сбегу. Откуда, хочешь…

— Будешь в Москве жить, учиться. И, главное, петь будешь.

Я теперь только его внимательно рассмотрел: сбитые в кровь кулаки, худющее с синяками под глазами лицо, рваные штаны, из кедов торчат пальцы. Только глаза голубые горят пламенем.

— Таким, дядя, меня в Москву не возьмут. Надо бы шмотья какого…

— Не пропадем мы, Леха, — говорит он, поглаживая меня по голове, — если что — кинем все к черту, всю эту музыку, «Супер», поедем в деревню, дом купим, корову. Я помню, у нас Дома корова была. Больше ничего не помню… Будем жить, рыбачить в деревне раздолье. Никаких дурных девок, ни статей, ни толп.

Я улыбнулся.

— Ты уже не сможешь без всего этого.

— Я-то? — он возмущенно на меня глянул.

— Да меня все это так достало!

— И мёня тоже. Ну и что? Не сможем мы без этого. Это как зараза — попала в кровь и бродит, бродит! Да ты без сцены завоешь, запьешь, пропадешь вконец.

В комнату заглянул Автандил и сказал, что обед на столе, все бывшие звезды в сборе. Я глянул на него — он даже похудел.

— Тебе вредно расстраиваться, Автандил, ты сразу теряешь в весе и красоте….

Моя шутка не подействовала. Он стоял серый, как мышь. Куда подевался его румянец?

— Иди, ешь, — сказал я Кречету. — Я сейчас, один звонок. Скажи, чтобы на стол поставили коньяк. Выпьем за упокой….

Я набрал номер Джалилы. Может, она хоть что-нибудь посоветует.

— Это опять я, Распутин.

— Слава богу, узнала. Как ты теперь себя чувствуешь?

— Еще хуже, Джалила.

— Ты серьезно?

— В самом деле. У меня был обыск, возбуждено уголовное дело.

— Что за чушь? Может, ты слишком долго спал после разговора со мной?

— Все правда…

Я коротко рассказал ей обо всем.

— А ты хотел жить спокойно? — спросила она. — Будь бедным — и тебя никто не тронет. Ты, мальчишка, столько загребаешь, народ на тебя валом прет, а все остальные будут спокойно на это смотреть?! Думаешь, чего меня в подвалах держали руки выкручивали? За то же самое… Так что не будет у тебя спокойной жизни, пока ты Распутин, а станешь дерьмом — ради бога, живи спокойно и счастливо, как все остальные.

— Все верно, но мне от этого не легче.

— Когда ты явишься в столицу?

— Через неделю, если не отправят по этапу…

— Ты зайди ко мне. Я с тобой позанимаюсь. Тебе понадобятся железные нервы, я знаю.

8 Юрий Чикин

Я не случайно надел темные очки, которые обычно терпеть не мог, да и старался все время держаться подальше от сцены. Меры предосторожности не были бзиком, как соизволил выразиться Жека (он носился по дворцу с горящими глазами и, встречаясь, шептал мне: «Сегодня будут башли»), я понимал, что на первый концерт забегут акулы и особи помельче, ворочающие в Москве шоу-бизнесом. Новая команда всегда привлекает внимание. Возникает масса вопросов — кто ёе выставил — и зачем, почем продает, как среагировал народец, выкладывающий свои кровные пятаки за билеты, нельзя ли в случае чего присмотреть кого-нибудь для себя, а то и перекупить всю тусовку… Когда я сказал Жеке, что сегодня могут прибыть самые почетные и самые незваные гости, ой поморщился, ответил: «Да черт с ними, пускай идут, дело сделано, в кассе почти нет билетов…» И в самом деле, народ на первый концерт валил валом, телевидение и газета сделали свое дело, фанаты жаждали увидеть что-то новенькое, чего давно уже не подавали. И вдруг в толпе мой взгляд выудил первую акулу, хорошо известную в определенных кругах, делающих в последние год-два сногсшибательные деньги на раскрутке молодых талантов. Проплывал торжественно, как тихоокеанский лайнер, Сеня До-могаров — твидовый костюм, вязаный французский галстук, спокойный, невозмутимый взгляд поверх юных голов. Когда-то он начинал мелким администратором в Росконцерте, потом дол-го крутился в областной филармонии, оттуда вынырнул в театре эстрады и вдруг громко, на всю Москву захлопнул за собой двери тюремной камеры. Занимался дележкой денег с дирекциями нескольких дворцов спорта и стадионов, а когда копнули поглубже, то выяснилось, что немало преуспел и в другом. По российским окраинам разъезжали собранные Сеней псёвдо- звезды, они пели вовсю под чужие фонограммы, да и выступали под другими фамилиями. Сеня загремел ровненько на четыре года, я об этом написал, как-никак скандальчик, ко мне приходили его люди, говорили, что Сеню специально упрятали за решетку, он не нарушал закон, все подстроено, и обидно, что именно я, человек, разбирающийся во всех тонкостях эстрады, взял да и клюнул на эту утку. Они просили, чтобы я разобрался и написал новую статью, в которой бы Сеня выглядел тем, кем он является на самом деле. Я им, конечно, пообещал разобраться, позвонил следователю, который вел дело Сени, тот мне сообщил, что он заслуживал по всем законам даже больше, чем получил, жулик

отпетый, он с такими редко встречался. На этом все и кончилось и для меня, и для Сени. Он сидел, я писал и совсем забыл о нем, как вдруг уже в новые хозрасчетные времена мы встретились на одном конкурсе, где Сеня выставлял своих людей. Оказывается, он, очухавшись после! отсидки, создал — какой-то коммерческий центр, куда насобирали профессиональных боксеров, каратистов, солистов эстрады, — целые группы и даже свой собственный театр. Поговаривали что его фирма — прикрытие, Сеня занимается вышибание крупных денег, не брезгует он перекупкой раскрученных звезд, на которых делает неплохие деньги. Во всяком случае, все чаще? и чаще на афишах рядом с достойными фамилиями я видел название коммерческого центра Сени «Орфей». На том конкурсе президент «Орфея» (так он себя называл) попросил меня помочь ему в рекламе, мы можем оказаться в иной ситуации, чем когда-то, но, впрочем, мы тогда не были знакомы, иначе он бы смог убедить меня в своей правоте, — но теперь говорить об этом не следует, время ушло безвозвратно, судимость снята, и Сеня практически прощен. Я и в самом деле немного помог, мы могли бы и дальше продолжать сотрудничество, но знающие люди подсказали, чтобы я держался от Сени подальше. И вот он проходит по холлу, рассматривает юную публику. Да, реклама подействовала на Сеню, и здесь он не из праздного любопытства. Один есть! Я скрылся за углом, пока он не прошел в зал, начал кружить у центрального входа. Стоп… А эти что здесь делают? Мимо меня (я был за надежным укрытием) прошествовали, два инспектора городского управления культуры. В отличие от Сени, выглядели они откровенно слабо — старенькие, блестящие на срамных местах костюмчики, рубашки, украшенные бахромой от долгой носки, стоптанные, модные лет десять назад туфли. Мелкие побирушники, пробавляются тем, что выдают гастрольные удостоверения и имеют за это свои, несчастные червонцы. На этот раз мы обошлись без них, решив, что до такой мелочи опускаться не стоит. Пускай себе слушают, а затем пишут начальству тупые, пространные записки о том, что уровень культуры падает, особенно культуры молодежной, пропагандируется низкопробное искусство… А может, сегодня им как раз понравится (чего не бывает!) и они напишут в справке, что резким диссонансом упадку прозвучал концерт новой группы «Ах!», продемонстрировавшей верность традициям советской эстрадной классики. Их стиль я знаю, они повадились носить мне свои статейки, написанные в виде справок, я делаю из них пятистрочные заметки, и они остаются довольны, только просят, чтобы в подписи я оставлял их высочайшие титулы инспекторов.

Ну да ладно, черт с ними, пускай пишут что хотят, меня они не интересуют. Где рыбка покрупнее, от которой вполне может исходить угроза нашего с Жекой дела, неужели прибыл один Сеня? Да не может быть — ну конечно же, Сеня не одинок. Прошла вся из себя модная дамочка, гнусавый голосок которой знает вся страна. Дамочка уже несколько лет ведет одну музыкальную передачку, а муж ее пишет сценарии. Ясно, что она увидела передачу конкурирующей, в каком-то смысле редакции, а потом прочла статью с фантастическим анонсом на первой полосе. Догадываюсь, что ей тоже не очень хочется быть увиденной. Сейчас она пройдет и забьется куда-нибудь в дальний ряд, чтобы не быть на виду, кто-Кто, а она понимает, что за передачей и газетой кто-то стоит. Проще всего предположить, что я, но вряд ли она снизойдет до моей особы, она станет рыть глубже. Ну и дай бог здоровья! Только вот меня в самом деле замечать не стоит, это ни к чему. Кто еще к нам пожалует? Больше никого. Звучит первый звонок. Ну, и так вполне достаточно. Мы вызвали и зрителей, и кое-кого еще. Когда свет погас, я примостился на балконе. Оттуда я видел Жеку, он метался за кулисами, изображая какую-то фантастическую деятельность. Мог бы сидеть где-нибудь в темноте и спокойно наблюдать за событиями.

Ведущий провякал что-то насчет того, что сегодня у любителей эстрады Москвы большой праздник, на большую орбиту выходит группа, которую до этого знали немногие. Он тут же-легко и непринужденно процитировал пару абзацев из моей статьи, тут уж у него получилось более-менее гладко и умно. В конце своей затянувшейся речи он вдруг заорал: Супергруппа «Ах!».

Девчонки выбежали на сцену (надо сказать, что Жека расстарался, прикинуты они были неплохо), а зал почему-то не взорвался, он был насторожен, но только до того момента, пока не пошла первая песня. Сперва вырвался глубокий вздох, потом стон, потом крик, зал поднялся, покатились волны, сцепились руки… Я почувствовал, что вспотел от напряжения. Нет, Жека на этот раз был прав, мы не должны были упустить свой шанс и, можно сказать, не упустили его, но это только начало, еще столько предстоит всего самого неожиданного. У Жеки, как всегда, поплывет туман перед глазами, я должен постоянно отрезвлять его, делать своеобразные инъекции (лучше всего методом запугивания), иначе он потеряет голову и наломает дров. Эти ребятки появились на концерте не случайно, опасность будет подстерегать нас на каждом шагу, девчонок ни на одну минуту нельзя выпускать из виду, это сейчас они благодарны

Жеке, а что будет завтра? Завтра он (а с ним и я) может не понадобиться, тут же найдутся другие, которые наобещают побольше, Я знал таких историй массу, сам писал об этом и сейчас очень не хочу оказаться в роли пострадавшего.

Между тем с каждой песней зал заводился все больше, публика здесь собралась особого толка, главное, что она это «съела», значит, по дворам, подъездам и закоулкам Москвы пойдет хорошая молва, и завтра еще задолго до начала не останется ни одного билета. Сидя на балконе, я смотрел по сторонам, буквально в двух метрах от себя, на этом же балконе заметил профиль — нос, как у орла, выпяченный подбородок, на который вполне, как Шутили в доме композитора, можно ставить граненый стакан и он даже не подумает себе упасть. Композитор Игорь Утков. Утя собственной персоной, еще одна видная птица. Когда начались хозрасчетные дела и Утя понял, что на песенках недолго протянешь, он начал прикидывать, что можно предпринять более надежное. И придумал — выпустить на свет божий «Супер-2». Страна большая, Утя точно знал, куда катит со своей командой Распутин, а сам направлялся совсем в другую сторону. К тому же за несколько недель он настругал примерно таких же песенок с одной длинной и бесконечной мелодией под распутинские шлягеры и начал делать огромные успехи. Распутин узнал об этом очень быстро. Да и как не узнать… Приезжает в какую-нибудь глушь его администратор, а ему в ответ: «Так и так, принять не можем, у нас только что побывал уже один „Супер“, извините, но публика не поймет, и вообще, сколько вас развелось?» Распутин начал забрасывать суды и редакции заявлениями, пробил несколько статеек в газетах. Я в этот самый момент потирал руки: вот, тебе, мальчик, получай, есть же люди кроме меня, которые тебя не переваривают и ставят тебе хорошие подножки. Недолго думая, я взял да и дал положительный «читательский отклик» на выступления «Супер-2», который сам же, ясное дело, и навалял за пять минут, в этом отклике поставил еще одну подножку Распутину, сказав, что «Супер-2» выгодно отличается от распутинского и с каждым днем все более уверенно заявляет о своем праве на существование. Распутин тут же позвонил главному, обвинил меня во всех смертных грехах. Главный (это был еще другой человек) сказал, чтобы он написал заявление на его имя, он все внимательно изучит и даст ему ответ. Вызвав меня, он сказал, что я зря связываюсь с этими пацанами, припомнил одну старую историю и заметил: «Может, хватит?» Еще добавил, чтобы я подготовил ответ на имя Распутина за подписью главного, и я его подготовил, написав, что главный не видит ничего предосудительного в существовании

группы «Супер-2». Как утверждает Игорь Утков, это не подражание, а выработка своего стиля и прочее. Главный покривился, прочитав ответ, но все же подмахнул его, и снова вспомнил старую историю: «А все же тогда некрасиво получилось, согласись…» Я ничего не ответил и выбежал из кабинета. Это было несколько лет назад, Распутин спел несколько песен на телевидении, потом исчез и стал подвязаться на студии «Старт». Говорили, что администратор из него получался неплохой. И вдруг появляется этот ныне сногсшибательно известный Кречет с потрясающей детдомовской легендой девчонки теряют рассудок при его песне о белых цветах, стремительно возникает «Супер», которым руководит Распутин. Я собрался прижать его всерьез и уже принялся заготавливать одну статейку, как вдруг подвернулась командировка в Польшу. Я там отпился и отдохнул как следует, приезжаю и вижу в родной газете хвалебную статью о Кречете и, ясное дело, о Распутине, который «заполнил пробел в музыке для подростков». У меня в глазах потемнело, я помчался искать этого паршивого учетчика писем, я готов был его задушить. Перед встречей с ним постарался себя охладить, вошел в комнату, застал его за разбором вороха писем и спрашиваю: «А чего это ты, мальчик, вздумал вдруг писать о музыке, по-моему, есть еще в нашей конторе я, Юрий Чикин, и никто еще не отбирал у меня мой собственный кусок хлеба…» Мальчик в ответ: «Меня главный послал, у него появилось много писем, слишком много с просьбой рассказать…» Ладно, думаю, значит, случайность. Беру этого мальчика после работы, приглашаю в домжур и начинаю расспрашивать о группе и, конечно же, больше всего о Распутине, что, мол, за человек, чем дышит. Учетчик мой, закосевший мгновенно, начинает с восторгом говорить о пацанах, которым неведома звездная болезнь, весь коллектив у них как одна семья, это вполне объяснимо, все ведь в прошлом детдомовцы…

— И вы знаете, Юрий, а Распутин… Я замахал руками:

— Да кончай ты меня на «вы», я для тебя просто Юра, идет?

— Идет, идет, так вот, о чем это я?..

— 0 Распутине.

— Да, да, о нем. Это необычный человек, такой чуткий, представляете, он многим своим детдомовцам дома построил, машины купил. Я сам попал в очень трудное положение. У сестры две сложные операции, накануне муж бросил, двое детей. Мать продала все, что могла… Словом, я попросил у Распутина в долг. Я понимаю, неудобно получилось, но не было выхода. Я у многих в редакции просил, ни у кого не было денег. А лекарства ужасно дорогие…

Вот, вот, мой милый, так ведь это то, что мне нужно, я не зря

перехватил тридцатник, чтобы тебя, зелень, пригласить в домжур, напоить дешевым вином и побеседовать по душам, впрочем, не ты мне нужен, не ты…

— Послушай, а сколько ты у него стрельнул?

— Три тысячи на год. Долги, лекарства, сестру надо в санаторий…

— Все понятно. В самом деле, человек оказался душевным. В этом нет ничего плохого.

Мы вышли из домжура, я пожал ему руку, а назавтра утром я уже сидел. перед главным.

— Плохо, очень плохо, — говорю, — получилось, Станислав Геннадьевич.

— А что случилось? — спрашивает главный.

— Да с этой публикацией о «Супере», промахнулись мы как никогда.

Он удивился:

— А почему промахнулись? Ребята поют неплохо, во всяком случае пацанве нравится. Моя дочь без ума, письмами нас заваливают. Да и материал получился неплохой.

— Все это хорошо, но вы не знаете, что это за человек Распутин.

— А что он за человек? — главный внимательно на меня посмотрел.

— Ужасный. Везде, где ни повернется — какие-то грязные дела. Деньги сует направо и налево и, что удивительно, многих покупает…

— У тебя есть данные?

— И немало. Но я не буду о фактах; так сказать, посторонних. Он и нашему славному учетчику Вите сунул три тысячи за публикацию.

Главный вскочил из-за стола.

— Не может быть, — сказал он, — такой славный малый, начинает писать. Да и вообще, откуда у тебя сведения?

— Он сам признался, сказал, что Распутин дал в долг на год. После публикации, как вы сами понимаете. Да в какой долг? Может, парень и не понимает, что случилось. Он его затянул в свои сети, а вместе с ним и газету…

— Черт знает что! — возмутился главный. — Давай-ка его ко мне и срочно!

— Подождите Станислав Геннадьевич, ради бога. Не надо спешить. Тут вины парня никакой. У него ни опыта, ничего. И ситуация у него сложная. Сестра при смерти, одна, с двумя детьми, несколько операций. Деньги и в самом деле, может быть, понадобились. Дело, повторяю, не в нем. Распутин его купил, а

парнишка, надеюсь, хотя может быть все и по-иному, об этом и не подозревает…

— Так чего ты хочешь? — нетерпеливо спросил главный.

— Справедливости… Парень молодой, все поймет. Не надо только, чтобы это исходило от меня. Неудобно получится.

— Понимаю, понимаю, скажу ему, что раздался анонимный звонок, — сказал главный. Он пришел к нам из комсомола и знает, что к чему.

С тем я и ушел. Мальчишку-учетчика тряханули, конечно, как следует: на год лишили права печататься, объявили строгий выговор. Он, идиот, конечно, все рассказал, как было. После этой истории он косо на меня поглядывал, но я сам к нему подошел и сказал: «Поверь, Витя, я здесь не при чем…» Не знаю, что он подумал, мне было наплевать. Когда я принес убийственную статью против Распутина и его тусовки, главный сразу же подписал. Это было победой. Так я долго думал, впрочем, хватит об этом. Я смотрю на орлиный профиль Ути и еще вспоминаю, как он прибежал ко мне с благодарностью, статейка явилась для него спасением, правда, ненадолго… А тогда он сиял, предложил, чтобы «Супер-2» принял участие в празднике газеты (у нас был юбилей), я согласился, а потом сразу же очень поправил свои дела. Утя умел благодарить… Его команда просуществовала недолго, Распутин затаскал по судам, к тому же ему удалось запатентовать название, и Утл, думаю, прилично набив карман, снова стал петь свои песенки на небольших площадках и в дешевых телепрограммах. Здесь он, конечно, тоже не случайно, изучает рынок, ищет, вынюхивает. Я выбираю момент, когда становится темнее, и покидаю балкон. Делаю это стремительно, встреча с Утей тоже нежелательна. Может быть, я перестраховываюсь? Вполне, но это лучше, чем ходить с разинутым ртом…

Теперь можно и поближе к сцене. Я нахожу Жеку за кулисами, он хватает меня за руку: «Где ты бродишь? Все в порядке, сегодня зарплата». Я ему говорю о прибывших «заинтересованных лицах». но Жеке не до этого, глаза у него горят, плевать, говорит он, на всех, никто нам уже не помешает. Девчонки сегодня столько получат за один концерт, — сколько не видели за всю свою жизнь. Мы тоже с тобой будем довольны, он повторяет это в пятый раз за вечер, но, конечно же, ничего не помнит.

— Посмотри, посмотри, что происходит с залом, — захлебываясь от восторга, кричит мне в ухо Жека, — я такого давно не видел…

Он и в самом деле прав, зал ходит ходуном, никто не сидит

на месте. Девчонки засыпаны цветами.

Наконец все закончено, первой выбегает Вера и целует Жеку в щеку. Глаза у нее сверкают.

— Жди меня здесь, — говорит Жека, — начинается самое главное.

Вместе с Верой он исчезает за гримерной. Минут через тридцать Жека возвращается. У него раскрасневшееся лицо, будто выпил по меньшей мере бутылку.

— Ты меня уморил, я выкурил полпачки, — говорю я и поглядываю на дипломат Жеки.

— А ты когда-нибудь считал столько башлей в своей жизни? — спрашивает он и поглядывает на меня торжествующе.

Мы сели в машину. Жека расстегнул дипломат и протянул мне несколько пачек.

— Это твое. Нам с тобой по две штуки. Неплохо, а? В самом деле, если учесть, что это за один концерт…

— Поехали, — сказал я. — Куда-нибудь можно махнуть, мы заслужили.

— Подожди, отвезем Верку домой и еще двух солисток.

Я не мог возразить. Девчонки стоят большего. И тут меня осенило.

— Послушай, а ты их не обидел? — спросил я у Жеки.

— В каком смысле?

— В прямом, финансовом.

— Ну что ты, они счастливы. Все как уславливались. Верка сама между ними поделит. Такой договор. А чего ты вдруг заволновался? — спросил он, как мне показалось, с тревогой в голосе.

Я посмотрел ему в глаза.

— Если у тебя прошла эйфория, я могу кое-что рассказать. Жека обиделся:

— Да какая эйфория, самое обычное волнение. Я живой человек, к твоему сведению.

— Так вот, слушай, живой человек. На этом концерте был необычный улов. Я тебе говорил, но ты ничего не соображал. Теперь слушай внимательно — я начал загибать пальцы: руководитель «Орфея» Сеня Домогаров, гнусавая телевизионная леди Галка Семенова и сам Утя, великий Утков. По-моему хватит представительства для первого вечера…

Я дал каждому из них короткие характеристики. Кое-что Жека знал, кое в чем я его просветил.

— Эти ребятки съели уже многих, и аппетит у них и сейчас отменный, — сказал я.

— Кто самый опасный? — спросил Жека.

— Думаю, что Сеня. Этот имеет большой опыт. Может предложить такое, что у девчонок «крыша поедет». Все! Зарубежные турне, валюту, я даже не знаю, что еще… Утя — тот помельче, у него опыт другой, ну, может принести пару пёсенок, пожалуй; с этого и начнет, а если и не он сам, так его люди. Галка с этой, пожалуй, проще всего разобраться. Подключу свою незабвенную Евгению Федоровну, еще кого-нибудь, сам в конце концов карты раскрою. А впрочем, я не думаю, чтобы она б очень опасной. Просто ее придется привлечь на свою сторону.

Жека изучающе на меня глянул, согласился:

— Да, не все так просто. Нам придется не только деньги считать.

— Ты должен обхаживать Верку, ни на миг не выпускать из виду, знать все контакты. И семья… Кто у нее есть?

— Мать и младший брат…

— Сегодня же, буквально сейчас дуй к мамочке, неси роз охапки роз (Жека завалил ими машину), восхищайся дочерью, выполняй любую просьбу…

— Понимаю, понимаю, — сказал Жека, — конец моей личной жизни.

— Да уж придется слегка ограничить свое шатание по кабакам. Никаких встреч, кроме деловых. Жека вздохнул:

— А Вика? Она, кстати, завтра приезжает. Звонила. Ты знаешь, кстати, с кем она катается?

— С кем?

— С «Супером».

Я вздрогнул и едва не заорал на Жеку, а потом вдруг подумал: а что собственно, произошло? Может быть, это как раз и неплохо.

— Что она еще просила?

— Телевизор. И гонорар будет в зелененьких. Она, кстати, собирается линять в скором времени, вроде замуж позвали. Так что она нам еще пригодится, вызов куда-нибудь в Мюнхен и все прочее — машины, видеосистемы.

— Пускай не волнуется, будет телевидение. В ближайшее время. Пойдет вместе в нашими девчонками. Когда у них съемки клипа?

— Через неделю, всё договорено.

— Ну и хорошо, убьем двух зайцев. И ты тоже не волнуйся, на Вику я тебе выделю время. И себе тоже. Мастерица высочайшего класса, таких нельзя терять…

Наконец вышли девчонки — Вера и еще две солистки.

На сцене они еще ничего, а в жизни — так, худосочные пацанки. А может, именно такие и нравятся?

— Куда, премьерши?

— Домой, — сказала Вера и назвала адрес. Я такой улицы никогда в жизни не слыхал. Где-то у черта на куличках, в районе Чертаново.

— Поздравляю вас, — сказал я. — Все очень здорово. Москва такого давно не помнит.

— Принимали хорошо, но остальное… — вздохнула Вера.

— Все плохо. Какие-то скованные, деревянные. Сами на себя не похожи…

— Внутреннее волнение. Внёшне все выглядело нормально, — попытался я успокоить ее. Жека тоже вставил свое слово:

— Завтра на репетиции нужно кое-что продумать. Вера права.

Ну, ничего не скажешь, вылитый директор коллектива «Ах!». Девчонки тоже пожаловались: они так волновались, что не могли ничего с собой поделать, и только ко второй половине концерта почувствовав себя как обычно.

Мы подъехали к пятиэтажному блочному дому.

— Пойдем, девчонки, ко мне, чаю попьем, — повелевающим тоном сказала Вера, — и вас приглашаю, — она тронула меня за плечо.

— Спасибо, мы очень спешим, еще много дел, надо, кстати, успеть написать о вашем первом успехе. Мы обещали читателю.

— Я зайду, поздравлю твою маму, Верочка, — сказал Жека и сгреб в охапку огромное количество букетов.

Они ушли, а я закурил, впервые за весь вечер успокоился: пока все хорошо, начало нормальное. Теперь еще несколько атак на телевидении и в газете. Заметку я уже состряпал. Прямо в завтрашний номер. Утром девчонки ахнут. Пускай знают, что о них заботятся. Я не пожалел слов — написал так, будто речь шла о концерте по меньшей мере Майкла Джексона. Ответственный поморщился, но я кое-что пообещал, и слабое его сердце подобрело. Заметку он поставил. Черт, я же собирался позвонить после концерта, подтвердить, что все состоялось и прошло на высочайшем уровне. Я выбежал из машины и бросился искать автомат. Все они были разбиты, один, метров за четыреста от машины, работал. Я дозвонился, сказал: «Все в порядке. Заметка пускай идет. Концерт — просто высший класс! Завтра приглашаю на концерт с последующим…» Ответственный рассмеялся: «А может, сразу последующее, без концерта?». Я сказал, что, видимо, так и придётся поступить. «Вот и хорошо, пишите дальше»! — сказал ответственный. Когда я вернулся к машине, Жека уже кругами бегал вокруг нее.

— Ты сошел с ума, бросил машину открытой, не знаешь, что

это за районч?! Я уж думал, тебя похитили.

— Ты прав, я ценнее машины, похитят скорее меня, чем ее, сказал я. — Завтра беги с утра пораньше в киоск и покупай газету.

— А что в ней?

— Отчет о сегодняшней сенсации. Завтра, поверь, не будет ни одного билета. Я-то уж знаю.

Жека восхищенно на меня смотрел.

— Вот это работа! Это я понимаю. Поехали куда-нибудь отметим. Грешно будет, если мы этого не сделаем.

— Ты прав, поехали. Пока не знаю куда, но гони побыстрее к центру. Скоро десять. Мы можем не успеть.

Жека погнал арендованную у друга «Вольво» со страшной скоростью. Вдруг я вспомнил:

— Послушай, а ты заключил договор с центром?

— А как же!

Жека гордо протянул мне красную комсомольскую книжку. Из нее явствовало, что он является директором группы «Ах!».

— Очень хорошо, а договор?

— Все давно них в сейфе.

— На девчонок завели трудовые книжки?

— Тоже порядок, они теперь штатные артистки. А почему ты спрашиваешь?

— Могут нагрянуть из финорганов. Если что не так — бабки в казну государства. Оттуда их еще ни один человек не достал.

— Я понимаю, — закивал головой Жека, — нас так просто не возьмешь.

— А ту книжицу все же ты выброс, — сказал я, — теперь ты работаешь по-крупному, и она на фиг. Жека насупился:

— Ну я же просил тебя, не надо об этом. Понимаешь, есть вещи, о которых не стоит…

Нет, он все-таки вольтанутый. И притом на всю голову!

— Послушай, Жека, неужели ты в самом деле думаешь, что я тебе верю?

— Ты о чем?

— Не строй из себя кретина, ты и так близко к тому… Я о том самом, о твоей красной книжице. Если с ней прихватят…

Щеки у Жеки надулись:

— Да я же тебя прошу — хватит об этом.

— Ладно. Мне в конце концов плевать. Строй из себя детектива, но уж если прихватят — загремишь очень далеко и надолго.

Жека на меня испепеляюще глянул:

— Я-то не загремлю, они меня уважают. Загреметь может

любой, кто появится на нашем пути.

— Тогда все в порядке.

Дальше мы ехали молча. Я видел, что Жеку что-то мучает, но он не очень-то хочет мне об этом говорить. Ничего, терпения у меня хватит, я очень спокоен, карман греет почти до самого сердца, а Жёка через каких-нибудь полкилометра все равно расколется. И тут у меня мелькнула мысль: «А вдруг он, сволочь, взял себе больше?» Впрочем, быть такого не может, нельзя ведь сразу, с первых минут нашего совместного концессионерства…

— Ты знаешь, не понравилась она мне, — сказал вдруг Жека, не глядя на меня.

— Кто, Верка?

— Да нет, ее мамочка, ушлая. Таких я давно не встречал… Вот оно в чем, а я уж…

— И чем она тебе не приглянулась?

— Хочет все знать досконально — сколько ставка за концерт, сколько перепадает заинтересованным лицам. Ты сам понимаешь, кому именно. Правда, Верка на нее несколько раз шикнула, мол, не надо, мамочка об этом, все у нас в порядке, мы даже о таком и думать не могли буквально еще вчера, все благодаря нашему директору и тому уважаемому человеку, который в машине остался. Мамка ее успокаивалась, а потом снова бралась за свое.

— М-да, рот ее вот так просто не заткнешь, надо поговорить тебе с Веркой, так сказать, по душам. Я таких тетушек знаю,! через несколько дней им покажется, что графинями родились, — сказал я и тут же вспомнил мамашу одного известного администратора, там ни копейки мимо нее не проходит. Как ни крути, а на горизонте замаячила еще одна опасность.

— Мамке сколько лет? — спросил я.

— Не старая еще, стерва! Раньше районной торговой начальницей была, теперь водярой торгует. Сам понимаешь, что за дат мочка…

— И все-таки, сколько ей лет?

— Немного, чуток за сорок… Я захохотал:

— Вот и порядок. Это же не Евгения Федоровна.

— Ты в каком смысле? — удивился Жека.

— В самом прямом. Солидный директор коллектива должен спать с мамой главной солистки и руководителя. Хлобыстнешь с ней стаканчик, и у нас впоследствии никаких проблем.

— Идиотские шутки, ты бы глянул на нее!

— Ничего, ради нашего великого дела… Да черт с тобой, я сам к ней первый в очередь стану, водочки возьму, подружусь как следует. А ты поможешь. Думаю, что мозги мы ей сможем запудрить. Не первый день замужем. Надо думать о волках:

пострашнее. Пойми ты это… А сегодня лучше отдохнуть. Мы имеем на это право…

— Ты прав, у меня голова будто залита битумом. Все горит внутри.

Мы почти подкатили к центру.

— Куда? — спросил Жека.

— Лучше всего в пресс-центр. Туда пустят и там уж точно нальют.

Через десять минут, надежно припарковав машину, — мы ворвались в залитый светом бар пресс-центра МИДа. Слава богу, один знакомый выписал мне пропуск. На пресс-конференции я, ясное дело, не ходил, а вот в бар заглядывал с удовольствием. Правда, цены здесь аховые, но зато все есть, только башляй и при этом не считай.

Какие-то парочки сидели по углам и потягивали дешевое винцо, солидной публики почти не было, и бармен устало поглядывал по сторонам: скорее бы все это закончилось, ни выручки в кассу, ни бабок в карман…

— С чего начнем? — спросил Жека, лениво рассматривая бутылки.

И тут бармен не мог с нами не побеседовать.

— А чего думать, рёбятки, возьмите «Карлсберг», очень пользительно перед сном, да и всего червонец за банец… И «вискарь» прибыл фирмовый, японский, давно такого не было, я вас уверяю…

Мне захотелось достать из кармана пачку бабок и отхлестать ею бармена по лоснящейся роже. Нас он знал давно, впрочем, как и многих завсегдатаев, мы точно так же, как и другие, пасовали перед ёго богатой витриной и потными руками в растерянности перебирали деньги в карманах. Однажды я вышел из бара настолько пустым, что не было даже пятака на метро. Полночи я перся домой пешком, как полоумный… Ну нет уж, эти времена давно миновали, и надо думать, что навсегда. А бармен между тем смотрит на нас и лыбится, это доставляет ему огромное удовольствие, он сполна отыгрывается на нас за свою плохую выручку и слабых клиентов вдоль стен. Ему сегодня не повезло, а нам с Жекой как раз наоборот.

— А ты не спеши, дорогой, — небрежно сказал Жека и достал из кармана тугую пачку четвертных, — мы с товарищем Чикиным немного подумаем и уж точно решим, что нам взять перед сном.

— Значит. так, — сказал наконец Жека, — бутылочек шесть «Карлсберга» один банец твоего любимого вискаря, — он стрельнул глазами на бармена, — и закусочки — несколько порций икры, черной, и красненькой добавь, а также рыбки…

Пожалуй, хватит. Бармен принялся все выставлять перед нами, а Жека, не дожидаясь объявки, принялся раскупоривать пачку.

— Подожди, Жека, — сказал я, — ты же вчера выложился. Дай и мне сегодня потратиться, — я достал из кармана точно! такую же пачку. Тут уж у бармена точно помутилось сознание, он назвал Жеке очень скромную сумму, наверняка обсчитав! себя самого, Жека кинул ему горсть четвертных, сказав при этом: — Сдачу сегодня оставь себе…

Словом, мы отлично разыграли эту жирную свинью, обдиравшую нещадно лучшие перья страны, и поэтому уселись за столик с отличным настроением.

— Давай опрокинем за нашу концессию, она все же неплохая, — сказал Жека, и я не стал его останавливать, пускай полюбуетея собой, да и мной одновременно. В этом сегодня нет ничего плохого. Мы тихо и мирно посасывали пиво вперемежку с вискарем, на душе с каждой минутой делалось уютнее.

— Нас тёперь никто не перешибет, — говорил Жека. — Поверь мне, мы недосягаемы. Наши девчонки принесут нам счастье.

Он говорил, а я стал прикидывать, сколько появится в моем! кармане за эти дни. Получалось очень неплохо. Такой кучи я за всю свою жизнь еще не видел. Даже под ложечкой засосало от мысли о том, куда бы их лучше приспособить. Надо повыбрасывать из дома всякую рухлядь, в союзе приближается очередь на тачку, я записался так, на всякий случай, думая о том, что! обязательно толкну ее в первый же день штук за сорок как минимум, а теперь плевап я на эти бабки…

Бутылка таяла на глазах, а мы с Жекой также стремительно косели. Жека будто читал мои мысли:

— Бабки потекут, и надо срочно их пристраивать. В нашей стране надеяться на стабильность не приходится. Правили одни лохи, теперь другие.

Я рассмеялся:

— Надеешься девчонок продавать за зеленые? Жека презрительно на меня глянул:

— Продавать не собираюсь, а бабки обменивать думаю..

— А цены знаешь какие?

— Знаю. По два чирика. И то проблема взять. Но скоро приедет мой старый дружок. Ты его не знал. Он лет десять назад укатил в Штаты и неплохо там за это время пристроился.

— Да уж, они все по рассказам миллионеры, а сами на яшкин стрит старыми презервативами торгуют, — сказал я, у меня тоже есть кое-какие знакомые. Один приезжал, так я его тут кормил и поил.

— Это от жадности… Или твой знакомый в самом деле дебил, а мой парнишка с головой. Так вот, он в прошлый раз мне по пятнадцать сдавал, и теперь цену, уверен, не подымет.

Мы выпили и за это. Вдали зала появился Варфоломеев из «Вечерки» с какими-то двумя типами — то ли иностранцами, но явно вареными, то ли нашими, но уж больно экзотичными. Варфоломеев замахал нам руками, подбежал и уставился недоумевающим глазом на стол.

— Неплохо живете, господа, — сказал он и с сожалением глянул на своих спутников. Такую компашку мы явно поить не будем.

— А-а, понимаю, — вдруг воскликнул Варфоломеев, — кто-то мне говорил, что вы запускаете кое-кого. Ну и как запуск?

— Нормально, — сказал Жека.

— Это он запускает, а я проставлю тебе несколько бутылочек, вернее, баночек пива, — сказал л и отвел Варфоломеева в сторону. Я взял для него «Карлсберга», предварительно отстегнув в кармане четвертной, сказал, что днями передам для «Вечерки» одну ценную информацию, ее надо будет поставить без промедления — в номер. Варфоломеев закивал головой, все будет исполнено в лучшем виде. Когда Варфоломеев отошел, я попросил бармена наполнить пакет бутылками с закуской. Путь у меня сегодня один — только к Евгении Федоровне, родной и незабвенной старушке, которая в ближайшие дни должна нам помогать изо всех своих сил. Жека подошел к бару, его заметно покачивало, похлопал по пакету, сказал, что я зря позволил себе расплачиваться, ну уж если я так поступил, то это даже неплохо, мы сейчас поедем ко мне и продолжим трапезу, гулять так гулять.

— С алкоголизмом покончено, — сказал я, — сейчас дую к Евгении Федоровне. Миллион дел… Клипы и прочее.

— Очень хорошо, я еду с тобой, — сказал Жека, — проведу с ней беседу насчет Вики. Эту девушку нельзя подводить…

Черт с ним, пускай едет, быть может, это избавит меня! Впрочем, оказаться в ее мягкой постели не так уж и плохо. Хоть высплюсь как следует. Мы шли мимо нищего стола Варфоломеева, и мне стало его жалко, я вернулся к бармену и взял еще бутылку виски. Поставил ее перед самым носом Варфоломеева, и тот едва не зарычал от восторга.

— Этот жест останется в истории, — сказал он, — кстати у меня для тебя приятная новость.

— Какая?

Варфоломеев сделал загадочное лицо.

— Ты сразу и не врубишься… Мальчик, по всей видимости, спёкся.

— Какой еще мальчик?!

— Тот самый. Твой закадычный приятель, Распутин.

— Что с ним? — спросил я безразлично.

Опять какая-то сплетня, которыми он окружен ежедневно. То ему миллион баками заплатили за поездку в Америку, а деньги взял и никуда не поехал, то пытался провезти через границу статуэтку Фаберже… Он на словах столько раз го самым синим пламенем, а сам преспокойно чешет стадион и дворцы.

— Возбуждено уголовное дело. К тому же по приличных статье.

Это уже интересно!

— Кто тебе сказал?

— Точные данные. Точнее не бывает. Не поделили бабки с каким-то фондом. Не перечислил штук пятьсот, не меньше. Ребята из фонда накатали на него телегу. Прокуратура взялась. Запахло лимонами, сам поснимаешь. У них на это большой зуб!

Мы переглянулись с Жекой.

— Не врешь? — спросил я у Варфоломеева.

Видимо, я перегнул с вопросиком. Варфоломеев корчил из себя перед своей компашкой приличного и крутого человека одновременно.

— 0 чем ты?! Читай послезавтра нашу газетку. Там все точно будет расписано. Информация посвящается тебе. Я многое знаю из ваших отношений.

— Ну и слава богу, что знаешь…

Он все-таки продажная шкура, этот Варфоломеев. Мне говорили, что Распутин его подкармливает, и к тому же неплохо (ясное дело, в представлении такого мелкого писаря, как Варфоломеич). Иногда в «Вечерке» проскальзывает о нем информация, от которой попахивает стольниками. Но сейчас не это самое главное.

— Правда, сам я подписываться не буду. Прокурор района ответит на письмо читательницы, мол, я фанатка, и все прочее, и вот услыхала дурную весть о своей любимой группе, ответьте, как обстоят дела на самом деле.

— Откуда она услыхала? — спросил я.

— А мне на это наплевать. Главное, что прокурор ответит: да, возбуждено — дело. И статейку назовет. По-моему, ему этого будет достаточно.

— Вполне, — только и ответил я. Если бы в этот момент бармен не закрыл свою контору, я бы поставил перед Варфоломеевым еще один вискарь. Тот, который при мне, еще сегодня пригодится.

Я пожал липкую руку репортера из «Вечерки» и бросился к

выходу. Скорее к дорогой Евгении Федоровне. Рядом семенил Жека, даже он после полученной информации протрезвел.

— Послушай, если его сейчас скушать, перед нами все открыто…

— Ты очень правильно соображаешь, — только и ответил я.

Неужели наступил тот самый момент, когда я как следует расквитаюсь с Распутиным? Дальнейшее мне ясно… Сейчас надо вовсю раскрутить информацию о нем. Притом везде — по радио, телевидению, в газетах. Неизвестно, чем все закончится, но на местах, в среде директоров филармоний, коммерческих центров и прочих он будет навечно скомпрометирован. Кому захочется иметь дело с человеком, который стоит под статьей, и тому же очень приличной. Раньше бы это было только местью — не больше, теперь совсем другое дело. «Супер» накроется надолго, если не навсегда. На рынке для пацанвы полнейшая пустота, и мы с Жекой ее заполним.

Уже на выходе я вспомнил, что Жека не может ехать, он пьян в сиську, а машину сейчас поймать — целая проблема, здесь на Зубовском такое место. Мы минут пятнадцать тряслись на пронизывающем холоде, правда, это шло на пользу. Наконец возле нас притормозила тачка, я пообещал шоферу. Четвертной для улучшения общего состояния, и мы покатили на улицу, Неждановой. Я вспомнил, что не имею при себе цветов, высказался об этом вслух, но Жека махнул рукой, мол, содержимое пакета почище любого букетика дрянных цветов. Мы почти влетели на этаж, где жила Евгения Федоровна, я страстно облобызал ее руку. И мы снова попали в ее рай. Пока Жека расправлялся с бутылками, выставляя их по своему, особому порядку, я помогал ей носить закуски из кухни, говорил о том, что, прежняя наша встреча буквально потрясла меня, я все время думаю о ней (господи, прости меня в последний раз!). Женя улыбалась одними глазами и таинственно молчала, у нее, как ни крути, отличная выучка и громадный опыт, никаких тебе восторгов, которые как раз в этом случае и можно было бы предположить. Она лишь тронула меня за руку и спросила: «А не лучше ли нам его отправить?» Но я уверил, что Жеке уже немного осталось, он отхлебнет как следует виски и успокоится до самого утра.

Не успели мы сесть за стол, и я произнес короткий, но очень точный тост о прекрасной Евгении Федоровне, как Жека начал плести о том, что ему необходимо срочно снять клип; о группе «Ах!», притом сделать это нужно срочно, группа в стадии раскрутки и нельзя терять времени.

— Милый тезка, — мягко начала Евгения Федоровна, — мы

все сделаем, у меня есть прекрасный режиссер. Вы можете не волноваться.

— За любые деньги, — опять начал Жека, и я сильно ударил его под столом ногой.

Жека на меня глянул и тут же опрокинул полфужера виски, и когда только он успел себе набухать… Мы молча ели, пили, и я с нетерпением поглядывал на Жеку: когда же он будет готов. Примерно через полчаса (к этому времени мы уже уломали Евгению Федоровну в ближайшее время дать клип Вики) он осунулся в своем кресле.

— Вот и все, — сказал я Евгении Федоровне (она раскраснелась и на глазах помолодела, что было очень к месту), — мальчик готов отдыхать до утра.

Я сам, слегка пошатываясь поднял Жеку и отволок в одну из комнат.

По дороге я попытался увлечь Евгению Федоровну в спальню, но она заупрямилась, сказав, что я снова, как и в прошлый раз, спешу, а спешить ни к чему, мы уже не в том возрасте. Мы. вернулись в сияющую, от света комнату, снова сели за стол, и я с удовольствием выпил еще одну рюмку, думая, как бы начать с ней разговор о Распутине.

— Значит, концерт у вас прошел хорошо, — сказала Евгения Федоровна.

— Просто здорово, но мы были на нем не одни…

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Явились все акулы. Весь шоу-бизнес предстал в полном составе.

— А что ты хочешь… Сейчас трудные времена. Никто не знает, как выкручиваться. Люди не ходят на концерты, все всем осточертело — рок и попса. Раньше хоть бабушки типа меня, — она при этих словах грустно улыбнулась, но еще поближе прижалась ко мне, — бежали на Кобзона, Ротару, а теперь те сами, сидят в маленьких залах и не рыпаются. Надежда на пацанву, а ты сам понимаешь, кто ей сегодня нужен.

Вот и хорошо, ты сама выплываешь на него, давай поближе….

— Я видела ваших девчонок. Вполне, но еще сырец. В каком-то смысле это и хорошо, что непрофессионально… Но необходимо шлифовать. Без этого не обойтись.

— Вот и возьми над ними шефство, и надо мной в том числе, — сказал я, заглядывая ей в глаза. Она рассмеялась:

— Прости, но мне уже поздно вот такими заниматься.

— Я тебя очень прошу, наши отношения позволяют мне это делать.

— Ладно, ладно — подтянем их до распутинских

мальчиков…

И тут меня буквально током прошибло: какая ты у меня умненькая, просто чудо, я буду любить тебя сегодня почище чем тогда, в давние, забытые времена в Ялте!

— А я слышал, что у него крупные неприятности, — вставил я свое словечко. Она пожала плечами:

— У него всю жизнь неприятности. То от тебя, то еще от кого-нибудь, но он выкручивается. Ты пойми, ему скучно без неприятностей, он вянет без них…

Она говорила о Лехе как о хорошем знакомом, не без симпатии. Не случайно он часто появляется в разных видах в их популярных программах.

— К тому же, вся мишура вокруг — отличная реклама него пацаны любят людей, за которыми все время ведут охоту.

Паиньки типа девушки Киркорова во дворах не популярных. Им нужен хулиган Распутин. А песни — уже второе дело.

Черт подери, я не знал, как попросить ее, может, оставить до утра?

— Мне говорили, что против него возбудили уголовное дело, не помню, правда, кто, но это не имеет значения…

— А может, еще немного помочь ему с рекламой? — спросил я.

— В каком смысле?

— Сказать о том, что дело возбуждено… Только и всего. Представляешь, как назавтра побегут на его концерты фанатки.

Она как-то странно на меня глянула:

— Юрочка, ну зачем тебе эта головная боль? Ты уже почти взрослый человек, тебя все знают, ты респектабельно выглядишь, пьешь валютные напитки и, наконец, сидишь у в гостях… Разве тебе всего этого недостаточно? Зачем те! нужен этот толковый в общем-то парнишка, немного талантливый и слегка авантюрист. Идите мимо друг друга, всем хватит места.

Я вздохнул:

— Я тебя очень прошу… Не буду объяснять, но это очень важно, ты не можешь представить как.

Она махнула рукой:

— Бог с ним, я не могу тебе отказать. Приходи к нам прямой эфир и говори что хочешь. Мы, наконец, живем в век плюрализма. Почему ты не имеешь права сказать о нем все что тебе вздумается? И об этом деле тоже…

Она все-таки коварная, да еще какая! Сама не желает мараться и тащит меня в эфир, зная, что я не откажусь, как мне ни претило еще раз засвечиваться перед этим ублюдком Распутиным.

— Хорошо, я приду. Когда ваша передача?

— В среду. Будем очень рады.

— Только я явлюсь по другому поводу. Порассуждаю о попсе, отвечу на вопросы.

— Поступай как знаешь, — она приблизилась ко мне совсем близко. Ответственный момент наступил!

9 Вика Ермолина

В один из дней (был уже поздний вечер), когда я, полностью обессиленная, рухнула на кровать в очередном гостиничном номере, раздался телефонный звонок, и я, думая, что кто-то явно ошибся номером (найти меня было практически невозможно), сняла трубку. — Привет, девочка, — услыхала я знакомый голос Жеки. — Ты?! — спросила я удивленно. Он рассмеялся и сказал, что с огромным интересом следит за моим турне в составе, модной тусовки, ему постоянно докладывает агентура о моем необыкновенном успехе, и они с Чикиным бесконечно рады за меня. Я сразу поняла, что ему что-то надо от меня, не станет же он в двенадцать разыскивать меня по гостиницам черт знает на каком расстоянии от Москвы. — Что у вас слышно? — спросил Жека, слегка повременив. — Ты же сам все отлично знаешь, — сказала я почти раздраженно, — у тебя ведь агентура в каждом городе… — Она знает обо всем, но только ты можешь помочь мне. Кстати, твой клип выходит днями в эфир. — Точно? — Неужели ты сомневаешься? Мы с Юраней провели сложнейшие переговоры с руководством телевидения. Те слегка упирались, сама понимаешь, пролезть с клипом в наши дни нелегко, но Чикин их убедил не только своей публикацией, он сказал, что такой звезды на нашей эстраде еще не было. Это стоило, как ты сама понимаешь, не мало, но об этом потом. Я почувствовала, что мое мрачное настроение мгновенно улучшается. — Когда выйдет клип? — спросила я. — Буду знать сегодня к вечеру. Прости, уже ночь… Значит, завтра я тебе сообщу точную дату. — Неужели вы разрекламировали меня получше вашего «Ах!»? Жека замялся: — Пойми, это совсем другое дело. Кстати, мы подумаем, как бы тебя пристроить в эту дворовую команду. Но об этом чуть позже… — Прости, но я себя не представляю рядом с ними. Я говорила вполне искренне, мне эти костлявые девчонки, честно говоря, не понравились, и не только из ревности. — Я зато представляю, и даже все вижу воочию. Приедешь, сразу же обсудим… — Хорошо, обсудим, — согласилась я, — только не виляйте. Я вас с Чикиным вижу насквозь. Но ты помнишь о нашем разговоре? — К сожалению, помню, но хочу забыть, — сказал Жека. — Мы пока тебя не подвели. Наоборот, все идет как по маслу. — Будем надеяться, — сказала я. Мне ужасно хотелось спать, но я понимала, что Жека так просто от меня не отстанет. Ему явно необходимо что-то узнать. — Послушай, а как настроение у Распутина? Вот теперь мне стало все ясно. — Самое обычное. Он поет, фанатки ревут, как резаные. Стадионы забиты. — Я не об

этом… Вообще, как он себя чувствует в эти дни?.. Я могла сказать ему, что Распутина не узнать, он ходит будто в воду опущенный, на нем нет лица, и вообще в тусовке царит какая-то непонятная напряженность, все притихли и напоминают пенсионную команду. По вечерам, выпив почти открыто коньяку (Распутин не появляется за ужином), разбредались по номерам. И даже охранники перестали приставать ко мне с явными предложениями. Как-то один из них обмолвился о том, что у Распутина большие неприятности, и он не уверен, закончатся ли благополучно наши гастроли.

— Это в каком смысле? — спросила я. — Он может все бросить и уехать, — ответил охранник. — Такое с ним случалось не раз. А сейчас все возможно… — Что случилось? — спросила я. Он замялся. Затем почти прошептал, оглянувшись предварительно по сторонам: — Позвонили из Москвы, в «Вечерке» прошла информация. Против Распутина возбуждено дело… Но я тебе ни о чем не говорил. Пойми, у нас здесь такие законы, кто треплется, тот сразу же уходит. Ты это тоже запомни… Долго мне объяснять не надо. Мне хотелось работать с Распутиным, и я сразу же обо всем забыла. — Вполне. Кстати, я его редко, как ты сам понимаешь, вижу. Только на концертах. — Ясно. Значит, все в порядке, — задумчиво произнес Жека. — Я тебе завтра позвоню. Если обратишь внимание на что-нибудь необычное, сразу же скажи мне… — Я тебя не понимаю. О чем я должна сказать? И тут он взорвался: — Да боже ты мой, ни о чем. Просто я интересуюсь, в какой микросреде находится будущая звезда. Что здесь крамольного? — Ровным счетом ничего. Звони завтра и не забудь сообщить, когда пройдет мой клип… После этой странной беседы я долго не могла уснуть. Ясно, что Жека что-то хочет выведать о Распутине. Но зачем ему это? Связываться с таким человеком может только полный идиот, это Жека должен понимать. Ночью мне приснился Жека, лапающий меня мокрыми руками. За спиной у него маячил Чикин и орал: «Пустите, пустите меня»… Утром я сделала зарядку, но все тело было каким-то вялым, безжизненным. Башка налилась тяжестью. И это несмотря на то, что на гастролях я отдыхала как никогда: никаких тебе клиентов, светских бесед перед тем как лечь в постель. Правда, рядом не было Мишеля, к которому меня тянуло не только из-за призрачной перспективы (я давно уже привыкла верить в одни мерзости жизни). Но и это шло на пользу, я могла остыть от его жарких обещаний и вполне трезво обо всем подумать. Я вышла в буфет, выпила несколько чашек кофе и решила пройтись вдоль набережной. Прямо за окном текла широкая река. Виднелись портовые краны, гудел какой-то маленький пароходик. Я шла и

вспоминала вчерашний разговор с Жекой. Они с Мининым явно пронюхали что-то о неприятностях Распутина, но зачем он им сдался? Неужели решили расчистить перед собой дорогу, но это ведь так глупо… Чикин этим уже занимался, но у него ничего не вышло. И тут я подняла голову и столкнулась со взглядом Распутина. Он шел мне навстречу, заложив руки за спину. Чуть поодаль тащился пузатый охранник. Точь-в-точь старая фотография: арестованный Николай II на прогулке… У него был затравленный взгляд, осунувшееся бледное лицо. Распутин мне едва улыбнулся. — А-а, это ты? Я ничего не ответила. Он на мгновение остановился. — Сегодня будешь петь больше… — У меня всего пять песен… — Значит, будешь петь пять песен… Он ушел, а я осталась стоять на набережной. Распутин был совсем не похож на человека, с которым я познакомилась всего несколько дней назад. Потом я увидела его днем. Он пришел на обед в ресторан вместе с другими и был оживлен, все лицо в красных пятнах. Сидел за столом и разговаривал со своим администратором, да так, чтобы слышали все. — Мне позвонили из Москвы… Только что. Один очень солидный человек. Сказал, чтобы я не волновался. Все будет в порядке. И ты, Автандил, ты скоро в самом деле станешь японским подданным… Со всеми вытекающими. — А что Мысленко? — Да при чем здесь Мысленко… Пошел он в одно место. Кстати, кто был рядом, когда я давал Мысленко деньги? Распутин обвел испытующим взглядом свою тусовку.

— Я был, Кречет и, по-моему, Валерий, — сказал Автандил. — Очень хорошо, сейчас пойдем ко мне и напишем заявление в прокуратуру. Только уже другого района. — А может, не стоит?.. Они подали на тебя, теперь ты… Такое начнется, — тихо сказал Автандил. — Ну и пусть начинается… В зал вошел Масловский, он подсел к Распутину и сказал: — Только что звонили… Моя мама. По «Маяку» тоже передали. — Что передали? — ложка застыла в руке Распутина. — Информацию об этом деле. Прокуратура и все такое… — Так, кто-то работает очень продуманно, — сказал Распутин. — Я почти догадываюсь, чья это работа… Теперь покатится. Он швырнул ложку в тарелку и вышел из ресторана. За ним засеменил Автандил. — Хреновые дела, совсем хреновые, — сказал Кречет и отпустил крепкое словечко, — Прошу принести мне сто пятьдесят коньяку… — Не надо, скандал будет, — сказал кто-то ему. — Какой скандал?! Возьму и уеду… Ему принесли коньяк, и Кречет залпом выпил. — Очень хорошо, не мешало бы и Лехе предложить, ему очень плохо, — и он снова употребил густое словечко и заказал себе коньяк. Тут и понеслось — на столе появилось несколько

бутылок, и официантки с удивлением посматривали на популярных артистов. Кречет подсел ко мне и сказал, что мог бы сообщить очень много интересного из своей жизни, чего не рассказывал даже корреспондентке «Шпигеля», которая сутки провела у его виллы на берегу моря. — К тому же, ты будешь очень довольна, я гарантирую. Оплата в любом виде. Ссориться с ним я не собиралась, он на особом счету у Распутина, все практически держится благодаря ему и с него все началось — тусовка, гастроли, невиданные бабки. Из группы он может выгнать любого, тем более меня… — Извини, но я приболела, хочу отдохнуть, — сказала я, — мы с тобой побеседуем в другой раз. — Беру слово, а пока давай выпьем. Я с омерзением выпила рюмку коньяку. Мне подмигнула жена звукооператора Валерия. — Пошли, — сказала она. Я попрощалась с Кречетом. Он проводил меня налитым взглядом. — Сейчас явится Распутин, и начнется такое!.. — сказала Марина, когда мы вышли из ресторана. — А вообще, все может кончиться очень плохо. — Почему? В чем Распутин виноват? — Да в том-то и дело, что ни в чем. Но он задирист, сама видишь. Врагов столько, что ты не можешь представить. Надеюсь, ты понимаешь почему… Пацаны с улицы и вдруг всех обошли… А кому хочется свои кровные бабки отдавать? Мы зашли к ней в номер, Валеры не было. Видно он застрял за столом. — А тебе не надоело с ним кататься? — спросила я. — Нельзя одного выпускать, сама понимаешь. Он уже не первый раз замужем. А здесь — кругом девки, коньяк… А так под полным присмотром. Она выставила на стол бутылку шампанского. — Мы, честно говоря, собираемся слинять, надоел «совок» до чертиков. Только не знаю куда, как бы не промахнуться… Не хочется подыхать в этой серости. Выпили шампанского. — Я тоже могу уехать, — сказала я, — к тому же скоро… Вспомнила о Мишеле и неожиданно для себя разговорилась. — Но там совсем другой вариант… Более приличный. Есть один фирмач, собирается развестись с женой… Я ему почему-то верю. Она закурила, положила мне руку на плечо: — Я тебе завидую. Тоже имела шанс, но тогда это было ужасно. Мать таскали в партком, отец грозил застрелить. И я промахнулась. Теперь приходится только жалеть. А моя подруга спокойно поживает в предместье Рима и очень хорошо себя чувствует. Недавно приезжала, побыла несколько дней и быстренько купила обратный билет. Говорит, что ей все время кажется — приедет, и обратно не выпустят. При этом охватывает ужас. И я ее прекрасно понимаю.

Мы посидели еще немного, я ушла к себе в номер и, слегка опьяненная, потянулась к телефону. Я услыхала в трубке голос

Мишеля:

— Ты когда приезжаешь?

— Через три дня.

— Скорее бы. У меня к тебе срочный разговор.

— О чем?

— Мне не хочется по телефону. Ты приезжай, я тебя встречу. Сообщи время и аэропорт.

Я выслушала еще несколько его традиционных фраз, не скрою, довольно приятных для меня, и собралась уж было положить трубку, как он неожиданно сказал:

— Прибыл мой заказ из Брюсселя. Ты будешь рада подарку. Помнишь, о чем шла речь?

— Не помню, ты мне так много даришь… — солгала я.

— Ну и хорошо, сюрприз будет более приятным, — сказал Мишель.

Ясно, что он привез шубу. Но о чем будет разговор? Голова у меня пошла кругом. Может, и в самом деле обломится с замужеством… Лицо у меня раскраснелось, возникла необходимость срочно поболтать с кем-нибудь. Я позвонила Марине.

— Ты не спишь?

— Нет. Представь себе, Валеры нет… Он их всех сегодня уж точно поувольняет. Представляю, какими они вернутся из ресторана.

— Кстати, время идет к обеду. Я тебя приглашаю вместе с Валерой. Здесь рядом есть небольшой ресторанчик, кооперативный.

Она удивилась:

— Мы ведь только что расстались…

— У меня есть повод.

— Какой?

— Только что позвонил Мишель. Из Брюсселя прибыла норковая шуба, но это пустое… Мне кажется, все у меня вот-вот будет решено.

Я услышала, как она всплеснула руками:

— Боже мой! Мне кажется, я буду просить тебя, чтобы он нашел друга.

Я чуть не рассмеялась. Она и в самом деле неплохая вешалка, вполне могла бы сойти для небогатых и пожилых людей. Я могу ее пристроить, временно, конечно. Притом запросто, ей не надо будет таскать на своих плечах пьяного Валерку и кататься с ним по дешевым гостиницам. Столько Распутин им все равно не заплатит. Так что, если возникнет желание, ради бога, моя милая…

— Одевайся, — сказала я, — сейчас забегу.

— Зайдем за моим кретином — и вперед, — ответила с готовностью Марина. — Такие дела вспрыскиваются, притом очень прилично.

— Главное мы оставим на ужин, сейчас проведем маленькую подготовку, — ответила я. — Ты не забывай, мне сегодня петь.

Я подождала Марину у входа, вскоре она вышла с пьяненьким Валерой (сегодня он вполне может перепутать «фанеру»). Боже мой, сзади за ним тащился Кречет. За ним бежали несколько фанаток с фотографиями. Только его мне и не хватало…

— А вот и ты, девочка моя! — пролепетал Кречет. — Сейчас пойдем в мой люкс, оч-чень хороший люкс, отдохнем как следует, мы ведь сегодня поем, если я не ошибаюсь. Вот и потренируемся, попотеем и будем выглядеть, как огурчики! И поверь, я очень богат, ты будешь довольна…

— Мы идем отдыхать, и ты тоже, — сказала Марина, — ты ведь хороший и послушный.

— А который час? — спросил Кречет и повертел головой по сторонам.

— Скоро час, — ответила Марина.

— Да, пора спать, — ответил он. — До пяти я буду готов. До вечера, малышка, — улыбнулся он мне и побрел к лифту.

— Проводи его и возвращайся, идиот! — сказала Марина Валерию.

— Почему я идиот? — удивился он. — У всех беда, вот мы и решили выпить за здоровье Лехи.

— Побыстрее возвращайся, — сказала Марина. — Мы идем в ресторан. Вика нас пригласила.

— В ресторан из ресторана без перерыва. Это хорошо! — сказал Валерий и побежал следом за Кречетом. Через несколько минут он вернулся.

— Ты хочешь, чтобы Распутин тебя выгнал, — сказала Марина, — и ты добьешься своего, вот увидишь.

— Бог ты мой, меня возьмут куда захочешь.

— Никто не станет платить тебе по два стольника с концерта. Вспомни, где ты и за сколько прозябал…

— Не надо, меня-то возьмут, мне уже предлагали по пятьсот за концерт, но у меня с Лехой контракт, и я не хочу его подводить, правильно я делаю, а? — он вытаращил на меня свои прозрачные глаза.

— Правильно, — сказала я.

— А ты молодчина, ты не раздражаешь Распутина, такое редко бывает. У него дешевый сюр не проходит, сама видишь; как он работает. Считай, что ты уже в нашей тусовке, если она,

конечно, останется в природе…

— Ты мне толком объясни, что произошло, — сказала Марина. — Ходят какие-то слухи…

— Все очень просто. Леху взял под крышу фонд охраны животных, не за красивые глаза, конечно. Один мальчик у нас стал вертеться, дешевенький такой комсомолец в ободранном сюртучке. Он нас защищал на всех перекрестках, бегал с протестами по редакциям, когда нас в очередной раз поливали грязью, словом, втирался в доверие к Лехе. Он организовал при фонде молодежную тусовку, стал жить благодаря Распутину как белый человек. Но ему показалось мало, бабки Распутина вечно стояли перед глазами, большие бабки, ему захотелось иметь чуть ли не половину… А ты сама знаешь Леху, он своего не отдаст. Да и кто отдаст свое? Даже я не отдам, хоть и отдавать нечего… Благодаря этой дамочке!

— Представь, вот с этим кретином я мучаюсь целых шесть лет. Посмотрела бы, кем он был… Лох-лохом, а сейчас рассуждает о жизни, и я его вынуждена слушать.

Я еще раз глянула на Марину. Ее вполне можно порекомендовать моему итальяшке, нельзя же бросать его на произвол судьбы. Жалко, неплохой мальчик, при случае я обязательно поговорю с Мариной, а почему бы ей не помочь! Неужели спать с Валерой приятнее… Сомневаюсь!

В ресторане я сказала мордатому официанту, чтобы он принес все самое лучшее из закусок и несколько бутылок сухого вина.

— Вы представляете наши цены? — спросил официант.

— Не представляю и не хочу, — сказала я.

— Отличный ответ, зря нечего налить, — захлопал в ладони Валера. — Такое впечатление, что ты прошла выучку у Распутина…

— На кой черт он ей нужен, — спокойно ответила ему Марина. — Человека, можно считать, уже нет в «совке»…

— Как это?! — возмутился Валера. — А кто будет петь?.. Мне лично она очень нравится.

— Петь будет здесь, а жить там, — сказала Марина и будто прочла мои самые сокровенные мысли.

Нет, ее и в самом деле нельзя выпускать из рук, неплохая замена в самых горячих случаях, я давно мечтала о такой. Со своими дела не хотелось иметь, они ушлые, прошли огонь и воду, да и к тому же болтливые, назавтра все будут знать обо всем, что в мои планы вовсе не входит, я давно уже официально из этого круга вышла, пускай девочки без меня отираются по гостиницам и ресторанам, я это прошла…

Мы посидели примерно с час, выпили несколько бутылок вина и хорошо пообедали. В номере я уснула мертвым сном. Через несколько часов будильник еле привел меня в чувство. Я приняла душ, напялила на себя все самое фирмовое и помчалась в автобус. Когда мы приехали на стадион, из гримерной раздавался крик Распутина:

— Кто снял гастроли, почему?! Это только твоя вина, я все прекрасно пони-маю. Ты наобещал и все завалил…

Он кого-то выслушивал, потом снова орал:

— А мне плевать на управление культуры, я самодеятельный артист, ты это запомни, пускай они со своими разбираются. Я не сижу в тюрьме и не собираюсь сидеть. А если там и окажусь, только тогда перестану петь. И гастролировать не буду…

Из гримерки вышел помятый Валера.

— Скоро наступит длительный отпуск… Все снимают гастроли, все наслушались радио и начитались газет. Леха под статьей, и все напуганы до смерти. Каждый думает, что вот- вот доберутся и до него.

Примерно через полчаса в холле появился старый, небрежно одетый человек. Он почти пробежал в гримерную Распутина.

— Председатель кооператива, — сказал кто-то, — самый крутой в городе человек.

Из комнаты раздавался крик:

— Меня таскали в обком, меня спрашивали, почему ты пригласил преступника, а у меня отличная репутация, это вам каждый скажет.

Он кричал о том, что зря связался с «Супером», у него была масса предложений, и к тому же не менее выгодных. Как ни странно, Распутин молчал, и только минут через пять раздался его крик:

— Уберите этого дебила!

Из комнаты выбежал кооператор, за ним Автандил.

— Практически сняты все гастроли, нас никто не желает видеть…

Я не представляла, как Распутин выйдет на сцену. Ему носили сердечные кап-ли, таблетки. Все бегали с растерянными лицами, никто толком не понимал, что происходит. Я сама едва двигалась по сцене, накануне мне передали, что я начинаю концерт. Публика тоже была чем-то взвинчена, она ждала только «Супер», и мне приходилось работать вовсю — бегать вдоль беговой дорожки без передышки, танцевать… Две-три песни они бы еще выдержали, а на четвертой пошел свист, сперва несмелый, а потом ломовой. В ушах у меня звенело, лицо налилось кровью. Полуживая я вбежала в гримерную. Навстречу с отстраненным

видом прошел Распутин. В эти мгновения ведущий как раз объявлял его. Стадион взревел почище, чем обычно.

— У него новая реклама… Но такая реклама может добить, — сказала мне Марина.

Я едва отдышалась, выпила чайку.

— Не нервничай, все прошло нормально, — сказала Марина, — я была уверена, что будет хуже. Подумать только — целых пять песен в самом начале концерта.

— Ты считаешь, что нормально?

— Вполне. Ты поработала отлично. На твоём бы месте любой спекся…

Я переоделась, и мы пошли смотреть на Распутина. Шла вторая песня, и он почти не двигался, стоял в центре сцены. Бледный, голова наклонена, чтобы не встречаться со светом юпитеров…

— Таким я его еще не видела, — сказала Марина. — Дела, видимо, и в самом деле серьезные. А публике наплевать. Главное — она видит его…

И вдруг с ним что-то произошло. Он каким-то невидимым движением стряхнул с себя путы, сковывающие каждое движение, легко задвигался на сцене, потом выбежал на дорожку. И лицо его моментально изменилось — он улыбался бушующей толпе, сам кайфовал не меньше, чем все они.

— Смотри и запоминай, это и есть Распутин… — сказала Марина. — Откуда только берутся у него силы?

В таком же темпе он и выдержал все шесть или семь песен. После этого он, ни на кого не глядя, прокричал Автандилу:

— Машину, срочно мою машину!

Через мгновение, даже не переодевшись, он исчез. Такого тоже никто не помнил. Распутин всегда оставался до конца концерта.

В автобусе Валера сказал мне:

— Мадам, я кое-что припас на вечер. По вашей просьбе. Все в лучшем виде, можете довериться моему вкусу.

— Спасибо, — сказала я, — мы обязательно соберемся. И прошу тебя — все за мой счет.

— Это как прикажете…

Откровенно говоря, мне никого не хотелось видеть, я устала… Да и к тому же ясно сознавала, что моя поездка с «Супером» может оказаться первой и последней.

Я долго лежала в ванне и едва не уснула в ней, как вдруг раздался междугородный звонок:

— Бог мой, я звоню тебе второй час подряд, — прокричал в трубку Жека.

— Был концерт.

— Плевать я хотел на твой концерт, срочно включай телевизор. Сегодня твой день…

Я едва не утонула в ванне вместе с трубкой.

— Не может быть, Жека!

— Когда имеешь дело с нами, фантастика делается плевым делом… Что там, кстати, у вас слышно?

— Идут концерты. Полный аншлаг…

— У нас тоже полный аншлаг. Девочки ждут тебя. Я им многое рассказал…

Я подумала: «Могут не дождаться», но вслух сказала:

— Я тебя поздравляю. Ты нашел себя.

— Это случилось очень давно. А как там Распутин?

— Ты же сам все прекрасно знаешь, зачем спрашиваешь? Твоя с Чикиным работа?

Он зашипел:

— Не смей ляпнуть ему об этом. Поверь, ему крышка, это я тебе говорю, а ты понимаешь, что мне невозможно, не верить…

— Ты тоже знаешь, что я никому ни о чем не ляпаю.

— У тебя есть это качество. Я его ценю больше всего. Значит, ему плохова-то?!

— Поставь себя на его место…

— Не желаю и не окажусь! Смотри сегодня телевизор.

Я позвонила Марине, быстро влезла в шерстяной костюм и побежала к ним.

— Сегодня мой клип, — сказала я с порога.

— Прекрасно. Давай быстрее за стол, мы сидим голодные и трезвые, — сказал Валера.

Боже мой, на столе было все несуществующее для меня — жареная розовая кури-ца, украинские драники со свежиной, соленые огурчики и помидоры. Украшали стол несколько бутылок коньяка, шампанское.

— Валера, ты гений, — сказала я и проглотила слюну.

Есть все это перед сном было преступлением.

Мы выпили, и я закусила одной лишь травкой. Валера настроил телевизор. В самом начале программы шла какая-то болтовня о тусовках с отрывками из самодеятельных песен, потом показали парочку западных групп, и наконец ведущий — полный, но очень моложавый паренек — сказал, что на нашей эстраде не такая уж пустота, просто мы не привыкли замечать новые имена, мы относимся к ним очень пристрастно, вот и недавно в Москве узнали о новой певице Вике Ермолиной…

После этих слов я едва не упала в обморок, Валера заметил мое состояние, налил всем по бокалу шампанского, и пошел мой

клип… Я сидела в пустынной ободранной квартире, на стенах висели обрывки газет с фотографиями политиков, поп- и рок-звезд, ударников соцтруда и военных, эти обрывки развевал ветер, я пела о том, что не нахожу его, не представляю его… Я обрывала газеты, швыряла их на пол, а потом шла по длинной аллее, и ветер забрасывал меня желтыми листьями. Впереди маячила фигура человека, я бежала ей навстречу, но это был призрак, никого нет… И снова звучала песня о том, что я никогда уже не встречу свою любовь… Потом я шла по картинной галерее, всматривалась в лица картинных героев, в основном рыцарей. Некоторые из них начинали вдруг подмигивать мне… Затем я снова оказалась в холодной квартире с голыми стенами, двери открылись и кто-то вошел…

— Фирмово, а песня отпадная! Влад отколол для тебя приличный номерок. Поздравляю со шлягером! — восторгался Валера.

И тут на экране появился Чикин. Ведущий спросил у него верит ли он в будущее нашей эстрады или, как известный и искушенный обозреватель, поставил на ней большущий крест. Чикин сказал, что надежды у него есть, и выступление Вики Ермолиной тому пример… Он заметил при этом, что Вике, можно сказать, повезло, в эти дни она успешно выступает на Украине с такой командой как «Супер». А Распутин не выпустит на сцену рядом с собой лишь бы кого. Сердце мое сжалось в предчувствии: он сказал об этом не случайно. Конечно…

— Между прочим, наш редакционный телефон не смолкает от вопросов — что случилось с Распутиным? Вы не знаете?

— Знаю. Нашу редакцию тоже атакуют фанаты этой группы. Я могу сказать, что ничего страшного не случилось. Я поинтересовался в прокуратуре. Мне ответили, что возбуждено уголовное дело. Речь идет о крупных хищениях… Но это лишь предварительные данные. А Распутин, как я уже сказал, гастролирует…

Дальше Чикин о чем-то принялся рассуждать, конечно же, сказал о группе «Ах!», подчеркнул, что это открытие сезона, но дальше я не слушала… Мы сидели молча. Наконец, Валера сказал:

— Я так и думал. Опять Чикин. Тебе, конечно, реклама, а ему?

Не хотелось ни есть, ни пить.

— Не переживай, — сказала Марина. — Ты здесь не при чем. А Распутину на все это наплевать. Я уверена, потреплют немного нервы и успокоятся.

Я посидела у них еще немного и ушла к себе. Примерно с час

я провалялась в постели, но так и не могла уснуть. Приняла горячий душ и выпила снотворное — скользкую, продолговатую таблетку. Ночью мне приснился Распутин. Он стоял на сцене и плакал. Толпа фанатов ревела и швыряла в него яйца. Он весь был в желтых подтеках.

— Нужно идти тебе, — Марина подталкивала меня к сцене. — Ты должна выручить его.

Но я стояла, как вкопанная, и не могла сделать ни шагу.

10 Алексей Распутин

Я лежу и слушаю звуки вокруг. Они то отдаляются, то приближаются — трескотня машин, шум ветра и дождя, стук собственного сердца, то очень резкий, гулкий, то замирающий. Я валяюсь на диване с самого утра, вернее, с ночи, когда внезапно очнулся от какого-то неясного сна и начал пристально вглядываться в темноту, словно пытаясь что-то разглядеть в ней. Я поднялся один только раз, уже под самое утро, чтобы выключить телефон и проверить, надежно ли закрыта дверь. И снова упал на широкий холодный диван. Мне казалось, что я лежу и чего-то жду, хотя времени для меня не существует, я не смотрю на часы, я не чувствую никаких желаний, тело мое с каждой минутой каменеет, все сильнее вдавливаясь в диван. Быть может, все вот так и происходило с ним и с миллионами других. Хотя нет, у него не было никакой причины ждать конца, он хотел жить, да и жил он неплохо. Его наверняка любили женщины, у него постоянно водились деньги, он мог себе многое позволить — модно одеваться, выпивать с друзьями, кататься на своей машине. Я лежу и пытаюсь заговорить с ним, спросить, видел ли он в последние минуты мои глаза, окружающие его все плотнее, чувствовал ли неясную, неведомую силу, бросающую его в вечное небытие? А может, перед ним явился тот самый мифичный тоннель (я много раз читал о нем), в котором раздается ужасающий грохот, выхватывающий душу из тела, швыряющий ее в невесомость? Но он молчал, я только видел его шагающим по беговой дорожке следом за породистой, крутобедрой женщиной, у меня не было никакого шипения в груди, я не мог допустить его появления (да черт с ним, выехал на беговую дорожку — и ладно!), но было поздно: лишь мог вспоминать его…

Я слышал шаги за дверью, потом стук, сперва несмелый, затем через несколько минут все более сильный.

Я слышал голос Автандила. Он говорил кому-то:

— Нельзя было оставлять его одного.

— Не волнуйся — он спит, — отвечал кто-то.

— Он в диком состоянии… Как мы могли оставить его одного? — повторял Автандил.

Почему он здесь, я ведь сказал срочно улетать в Москву ему надо позвонить по самым разным телефонам, встретиться с людьми, на которых я могу рассчитывать. Но кто они?.. Я слабо представлял это себе. Но постепенно постукивания в дверь переставали быть бесконечными, безразличными звуками. Мозг просыпался. Ладно, пусть они войдут еще раз. Автандил не

успокоится, даже если ему придется через некоторое время взломать дверь. Так и есть, я слышу его голос:

— Распутин, я прошу тебя, открой. Есть срочный разговор. Хватит спать, уже двенадцатый час.

И снова стук. Я поднимаюсь, меня покачивает. Я открываю дверь и слышу восклицание Автандила:

— Боже, на кого ты похож?! Ты пил?

Я ничего не отвечаю, я ухожу от него и снова падаю на диван. Он садится рядом.

— Сейчас принесут кофе и завтрак.

Я молчу.

— Я надеюсь, ты не собираешься отменять концерт?

Я снова молчу.

— Прибегал кооператор. Звонили из обкома, сказали, чтобы концерты не преры-вали. В городе и так напряженная обстановка. Жрать нечего, исчез бензин…

— Я пытался поговорить с ним, но он ничего не рассказал! Представляешь, ровным счетом ничего. Я не могу понять, что могло произойти с ним. Он был сильным. Ты помнишь?

Автандил отодвинулся от меня.

— Ты о ком, Распутин?

— О шофере с «Запорожца»… Ничего не рассказал. Я долго его расспрашивал.

— Боже мой! — Автандил всплеснул руками. — Надо вызывать врача.

— Пошел ты… — я произнес крепкое словцо. — Ты ничего не понимаешь. Дурак, как и все остальные…

— Я понимаю, что ты живешь среди кошмаров, а сейчас надо собраться как следует. Сам знаешь, предстоит нелегкое…

— У него все нелегкое позади, ему на все наплевать. Хорошо ведь?

— Хорошо, ему очень хорошо. Хочешь, я принесу тебе пистолет? Здесь их продают недорого, каких-нибудь две штуки — и ты тоже будешь счастлив.

Я промолчал.

— Давай завтрак и кофе, я голоден, — сказал я.

— Сейчас… Самоубийца! Одевайся…

Я сидел под струей горячей воды, потом менял ее на холодную и наоборот. Через минут пятнадцать я был почти бодр. Не хватает только рюмки коньяку. Я проглотил ее, пока не вернулся Автандил.

— Послушай, я не хотел тебе говорить…

— О чем? — спросил я безразлично. Я смотрел на еду. В рот ничего не лезло.

— Вчера сообщили в программе «Пятьсот секунд»: — Все то же самое.

— Ну и плевать… Теперь уже все равно… А этот парнишка уже давал рекламу. Помнишь, трепался, что мы в «Балтийской» торговали женскими трусиками. Я тогда хотел натянуть трусики ему на физиономию…. Теперь на все наплевать, они будут трубить сутками. Их время. Но и мое не закончилось…

Сказал я это слабым голосом. Никакой уверенности.

— Может, немного коньяку? — спросил Автандил.

— Не хочется. Будет еще хуже… Ты когда вылетаешь?

— Через три часа.

— Почему не ночным?

— Не знал, как тебя оставить.

— Не волнуйся. Я отхожу, — соврал я.

Вечером после отъезда Автандила я более-менее отработал концерт, отказался от сауны и снова оказался один в номере. Я как чувствовал, что должен быть здесь. Мне позвонили. Один пацан, подвизавшийся первые месяцы в администраторах, запыхался. Он едва успел сказать о том, что Автандила арестовали. Пацан-администратор как раз был у него дома.

— Ты ничего не перепутал? — спросил я.

— Как я мог?! Все происходило на моих глазах…

Так, это начало. Они не зря треплются по телевидению и на страницах газет. Им все известно до мелочей. Они не собираются выглядеть клеветниками. Я набрал номер телевизионной Редакторши. Она готовила последний сюжет в детскую программу.

— Почему ты спрашиваешь, как дела?! — удивилась она. — Тебе все должно быть известно. Сюжет, ясное дело, сняли. Главный сказал, что до полного выяснения обстоятельств. Так что, потерпи, дорогой. Как проходят гастроли?

Полная идиотка. Или прикидывается. Я швырнул трубку и начал вышагивать по комнате. Кому я сейчас позвоню? Композитору? Да, у него есть кое-какие связи. Но кто сможет сейчас мне помочь, когда все покрыто полнейшим мраком?!

Я набрал номер Джалилы.

— Когда ты приезжаешь? — спросила она.

— Через два дня.

— Очень хорошо. Я многое слышала. Сразу же приезжай ко мне.

— Ты еще не все знаешь, — сказал я. — Сегодня взяли Автандила. Прямо с самолета. Пришел домой, а его уже ждали…

— Ничего страшного. Моих администраторов брали много раз. И меня тоже. Ты это знаешь, — сказала она, но без особого

оптимизма.

— Ты когда-то обещала мне тюрьму. Вот и подошла моя очередь, — сказал я.

— Почувствовать дыхание камеры тоже не бесполезно. Ты многое пересмотришь в своей жизни. Я тебе говорила — понадобятся силы. Сейчас такое время. От них не очень просто отбиться. Все будет зависеть только от тебя. Я помогу. Ты из аэропорта — сразу ко мне. Ни в коем случае не ходи к следователю до встречи со мной. Вообще, как ты себя чувствуешь в эти дни?

— Хреново, Джалила, — признался я.

— Я тебе помогу… А себе не могла. Ситуация была пострашнее.

Я вспомнил. Ее долго таскали на Лубянку, в подвале выламывали руки. Джалила не рассказывала, в чем ее обвиняли, но дни она перенесла страшные.

— Спасибо, Джалила, я приеду сразу к тебе…

— А сейчас возьми и выпей. Никто еще не придумал лучшего для снятия стресса.

— Хорошо, я так и поступлю.

И в самом деле — надо напиться, до чертиков, так, чтобы забыть обо всем на свете.

Я позвонил в номер к Кречету.

— Ты что делаешь? — спросил я.

— Ничего. Жду обыска и арестов, — ответил он.

— У тебя отличное чувство юмора. Найди Валерия, его же ну, да и вообще всех наших. Скажи администраторам, чтобы штук семь коньяка стояло у меня на столе. Даю пятнадцать минут… Возьмите и Вику, с ней будет повеселее.

— Очень правильное решение. Хватит киснуть. Перед погибелью надо веселиться.

Он примчался минут через пять. В руке у него была бутылка «Наполеона».

— Где раздобыл? — спросил я. Рожа Кречета расползлась в улыбке:

— Фанатка подарила. Нашлась одна умная, а то все игрушки волокут.

— Тебе хорошо, тебя любят, тебя никто не посадит:

— Не грусти, если что… Будешь ежедневно пить «Наполеон». Я пройду сквозь любую стену….

Я налил себе полный стакан и махом выпил. Кречет смотрел на меня расширенными глазами.

— Ну ты даешь! — с восхищением произнес он. — Такого я еще не видел.

Облегчения не наступило, я выпил еще. Когда пришли все, я едва шевелил языком. Все, как обычно, принялись за треп и время от времени утешали меня.

Туман обволакивал меня все плотнее, мне хотелось сказать, чтобы они катились ко всем чертям, я не хочу никого видеть, но вместо этого я почему-то смеялся, говорил что-то невпопад, язык мой был просто оловянный. Стоп! Я знаю, что мне нужно: только женщина рядом, все равно какая, ведь я уже не в силах буду рассмотреть как следует ее лицо, но где, черт подери, ее взять?

— Послушай, Кречет, наверняка у тебя есть…

— Что?

— Неужели ты никого… В этом отеле… Без моего присмотра.

— Ты рехнулся… Настроения никакого… Хватит тебе пить.

Я рассмеялся:

— А что мне еще делать…

И вдруг меня осенило, полнейшего идиота и выпивоху, Вика. Она сидит с бокалом в руках и внимательно разглядывает меня. У нее округлые колени и длинные ноги, а в глазах какая-то чертятинка. Я подсел к ней поближе. Рюмка из моих рук грохнулась на пол и глухо разбилась.

— На счастье, — сказал Кречет. — Мне хочется спать.

Все остальные поплелись за ним к двери.

— Останься, — сказал я Вике. — Надо поговорить…

Я поднялся и повернул ключ в двери.

— Ты мне давно нравишься, — сказал я. — Если хочешь — любовь с первого взгляда. А что, ты мне не веришь?.. Я такой. Взял да и влюбился. А сейчас я хочу выпить за тебя… — Лучше не пей, — сказала она. — Тебе хватит…

— Давай отдохнем как следует, — пробормотал я и потянулся к ней.

— Тебе и в самом деле неплохо бы развлечься, но сделаем это в другой раз. И тебе будет приятнее, и мне… А сейчас не стоит. Ты смертельно пьян, Распутин. Лучше отдохни.

Она обхватила меня за плечи и повела к постели.

— Тогда поспи рядом… Мне страшно одному… Здесь много постелей…

— Хорошо, я побуду рядом.

Она помогла мне раздеться. Я не пытался заманить ее в постель. Меня в самом деле охватил ужас, от которого бросило в ледяной пот. Боже, Автандил сейчас в камере, в самой настоящей тюрьме, и все это не сон.

Вика выключила свет и сидела в полумраке на диване напротив.

— Ты спи… Я буду здесь. А завтра мне надо поговорить с

тобой.

— О чем?

— Сегодня не стоит. Завтра утром. Закрой глаза и спи.

— Дай мне еще коньяку, — попросил я. Может, эта последняя рюмка свалит меня вконец, и я не смогу ни о чем думать.

— Не надо. Я прошу тебя…

— Хорошо.

Я отвернулся к стене и провалился в пустоту. Когда утром я открыл глаза, Вика сидела на диване напротив. Откуда она здесь? Я спросил ее об этом деревянным, нешевелящимся языком. Она сказала, что я попросил ее остаться, и она спала здесь, в этой комнате. Я принялся мучительно вспоминать, что было между нами, но так ничего и не вспомнил. Она принесла кофе, я сделал несколько глотков.

— Ночью ты упал с кровати, — сказала она. — Тебе было плохо… Ты стонал и задыхался. Хорошо, что я не дала тебе больше пить.

— Спасибо, — сказал я. И вдруг вспомнил — она о чем-то хотела рассказать мне.

— Ты хотела поговорить со мной, — сказал я, вползая повыше на подушку.

— Хорошо… Видишь ли, я знаю нескольких человек, которые очень интересуются тобой, всем происходящим…

Я вздохнул: только-то и всего, мною, к сожалению, интересуются в эти дни очень многие.

— Ты знаешь их… Один из них посвятил тебе парочку заметок. Я сама читала.

— Чикин?! — неуверенно переспросил я.

— Да, он.

— Ничего удивительного. Эта скотина почувствовала запах. Она не сообщила мне ничего необычного. Ясно, что Чикин в курсе всех дел. Не случайно первым вылез с информацией на экран телевизора.

— Когда я прочел о тебе, я понял, что ты это сделала через Чикина. У себя в газетке он все держит в руках. И, видно, неплохо заплатила?

— Я не об этом. Его человек звонил мне и расспрашивал о тебе. Мне кажется, они что-то готовят. Я думаю, они будут пытаться использовать меня…

Я внимательно на нее глянул.

— Спасибо, но все это не имеет никакого значения. Или я выкарабкаюсь, или… Но я тебе благодарен. И за эту ночь, и за информацию. Она мне может пригодиться.

Как только она вышла, я принял решение: сегодня же лечу в

Москву. Я должен быть там и больше нигде. Концерты закончат сами. Откладывать встречу со следователем не имеет никакого смысла. Я сказал своим, что улетаю, и через час был уже в аэропорту. Я не взял с собой охранников и вез деньги в обычном полиэтиленовом пакете. Будь что будет — я не должен отсиживаться… Прямо из аэропорта я поехал к Джалиле. От, моего вида она ахнула:

— Ты выглядишь и больным, и усталым.

— Я болен, и я устал…

— Ты меня превратно понял. Ты взял и напился. От тебя разит за полкилометра…

— Это неважно. Я бросил все и уехал. Не могу больше, не выдерживаю. Мне страшно, сердце дрожит, как у зайца.

— Сейчас ты придешь в себя, забудешь обо всем на свете…

Она приготовила кофе, мы сидели в ее огромной кухне и почти не разговаривали. Наконец она сказала:

— Пошли.

Мы оказались в китайской гостиной, Джалила уложила меня на широкий диван, присела рядом.

— Закрой глаза, старайся ни о чем не думать…

Я увидел, как ее тонкие пальцы взвились над моим лицом, телом, мне сразу сделалось тепло, меня раскачивало на волнах, убаюкивало, я избавлялся от тяжести в каждой клетке своего тела. Я слышал сквозь невидимую толщу ее отдаляющийся голос:

— Тебе легко, ты уверен в себе, ты очень спокоен. У тебя все в порядке, злые люди бессильны перед тобой, ты легко совладаешь с обстоятельствами.

Потом я куда-то ехал (или летел), навстречу мне рвались мягкие воздушные потоки, они поднимали меня все выше, наполняли легкие…

Когда я открыл глаза, она дремала в кресле напротив. На ней был тонкий шелковый халат, приоткрывающий ее длинные ноги… Боже почему она почти раздета, ведь на ней был совсем другой костюм — мягкая кашмирская шерсть, золотые цветы, на ногах — черные колготки. Мне кажется, что передо мной видение, я снова закрываю глаза, на некоторое время забываюсь, снова просыпаюсь и вижу ее в таком же положении — тонкие, неземные ладони сложены на груди, голова откинута набок. На ее лице усталость, во время своих сеансов она ужасно устает, почти не остается сил, ее энергия уходит и долго не восстанавливается. Вероятно, она переоделась, чтобы уйти спать, но силы покинули ее, и она осталась здесь, в этом кресле — совсем рядом со мной, а может, она вовсе отсутствовала здесь, ее уносило в другой мир, и меня тоже, не случайны же были полеты и несущийся ветер

навстречу, а теперь мы оба рухнули обессиленные с высоты. Но почему я помню запах ее волос, ее тела, он так знаком мне… Неужели? Я помимо воли поднимаюсь и иду к ней. Я становлюсь перед ней на колени, начинаю гладить ее руки, ноги, я обнимаю ее за талию и начинаю целовать ее губы. Ее глаза по-прежнему закрыты, она лишь улыбается во сне одними уголками губ. Я беру на руки ее легкое, почти воздушное тело и несу на постель, я расстегиваю ее халат и начинаю все вспоминать: да, все это уже было, ее прикосновения, запах ее волос и тела, мы на этот раз уже вместе с ней проваливаемся куда-то надолго, я прихожу в себя через толщу времени, я вижу, что снова один, ее нет рядом, ее нет в кресле напротив, мне кажется, что передо мной снова был уж если не сон, то видение…

Я долго сижу под горячей струей воды, потом одеваюсь и нахожу ее в другой комнате. Она сидит перед зажженным камином и курит, Я сажусь рядом.

— Только не говори ни о чем, — она поднимает на меня свои жгучие глаза, — это не нужно… Как ты себя чувствуешь?

— Мне на все наплевать… Сейчас я уйду, но мне хочется скорее сюда вернуться.

— Приходи, я буду ждать. Ты мне обо всем расскажешь. Когда тебя ждет следователь?

— Он ждет меня всегда, — говорю я, и мне становится смешно от своих прежних страхов и переживаний.

— Возвращайся сразу. В моем доме никого не будет. Ни одного человека, кроме меня и тебя. Хорошо?

Я хочу прикоснуться к ней, но что-то меня не пускает, я тяжеленный, каменный сижу некоторое время на месте, потом поднимаюсь и ухожу. На углу возле ее дома я ловлю такси, называю адрес прокуратуры и не понимаю, зачем я туда еду. Мне безразлично, что произойдет там со мной, мне только хочется сегодня уйти оттуда побыстрее и снова оказаться у нее. Что со мной случилось? Я не думаю об этом, потому что знаю, что ответа не найду.

Через некоторое время машина останавливается у серого обшарпанного здания. Сам не понимаю, почему все эти менты, прокуроры, суды заседают в бараках. Вероятно, специально создают атмосферу для озлобленных, готовых покарать всех и каждого. Я иду по длинному коридору, и истертые человеческими ногами доски скрипят, охают подо мной. Я останавливаюсь перед дверью, на которой написано: «Следователь Замковец В. М.» Я уверенно стучу в нее и, не дожидаясь ответа, толкаю перед собой дверь… Над широким, двухтумбовым столом, стоящим здесь с тридцатых или сороковых, нависло рыжее деревенское лицо.

Лоснящийся черный пиджачок, мятая рубашка и синий в крапинку галстук. Все понятно, лимита. В горящих точечках-глазках ни капли доброты, пустое безразличие ко всем и ко всему.

— Здравствуйте, я Распутин…

Он смотрит на меня изучающе, но лишь некоторое мгновение, потом достает из кармана конфетку, четким движением разворачивает ее и сует в свой рот. Мы так и сидим напротив друг друга — он посасывает конфетку и молчит, я тоже молчу…

Звонит телефон. Он снимает трубку:

— Дорогая… Да, да. Буду поздно. Ночной допрос. Ты должна привыкнуть, ничего не попишешь…

Он кладет трубку, потом сам набирает номер телефона:

— У меня два билета в «Пхеньян». Немного отдохнем. Дома все уладил…

Рисуется, гад, передо мной, как может, показывает свое величие вот таким образом, но я спокоен, мне хочется плюнуть ему в толстую, тупую рожу и вернуться побыстрее к Джалиле.

Он берет лист бумаги, закладывает его в машинку.

— Итак, Распутин, начнем с установочных данных: фамилия, имя, год рождения…

Я отвечаю на все его вопросы, он неумело стучит на машинке. И вдруг:

— Послушай, Алексей… Подпитал бы меня вашей кассеткой. Я люблю вас послушать… Особенно вечерком, после трудной работы, встреч со всеми этими преступниками… Ну и, конечно, Муромова, Леонтьева. А рок не люблю… Доклады и справки о нашей черной жизни. Никакой музыки… А к тебе у меня парочка вопросов по Автандилу. Ну зачем ему было делать фальшивые телеграммы о смерти, ясно, что билеты трудно добыть, а вы все летаете, летаете, зарабатываете деньги, билеты нужны…

Я чувствую, как проходит злоба на него и наступает ужасная усталость. Вот в чем, оказывается, дело, какие-то мелочи. Телеграммы… Во-первых, докажи, а во-вторых — за это не сажают в тюрьму… Мне делается совсем легко, от прежних страхов ничего не остается.

— Я ничего об этом не знаю. Могу сказать только, что Автандил давно у меня работает. Он честный парень…

Он что-то печатает, потом протягивает мне лист бумаги и говорит:

— На вот, подпиши и можешь идти… Только принеси кассету.

Я подписываю, поднимаюсь и иду к двери. И вдруг слышу:

— Постой-ка, Алексей… Извини, надо отметить пропуск…

— Я не брал никакого пропуска…

— Тогда один вопросик…

Я подхожу к столу.

— Ладно, парень… Пошутили и хватит… У меня есть одна очень серьезная бумага. Денег ты набрал многовато, и делиться с фондом не хотел. Все в свой карман. Неплохо, конечно… Но ты обо мне не слыхал. Жаль. Если бы слыхал, то прекрасно знал бы — от меня один путь. Только в «матросскую тишину». Еще никто не ушел гулять. Все только туда. И ты пойдешь. Я тебе гарантирую… Вот сейчас вызову конвой…

Я сел на стул и старался не смотреть на него.

— Меня не интересуют ваши бумаги. Я и мои ребята ни в чем не виноваты.

— Расскажи об этом своей бабушке. Ты будешь сидеть долго, петь больше не захочешь, я не таких обламывал…

И тут зазвонил телефон, он на него с ненавистью глянул, мол, отрывают от работы.

— Ты у меня подпишешь все, что я скажу, — говорит он и снимает трубку, внимательно слушает и лицо его на глазах сереет: — Как это могло случиться… Где была охрана, кто позволил?!

Его лицо наливается кровью:

— Да их всех надо, до одного… Я иду к прокурору.

Он швыряет трубку и садится на свой «антикварный» стул.

— Твой идиот… Этот, как его, Автандил, перерезал себе вены. Иди и жди вызова…

Но я не могу встать.

— Что с ним?

— Не волнуйся, откачают…

Я поднимаюсь и иду по длинному коридору, наталкиваясь на каких-то людей. Выхожу на улицу и оказываюсь в безвоздушном пространстве. Перед моими глазами — Автандил, истекающий кровью…

11 Юрий Чикин

Я не случайно наблюдал за знакомой компашкой на первом концерте группы «Ах!» — я знал ее очень хорошо, у меня был давний опыт, да такой, что Жеке его уже никогда не приобрести.

Как-то я попал в сочинскую «Жемчужину» (три штуки за двадцать четыре дня — и чувствуешь себя последним нищим), лежал на пляже и наблюдал, как играют в карты матерые мафиози. Отличить их от других, тоже людей далеко не случайных, можно было мгновенно — толстенные золотые цепи на груди, перстни и часы «Ролекс». Куча денег (иногда банк доходил до сотни тысяч рублей) исчезала мгновенно, затем снова появлялась, и все это напоминало какой-то невообразимый сон. Никто; из проигравших не переживал, ко всему относились спокойно, — к тому же у каждого были свои болельщики, они сидели за спинами игроков, подсказывали или помогали тут же, не отходя, рассчитаться невезучему. Когда я устал наблюдать за игрой и незаметно для себя задремал, у меня за спиной появилось: несколько молодых — судя по голосам — людей. Они говорили о музыке, взаимоотношениях различных тусовок, в основном роковых. Я узнал голоса нескольких известных рокеров. Они были уже давно не в фаворе, за роком тянулись немногие, но кое-где еще собирали поклонников «металла» и могли позволить себе раз в год пожить в «Жемчужине». Они жаловались друг другу на неважную жизнь, и тут один из них сказал, что теперь никуда не пробиться, даже Чикин остро почувствовал конъюнктуру и собирает дань не с рокеров, а с поп-музыкантов, не гнушаясь при этом самыми мелкими особями, которых и музыкантами не назовешь. Второй с ним не очень-то согласился, он сказал, что недавно сунул Чикину (то есть мне) приличный пакетик, и я тут же вспомнил об их группе. Еще он добавил, что, конечно же, с других я собираю суммы поприличнее, и реклама в газетах идет соответственная. Они коснулись не только моей персоны, а также некоторых телевизионщиков, которые «потеряли совесть», но меня это уже мало волновало, я почти с головой зарылся в песок, оставив наверху лишь свои полосатые, купленные в парижском «тати», плавки. Меня охватил ужас — трепаться об этом они могут не только на пляже, а в любом месте, в том числе и в кабинете следователя. После этого я несколько месяцев не высовывался, отказался даже от нескольких гонораров, ясное дело, не от бухгалтерских, а от героев своих публикаций. Но вскоре нужда так прижала, что я потихоньку осмелел и снова принялся собирать дань. Старался действовать более

осмотрительно, внимательно приглядываясь к своим клиентам, ни одного из них я не подвел, и они могли быть вполне счастливы.

Сейчас, Слава богу, пошла совсем другая полоса, но меня пугал Жека. Он делался все более самоуверенным, деньги текли рекой — мы прокатили «Ах!» по Сибири, Закавказью, Прибалтике. И каждое выступление сопровождалось информацией, в газетах, по телевидению. Я постоянно напоминал Жеке, чтобы он повнимательнее смотрел за девчонками, у них начиналась звездная болезнь. Но Жека отмахивался: все, мол, в полном порядке, они у меня в руках, души во мне не чают, во всем доверяют и не имеют никаких секретов. А я постоянно вспоминал об акулах, побывавших на первом концерте, и теперь уже постоянно тершихся возле «Ах!». Жека говорил, что я полнейший перестраховщик, сейчас моя главная задача — подсчитывать бабки, а девушки от нас никуда не денутся. Главное — использовать момент, когда трясут Распутина и его команду, и не выпускать «Ах!» со страниц газет и экранов телевидения. Я был убежден, что Распутин выпутается, но это не так важно, время уйдет, гастролей у него почти нет, на телевидении он отсутствует, даже Евгения Федоровна говорит о нем в прошедшем времени. Пройдет несколько месяцев — и о нем все забудут. Но у меня не было Жекиной эйфории, пацанкам еще надо работать и работать.

И вот однажды прозвучал первый звоночек о том, что MOW опасения не напрасны. Сперва Жека начал поговаривать о тому что Вера и ее команда намекают на то, что неплохо бы съездить за границу, теперь туда валом валят тусовки намного послабее «Ах!», а у них уже появилось имя, они собирают аншлаги в самых престижных залах страны и вполне могут кое-куда прокатиться.

— Сейчас мы этого не сделаем, слишком рано. Ты знаешь, сколько башлей надо выложить…

— А прямые контакты?

— Если они у тебя есть — ради бога… Ясно, что никаких прямых контактов у меня и Жеки не было. И тут я вздрогнул: а что, если кто-то уже предлагает им организовать зарубежное турне? Без Жекиной и моей помощи.

— Послушай, им никто не подбросил такую мыслишку? — спросил я у Жеки.

— Не могли… Они все время у меня на глазах. Бабок много, хочется купить фирменных шмоток… Обычные дела.

Мы позабыли об этом разговоре, была еще одна неплохая поездка — по четыре концерта в день в Махачкале. Я сам поехал туда, чтобы помочь Жеке. Потом в Москве мы сорвали гастроли

Распутина в «Олимпийском». Узнав о них, Жека примчался ко мне и заорал:

— Есть возможность вышвырнуть их вон… И запуститься? самим. — Каким образом?

— Очень просто… Мы явимся с тобой и скажем, что посвящены в таинства уголовного дела. Ты готовишь статью, а я:

— А что ты?

— Ты забыл о моем удостоверении.

— Ты опять за свое?

— Сколько тебе говорить… Все в полном порядке. Когда-нибудь я тебе расскажу, сейчас не могу. Но это же «Олимпийский»… Мне пообещали отдать площадку, если сорвем Распутина.

Я почесал затылок. И в самом деле, заманчиво. Назавтра мы стояли перед директором «Олимпийского». Он меня прекрасно знал. Жека с ходу сунул ему под нос красную книжицу. Я, сказал, что практически у меня на столе судебный очерк о Распутине.

— Неужели так все плохо? — переспросил директор.

— Наше дело было предупредить вас, — весомо заявил Жека. Назавтра зрителям стали возвращать деньги за билеты, а Жека волок в «Олимпийский» афиши «Ах!», сам-то он, правда, не высовывался, и договор с «Олимпийским» подписывал другой человек — директор центра, в котором числилась группа «Ах!». Не успели мы отпраздновать победу, как Жека примчался ко мне в редакцию с посеревшим лицом. Он даже не позвонил мне.

— Что случилось? Жека бухнулся на стул.

— Все то, о чем ты говорил…

— Ты не можешь пояснее?

— Эти девки оформились в Штаты. Прихожу, а Верка и выкладывает мне: мол, вы не планируйте гастроли на ближайший месяц, мы отчаливаем в Штаты, ненадолго, всего на десять дней…

— Госконцерт? — только и спросил я.

— Если бы… Центр «Фантом». Они всех к рукам прибирают. Я почувствовал, как кишки в животе сворачиваются в клубок, а затем резко выпрямляются.

— Кретин…..Они у меня в руках… Они меня любят…

Для них я папа. Не меньше… А ты полнейший дегенерат. Сколько раз я тебе говорил…

Я орал на всю редакцию. Как мне хотелось съездить ему по физиономии!

— Заткнись, — сказал Жека.

— Охоту вели опытные люди. Я ничего не подозревал. Они обвели бы вокруг пальца не только нас.

— Забудь о слове «нас»! Во всем виноват только ты один…

— Может, еще не все потеряно. Надо их задержать…

— Есть только один путь — обвинить в шпионаже, — сострил я.

— Других возможностей не вижу.

Я понимал, что они занялись оформлением документов давно. Поэтому и принимались трепаться о загранице… Душеньки не выдерживали..

Но о главном молчали… Ребятки из «Фантома» предупредили: молчать строго-настрого.

— Ас другой стороны — съездят и вернутся, — сказал Жека едва слышно. Я понимал — он успокаивает себя.

— Вернутся, но не к нам…

— Почему ты в этом уверен?

— Кретин! Все очень просто… Они уже один раз накололи тебя.

— Каким образом?

— Посмотрите на наивного мальчика! Он не догадывается! Какой глупенький. Да они эти документы давно оформляли, и с «Фантомом» сговорились за твоей спиной. А ты все бабки считаешь.

— А я хочу пожить…

— Ладно, ладно, успокойся, что-нибудь придумаем.

Мы доехали до домжура, протолкнулись в переполненный бар, наконец опрокинули по несколько стопок водки. Надо срочно искать выход из положения. Но какой? У меня есть приятель в городском ОВИРе, мы когда-то играли в одной команде, он там чуть ли не замначальника, но время ушло, если у них билеты на руках…

— А все началось так хорошо, — сказал наконец Жека.

— Я был спокоен. Можешь меня убить, но я ни о чем не подозревал…

— Да помолчи ты, хватит ныть, — сказал я ему. — Поезд уходит, надо его догонять. Только вот как?

— Я ничего не могу придумать.

— Я тоже.

— Тогда давай закажем еще…

— Я не против.

Кто-то незнакомый подошел к Жеке и сказал, что приятно видеть перед собой современного предпринимателя, который не ожидает никаких перемен, а сам создает себе жизнь такую, какая нужна каждому.

— Да гони ты его, — сказал я Жеке. Незнакомец, вероятно, услыхал мои слова.

— А вы не спешите меня гнать, молодой человек, я тоже вас знаю, хотя вы со мной знакомились очень давно, в пору вашей юности…

— Извините, мне сейчас не до вас, — сказал я и схватил Жеку за руку:

— Пошли отсюда…

Мне ужасно хотелось съездить этому типу по физиономии. Мы пошли к выходу.

— Я понимаю: люди большого бизнеса, вам не до простых смертных… Но смотрите, так не стоит поступать…

Я оглянулся:

— Да пошел ты!

Когда мы вышли на улицу, я спросил у Жеки:

— Что это за мразь?

— Конторский… Сидел под крышей собкора в Голландии, долго сидел и неплохо, но нажрался на каком-то банкете, и его вышвырнули. Таких немало трется в домжуре…

И тут меня словно прорвало:

— Все треплешься насчет своей конторы, удостоверения, глазки корчишь, — как в хреновых фильмах, а вот тот самый момент, когда можно их остановить при помощи твоей тайной организации…

Жека застыл на месте.

— Хорошо, — сказал он, — я решусь на это, поговорю с шефом. Сам понимаешь, время сейчас не то, все боятся, опасаются, в газетах о них шумиха, но я попрошу… Для меня они должны все сделать, — Жека наклонился ко мне: — Поверь, я очень полезен, ты даже не представляешь, приходилось рисковать жизнью, и не раз… Я не имел права тебе рассказывать, но у меня была сложнейшая работа…

— Да пошел ты… — заорал я на всю улицу: — Заткнись, если хочешь просуществовать хотя бы несколько часов. Заткнись, прошу тебя!

— Ладно, ладно, — замахал руками Жека, — не будем больше об этом. Я все понял. Ты нервный человек, тебе надо успокоиться.

Мы буквально натолкнулись на его машину. — А вот и она, никто не забрал. Поедем?

— Черт с ним… Давай.

Жить мне больше не хочется, — сказал я и был недалек от истины. — Жека распахнул передо мной дверцу:

— Прошу!

— А куда поедем? — спросил я. Можно было, конечно, к Евгении Федоровне — там меня всегда ждут, но не с таким же

настроением. Жека обязательно проболтается, а она только посмеется над нами, в первую очередь надо мной, человеком в ее глазах довольно опытным. Нет, только не к ней.

— Кстати, Вика приехала, — вспомнил Жека.

— Это уже поинтереснее.

Он бросился к ближайшему автомату. Начал говорить какие-то банальные мерзости о том, что мы ужасно по ней соскучились, прошла целая вечность с тех пор, когда мы виделись вместе в последний раз… Правда, за это время она стала уже телевизионной звездой и, быть может, не захочет нас видеть… Как мне показалось, Вика прервала его дичайшую трепотню, Жека ее внимательно выслушивал и кивал головой: да, он все понимает, раз у нее такие весомые причины, он просто завидует ей черной завистью, несмотря на то, что он мужчина…

Когда он повесил трубку, я спросил:

— И здесь отшили? Жека сверкнул глазами:

— Нет, она с нами встретится… Правда, ненадолго, встреча с женихом, он сделал ей предложение, четкое и конкретное… Но у нее кое-что для нас припасено… И выпивка и капуста… Так что наши дела не так уж плохи.

— Да, ты останешься мелким щипачем, — сказал я Жеке уже в машине, — И я тоже, такова наша участь…

— А ты не спеши все-таки с выводами, — сказал Жека, — сейчас погуляем на славу, а завтра будем думать, что делать дальше. Я подключу наших… Если птички не вылетят в Штаты, они у нас в кармане…

На углу Тверской и Готвальда мы подобрали Вику. У нее: в руках была огромная сумка.

— Куда едем? — спросила она.

— Есть один надежный приют, к Юране, — сказал Жека.

— А вы, мальчики, уже хороши, — сказала Вика. — Как ты сидишь за рулем, не понимаю…

— У нас, Викуля, большие неприятности, — тут же ляпнул Жека.

Нет, он конченый…

— Какие? — спросила Вика.

— Не стоит об этом, — сказал я. — Жека склонен к преувеличениям. — И Жека тут же замолк.

Вика сказала, что она очень мне благодарна: меня и, ясное дело, Жеку ждут подарки и прочее, но все это не может сравниться с тем, что я для нее сделал.

Мы наконец добрались до моей квартиры, Вика тут же отметила, что я стал жить намного уютнее, ей у меня нравится, настоящая европейская квартира Мне после ее слов захотелось

добавить, что как бы мне не пришлось загонять всю эту велюровую мебель, югославскую стенку и вьетнамские ковры, купленные на первые гонорары от пацанок «Ах!», но, конечно же, промолчал, а Вика принялась выкладывать из своей сумки подарки.

— Да мы тебя разорили, — сказал Жека восхищенно. Он тут же бросился примерять кожаную куртку.

— Успокойтесь, мальчики, это невозможно сделать.

Потом она выставила на стол бутылки и вручила нам по пачке купюр. Мы выпили.

— Как прошли гастроли с Распутиным? — спросил я.

Вика сказала, что вполне нормально, такого массового психоза она еще не видела.

— А как чувствует себя Распутин? — снова поинтересовался я.

— Плохо. Он очень расстроен. Да, достали мы его неплохо.

— А ты бы не могла меня познакомить с ним? — спросил Жека. Я на него недоумевающе глянул: ему-то это зачем?

Вика тоже пожала плечами:

— Я могу, но зачем тебе это?

Жека отпил виски и сказал, что он давно уважает этого смышленого парня, ему больно видеть, как он мучается, он, Жека, смог бы ему помочь в сложной ситуации.

У меня от неожиданности заколoло в боку.

Ты что, совсем ошалел?

— Прошу не беспокоиться о моем здоровье, — сказал Жека. — Я нравственно и физически в форме… Подожди-ка, Юраня, мы сейчас с Викой кое о чем потолкуем.

Они вышли в другую комнату. Я подумал, что Жека спятил, придумал какую-то басню, а на самом деле они преспокойно сексуют, пока я глотаю виски. Я хотел уже подняться, чтобы осторожно приоткрыть перед собой дверь, но на меня выглянула довольная рожа Жеки. За ним вышла Вика.

— Мальчики, мне было приятно вас видеть, — сказала. она.

— Ты что, собираешься?.. А как же продолжение? — хмыкнул я.

— Не получится. Я говорила Жеке. Ждет жених… Так что потерпите.

Она улетучилась.

— Порядок, — сказала Жека.

— Какой еще порядок?

— Мы качнем этого Распутина как следует…

— Каким образом?

— Ты чудак… Видишь, я, в отличие от тебя, выражаюсь мягко

и интеллигентно… Я помогу этому мальчику. По моей просьбе ты не напечатаешь главную бомбу в своей жизни… О нем, конечно же…

— Так, так, — я начинал кое-что понимать. — Но я здесь не при чем. Понимаешь?

— Понимаю, но объявка будет очень солидная. Мы покроем все эти «Ах!»…

— Рискованно, но гениально, — сказал я и поднял бокал за здоровье Жеки.

12 Алексей Распутин

Передо мной было сизое марево — расплывчатое, поглощающее лица и дома, машины и улицы. Я жил в этом мареве и мне временами казалось, что меня больше не существует, — это мои воспоминания, а сам я, бестелесный, невидимый для других, летаю в этом мареве, не понимая происходящего. Такое было со мной, когда я ехал в поезде на Север. Денег не было ни копейки, в мешке лежал последний сухарь, я грыз его и обессиленный от голода засылал, а когда просыпался, то начинал думать — я один в этом поезде, поезд несется в бесконечность по безрельсовой дороге, никто не может его остановить… Я не мог понять, кто же едет рядом, лица начинали исчезать, я почти терял сознание.

Я мотался по Москве, простаивал у кабинета следователя Замковца, отвечал на его вопросы, возвращался домой и лежал по десять часов кряду. Я не мог ни с кем разговаривать: отвечал невпопад на вопросы жены, мне никто не звонил. Я исчез для всех — администраторов, директоров филармоний, руководства своей организации. Иногда оказывался у Джалилы и не понимал, что со мной происходит, отношения наши уже не были прежними, но я не задумывался над этим, я выходил от нее более-менее понимающим происходящее.

— Что говорит следователь? — спрашивала Джалила.

Я принимался вспоминать. Ах, да…

— Запомни, ты не уйдешь. Никто еще не уходил. Говори, кому ты давал взятки, ведь не мог же ты, уличный, никому не известный, вот так прорваться…

Я знал, что у него все рассыпается, как рассыпается в эти дни у меня, но он еще цепляется, у него есть еще время, а у меня его почти не остается, скоро моя тусовка, обнищавшая, растерянная, разбежится куда глаза глядят, кого-кого, а их подберут, останется только Кречет, он сидит на юге, занимается подводной охотой и играет на компьютерах; иногда он звонит мне и говорит, чтобы я бросал все и приезжал к нему, но я никуда не могу уехать, ежедневно я хожу к следователю Замковцу и выслушиваю его угрозы. Он говорит, что Автандил раскололся, где я закапываю свои миллионы, туда уже выехала бригада, и я могу считать себя нищим человеком, точно таким же, как следователь Замковец и всё нормальные люди вокруг. Я слушаю этот бред, киваю головой и молчу.

— Почему ты молчишь?! — спрашивает он.

— Вы больной человек, у вас воспаленное воображение и

ненормальная психика, — говорю я, — вам надо лечиться…

Он носится по кабинету и говорит, что засадить меня в камеру — дело всей его жизни…

В один из дней жена позвала меня к телефону, я еле поднялся с постели, услыхал в трубке голос Вики Ермолиной:

— Мне надо срочно встретиться с тобой…

Я назначил ей встречу в кооперативном кафе. Посетители смотрели на меня, как на выползшего из могилы, и даже знакомая официантка держалась на расстоянии. Вика была чем-то сильно возбуждена, я предложил ей выпить вина, а потом уже начинать о деле.

— Ты помнишь, я говорила тебе о двух мужиках, которые очень интересуются твоей персоной…

Я вспоминал — какой-то разговор был, но какой?

— Да, да, но ты, ради бога, напомни.

— Чикин и его дружок Жека, вроде бы он в самом деле чекист или по крайней мере сексот…

— Вспомнил, ты говорила… Чикин давно мной интересуется, очень давно. Теперь все его мечты исполняются.

— Недавно я встречалась с ними. Жека сказал, что хочет тебе помочь. У негр, мол, есть такая возможность. Просил познакомить тебя с ним. Чикин при этом присутствовал. Он, правда, сидел в другой комнате. Меня просили не говорить тебе о нем…

— Что ты думаешь об этом? — устало спросил я. Я уже пожалел, что выбрался из своего ненадежного убежища.

— Я знаю их давно и очень хорошо. Особенно Жеку. Он специализировался по девочкам. Стращал, обещал помощь и выбивал деньги. Мне кажется, здесь тот же случай… Я должна была сказать тебе об этом.

— Спасибо, — сказал я, — Мы еще с тобой споем. Я надеюсь, скоро.

— Я тоже надеюсь.

Я поймал такси и отвез ее домой. Вечером раздался звонок.

— Здравствуй, Распутин, — услыхал я в трубке. — Рад, что ты согласился встретиться со мной. Меня зовут Евгений. Когда мы можем встретиться?

— В любое время, — сказал я. — Называйте место… Я сейчас более чем свободен.

— Понимаю, вынужденный простой. Все можно изменить, — он говорил и о чем-то напряженно думал. — Я подъеду к гостинице «Юность». Встретимся у входа на Новодевичье… Сегодня, в пять часов вечера. Вы извините, но нас не должны видеть… Сами понимаете, в чем дело.

Я ровным счетом ничего не понимал, но ответил:

— Конечно же, я понимаю…

В пять часов вечера у ворот на Новодевичье кладбище ко мне подошел высокий человек с морщинистым не по годам лицом, в кожаной куртке и широких джинсах.

— Евгений… Можешь попроще — Жека.

Я тоже представился:

— Алексей.

— Вот мы и знакомы. Обстановка, правда, слегка необычная… Скажем так. Я давно, честно признаться, мечтал познакомиться с тобой. Нет, не из-за музыки, у меня другие пристрастия, ты поражал мое воображение своей пробивной силой. Кто-то мне сказал, что ты — человек двадцать первого века, и я согласился.

— Лучше бы мне не давали таких характеристик, — ответил я.

Мы дошли до могилы Хрущева и присели на скамейку. По лысому металлическому черепу стекали струйки воды.

— Не спеши, трудности бывали у всех. В том числе и у меня. Я криво усмехнулся:

— Особенно в те минуты, когда вы с Чикиным сорвали мои концерты в «Олимпийском».

Мои слова его ничуть не смутили. Он начал говорить о том, что ничего не попишешь, таковы законы борьбы и конкуренции, спросил меня, знаю ли я о группе «Ах!», а когда услыхал от меня утвердительный ответ, сказал, что он по существу является директором этой группы, даже показал свое красное удостоверение. Тут же рассказал о том, что центр «Фантом» неожиданно для него отправил «Ах!» в Америку, ясно, что пытаются переманить от него девчонок, в которых он вложил столько сил. Я тут же сказал ему, что о нем не слыхивал, но сразу же догадался, кто тащит «Ах!», когда увидел «сенсационные» публикации в газете Чикина, передачи по телевидению, клипы и интервью. Он не стал ничего отрицать.

— Вот мы и подошли к главному, — сказал он. — Ты мне сам помог, я не знал, с чего начать… Мне давно известны ваши отношения с моим приятелем Чикой, я не знаю, из-за чего все произошло, да это и не должно меня волновать… Он не может слышать твоего имени, думаю, что ты тоже не испытываешь к нему особых симпатий…

— Испытываю и еще какие! — сказал я.

— Ты понимаешь, он человек довольно сложный, издерганный, нервный… По существу, неудачник. Если сравнить его, скажем, с тобой. Но у него есть и свои привлекательные

черты. Тебя, это, конечно, не интересует… Так вот, он сказал мне, что у него готова очередная «бомба» о тебе, такая, что может смести тебя уже не на время, а навсегда. Я даже попросил его показать материал, и он показал, вероятно, испытывая уважение к моей главной профессии, о которой мы сейчас не будем распространяться. Я стал его просить не давать эту статью, сказал, что в определенные моменты каждый человек, несмотря на все свои отношения, должен быть гуманным.

— Да уж, Чика будет гуманным ко мне, — сказал я.

— Да, он, признаться, замялся. Но я убеждал долго, поверь мне… Согласись, сейчас такая публикация тебе ни к чему…

Я его слушал и понимал, к чему он ведет, я был уверен, что никакой публикации Чикин не подготовил, я, конечно, не ангел, но никаких фактов у него в руках нет, это мне точно известно. Что касается следствия, то оно не закончено, и, судя по пене у рта следователя, ничего он не докажет, на понт меня не возьмешь. Так что давай, мальчик, скорее называй сумму, я узнаю почерк Чики, он многим знаком и мне тоже… А быть может, они уже разнюхали, что следствие упирается в тупик, и прикатили, чтобы не упустить момент, тем более что девочки, отличная кормушка «Ах!», соскочили с одного места, это ясно и мне, и им тоже…

— Я признателен тебе, Жека, за заботу, — сказал я.

— Приятно иметь дело с людьми, которые хотят помочь тебе… Сколько?

После моего вопроса он поперхнулся, вероятно, Чикин на его месте почувствовал бы себя намного лучше, а он, судя по всему, дилетант или прикидывается — Вика же говорила, что девчонок из «Космоса» он обрабатывал очень уверенно.

— Леша, ты не подумай, что наша встреча состоялась из-за этого, ради бога, не подумай…

— Я ни о чем не думаю, я вижу, что ты очень приличный человек, я тебе благодарен за заботу… Но мы живем в такое время.

— Это верно. Я думаю, что не только за эту заслугу, но и за помощь в нормальном окончании следствия ты вручишь мне пятьдесят тысяч. Это вполне приемлемый гонорар…

— Я тоже так думаю, — сказал я. — Но чем ты поможешь?

— Понимаешь, мой шеф курирует прокуратуру… Твою районную в том числе. Прокурор его человек, он сам садил его на это место.

— А кто ваш шеф?

— Не важно. Но он в чине генерала… Я не только директор группы «Ах!» — он достал из кармана удостоверение с тесненным гербом СССР на обложке и покрутил им перед моим носом.

Значит, я не ошибся. И они знают о ходе моего дела.

— Хорошо, позвоните мне вечером. Условимся о времени и месте. Вы понимаете, что мне не приходится выбирать…

Мы пожали друг другу руки, и он исчез в конце аллеи. Я бросился на стоянку такси и через полчаса, запыхавшийся, сидел перед следователем. Он с интересом на меня смотрел.

— Ты кое-что передумал? — спросил он с надеждой.

— Мне нужна встреча с прокурором, — сказал я.

— С генеральным СССР? Ты ведь такой известный человек, я думаю, на меньшее не претендуешь…

— Не надо шутить, Замковец, — я впервые назвал его по фамилии, — вы сами сказали, что в вашем кабинете никто еще, не шутил. Мне нужно к вашему прокурору по очень важному делу.

Он развел руками:

— Я не могу просить его об этом. Милости прошу в приемную на втором этаже.

— Большое человеческое спасибо, — сказал я. И поднялся, чтобы уйти.

— Если на меня жаловаться, то бесполезное дело, — в его глазах сверкнули искорки, — уже многие ходили, а теперь знаешь, где все они…

Я поднялся на второй этаж. Прошел мимо секретарши.

— Вы куда, молодой человек?

— Меня вызвал прокурор. Моя фамилия Распутин.

Через секунду я стоял перед полным седым человеком. Он с удивлением смотрел на меня из-за толстых стекол.

— Я Распутин, надеюсь, слыхали, — сказал я.

— Да уж, приходилось, — он снял очки и отложил их в сторону. — Что вас привело ко мне?

— Не жалоба на Замковца. Он сказал, что все, кто жаловался, давно живут в тюрьме… У меня заявление…

Я рассказал ему о разговоре с Жекой. С каждой минутой лицо прокурора все больше багровело.

— Вам это все не померещилось? — спросил он, когда я закончил.

— Несмотря на беседы с Замковцом, психика моя вполне нормальная.

— Хорошо, приносите деньги… Я свяжусь с милицией…

Их пометят.

— Но у меня нет сейчас такой суммы…

— Ничего… Я думаю, что он возьмет и меньше. Скажите, что на время.

К вечеру я привез в прокуратуру дипломат с деньгами,

написал заявление.

— Приедете завтра утром. Все будет готово… Позвоните ему, назначьте встречу.

Я набрал номер телефона Жеки.

— Все в порядке, — сказал я. — Но завтра только половина. Остальное через два дня.

Я слышал, как Жека вздыхает, ему это явно не понравилось. Но он все же согласился:

— Хорошо, я потерплю… Кстати, с прокурором была беседа. Твое дело днями будет закончено. Завтра в двенадцать на старом месте. У Хрущева…

— Идет.

Я повесил трубку, сказал прокурору:

— Оказывается, с вами уже была беседа… Завтра в двенадцать на Новодевичьем. Постарайтесь не спугнуть его. Он человек опытный. Так мне показалось… Как-никак чекист…

Прокурор сказал, чтобы в десять я пришел за деньгами. Остальное — не моя забота.

Я иду по аллее кладбища. Вокруг бронзовые лики некогда святых правителей. Никогда не думал, что кладбище такое большое, сколько же уместилось на нем земных богов? Десятки, сотни? Жека поднимается мне навстречу с деревянной обшарпанной скамейки. Он молодчина, он спокоен, на лице у него ни тени волнения…

Ноги у меня начинают дрожать, руки тоже. Я протягиваю Жеке дипломат. Он цепко принимает его. И тут из-за металлических носов, глаз, губ мгновенно появляются живые люди. Жека пытается отбросить дипломат, но его хватают за руки, надевают наручники… Я сижу на какой-то скамейке, мимо идут люди, едут машины. Меня тошнит, и я блюю прямо перед собой. Я весь в дерьме — руки, ноги, голова… Я стараюсь опереться о скамейку, но ничего не получается.

И тут из расплывчатого марева прямо на меня выкатывает желтый «Запорожец», он проскакивает сквозь поток машин, для него не существует преград. Он все ближе накатывает на меня, и я вижу лицо шофера со стадиона… Он улыбается мне, глаза его светятся радостью. Неужели я не при чем? Я не виноват в его смерти, в его исчезновении… А тогда в чем моя вина?